

Ренат Мустафин

Заметки
на полях
ВАХТЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

Санкт-Петербург
2011 год

УДК 82-32. А/ЯЗ
ББК 84
М91

Мустафин Р. Р.

М91 Заметки на полях вахтенного журнала. / Ренат Мустафин – Санкт-Петербург, 2011. ИП Богатов С.А. – 170 с.
ISBN 5-903152-01-5

Сборник интересных и содержательных рассказов Рената Мустафина о нелёгкой и увлекательной службе на Военно-Морском Флоте, о жизни моряков, их буднях и тревогах, радостях и счастье.

Автору удаётся в небольших рассказах передать всю полноту флотской природы, удивительно гармонично открыть в сложных и суровых характерах моряков нотки, свойственные каждому человеку - доброта, любовь, надежда. И всё-таки это - военные моряки, моряки Северного флота, твёрдые и мужественные люди, беззаветно любящие флот, Север, Родину, отдающие всего себя великому назначению воинской службы. Все рассказы Рената Мустафина изобилуют морскими терминами. Да и как без них? Но надо сказать, что автор использует их умело и утончённо, создавая свой, неповторимый образ службы военно-морского офицера. Есть откровенно юмористические рассказы, есть грустные и даже трагичные, но все они исполнены той самой драматургией, когда хочется встать, и ударив себя кулаком в грудь, громко гордо произнести: «Я тоже служил на флоте!»

Книга рассчитана не только на знающих флотскую жизнь, но и для широкого круга читателей. Все события в этой книге на самом деле имели место быть, а герои рассказов автора носят в себе собирательные образы настоящих людей, мужчин - офицеров Российского флота.

УДК 82-32. А/ЯЗ
ББК 84

Фотографии и дизайн обложки: Р. Мустафин

Отпечатано в типографии «Кронверк», Санкт-Петербург – 2011

ISBN 5-903152-01-5 © MuRena (Мустафин Ренат), 2011
<http://www.renatmustafin.com>

Оглавление

Предисловие автора.....	5
Ночь, спички, хищный зверь	7
Мальчики с Персиком	12
О смекалке.....	15
Отповедь московскому гостю в сопровождении гранатомёта (с оркестром)	31
Рапóрт	60
Эх, Маруся.....	73
Экзамен.....	90
Сын греха.....	99
Фонтан	119
День донора.....	122
Лучше один раз увидеть.....	127
Убийца авианосцев.....	132
Ролевые игры	159
Бизон	161

«Моряки пишут плохо, но искренне!»

Иван Фёдорович Крузенштерн

Предисловие автора

Появившиеся в последнее время всевозможные публикации на вольную тему многим не дают покоя, заставляя их хвататься за перо и радовать нас своими эпистолярными изысканиями.

Александр Михайлович Покровский своей книгой «Расстрелять» наглядно доказал, что человеку, определённое время прослужившему на флоте, есть о чём вспомнить. А если он (флотский человек) сумеет ещё и изложить свои воспоминания в письменной

форме, то они становятся доступны широкой общественности.

Я ни в коей мере не хочу сравнивать свои потуги на литературном поприще с творчеством Виктора Конецкого или Александра Покровского (не говоря уже о более маститых писателях-маринистах) но, думаю, многим будет небезынтересно прочитать о тех или иных случаях, произошедших либо со мной, либо с моими товарищами во время службы на флоте, которые я описал на страницах «Заметок на полях вахтенного журнала».

Почему именно вахтенного журнала?

Как-то, будучи вахтенным офицером сторожевого корабля «Ленинградский комсомолец» во время боевой службы, я задал глупый вопрос флагманскому штурману, исполнявшему обязанности начальника походного штаба, по поводу какого-то мероприятия: «Павел Георгиевич, а что в вахтен-

ный журнал записывать?» На что получил краткий, но ёмкий ответ: «Всё, кроме мата!» Этому правила и придерживаюсь.

То, что описано в опубликованных рассказах, процентов на 80-90 происходило на самом деле. Но, чтобы исключить высказывания прототипов героев повествования типа: «А я сказал не совсем так, не там, не тогда...» и прочее, имена и фамилии участников описанных событий изменены. Ведь, «Заметки» представляют собой не что иное, как сборник военно-морских баек, а как говаривал один мой старинный товарищ, байкой на Военно-Морском Флоте является стопроцентно-подлинная и правдивая история, подвергнутая лёгкой литературной обработке.

Также изменены и названия кораблей, на которых эти события происходили. В некоторые персонажи вложен собирательный образ, некоторые узнаются сослуживцами, но, как принято писать – «все совпадения случайны».

Некоторые читатели сетовали на то, что в рассказах много специфической терминологии. Знаю. Но убрать терминологию – исковеркать язык, на котором говорят на кораблях (я не имею в виду «солёный морской») и сделать диалоги «рафинированными». Поэтому я сознательно пошёл на этот шаг, снабдив описания кучей ссылок, раскрывающих то или иное значение слова или фразы.

Главным героем сборника прописан Сергей Олегович Берёза – персонаж, созданный стараниями сразу нескольких авторов-одноклассников ещё при обучении в Нахимовском училище. Тогда (в 1982-84) это был крутой нахимовец, а в моих же рассказах, как и следовало ожидать, – офицер Военно-Морского Флота.

Книга рассчитана не только на знающих флотскую жизнь, но и для широкого круга читателей.

**С уважением
Ренат Мустафин**

- Я знаю, что делать! - крикнула Багира вскакивая.

- Ступай скорее вниз, в долину, в хижины людей, и достань у них Красный Цветок. У тебя будет тогда союзник сильнее меня, и Балу, и тех волков Стаи, которые любят тебя. Достань Красный Цветок!

Редьярд Киплинг. «Маугли»

Ночь, спички, хищный зверь

В детстве Берёза думал, что россомаха – ленивый и рассеянный зверёк. Что ещё можно ожидать от животного с такой фамилией?

Позже, посетив Выборгский краеведческий музей (тот, что внутри замка), Сергей увидел в экспозиции природы Карельского перешейка эту зверюгу с длиннющими когтями и оскаленной мордой. Клыки, как свечи от «Запорожца»! Там же, в музее, он узнал, что россомаха – хитрое, ловкое и опасное животное...

* * *

Много позже, выпустившись из высшего военноморского училища имени М. В. Фрунзе, Сергей распределился на сторожевой корабль «Невский комсомолец» Краснознамённого Северного флота.

Первый выход в Посёлок не был отмечен ничем примечательным – просто, отдавая дань любопытству и воспользовавшись подвернувшейся попуткой, Берёза с Толиком Монаховым (ПКСом¹ корабля – таким же лейтенантом, как он сам) отправились в «цивилизацию». Побродив по всем трём улицам посёлка, заглянув в ДОФ и, не найдя там ничего интересного, офицеры решили возвращаться на корабль.

---

1. ПКС – помощник командира по снабжению.

Машин на стоянке не было, и товарищи решили отправиться в Губу «пешкарусом». Для бешеной собаки семь вёрст – не крюк!

Шагая по тёмной заснеженной дороге, Сергей с Толяном делились впечатлениями о Посёлке, строили планы на дальнейшую службу и надеялись, что вскоре им удастся получить квартиру в этой «Жемчужине Заполярья». За разговором время летело незаметно, и, через некоторое время, приятели очутились на корабле.

- Ну что, лейтенанты, как вам наше Монте-Видео? – встретил их вопросом замполит корабля капитан 3 ранга Шевчук.

- Темно и скучно, – отозвался Берёза.

- Что, развлечений не хватает? – хитро прищурившись, спросил зам. – Адреналину захотелось? Вы ведь из Посёлка на одиннадцатом номере приехали?

- Ну да. Пешкодралом всю дорогу, – ответил Монахов. – Погода отличная – чего не прогуляться?

- Ну-ну... – ещё больше развеселился замполит. – А чтобы вам не было так скучно, расскажу-ка я молодым карасям² одну быль. Как раз по случаю...

* * *

Таким же зимним вечером (хотя, зимой время суток практически не влияет на освещённость) штурман сторожевого корабля «Невский комсомолец» старший лейтенант Иван Беляев возвращался из Посёлка на корабль. Руку оттягивала сумка, в которой он нёс в кают-компанию всевозможные снадобья для того, чтобы разнообразить стол офицеров.

Не так давно штурмана избрали заведующим столом, и он старался исполнять возложенные обязанности добросовестно. Впрочем, как и всё остальное.

---

2. Карась - молодой матрос.

Также в сумке гремели пятьдесят коробков спичек, закупленных в посёлке по просьбам офицеров и мичманов (почему-то в ту зиму были проблемы со спичками, и заядлые курильщики изворачивались, как могли).

Бодро топая по укатанному снегу, напевая себе под нос нечто бравурное, Иван шагал на корабль, в душе своей лелея надежду на то, что мимо проедет какая-нибудь машина и (о чудо!) остановится, чтобы подобрать офицера. Хотя, надежда на это была крайне мала и мельчала с каждым пройденным километром.

Сделав паузу для того, чтобы вспомнить очередную песню, под которую сподручнее шагать, Беляев услышал, как скрипит снег под лапами какого-то животного... Остановился. Прислушался. Звук шагов тоже прекратился.

Офицер ускорил шаг и через некоторое время опять услышал скрип снега, но уже с другой стороны дороги. Стоило только остановиться, как останавливался и зверь. Так, время от времени останавливаясь, штурман продвигался к кораблю, слыша всё ближе и ближе, то слева, то справа шаги животного.

Наконец, метрах в десяти впереди, из-за сугроба вынырнула собака. Вернее, сначала подумалось, что собака... А через несколько секунд Иван разглядел медвежью голову.

На него, не мигая, смотрела россомаха, сверкая в темноте глазами и ощерив пасть.

Об этом звере на Севере были наслышаны. Теперь задача усложнилась неимоверно. Надо было в темпе двигаться на корабль, при этом постараться не угодить ни на зуб, ни на коготь хищнику.

«Все звери смертельно боятся огня и придумывают сотни имён, лишь бы не называть его прямо. – Красный Цветок...» – вспомнились ко времени слова Киплинга, и штурман полез в сумку за коробками.

Первый горящий коробок шлёпнулся метрах в двух от

росомахи. Второй – практически у неё под носом.

- Теперь ступай прочь, палёная кошка! – выдал Беляев очередную цитату.

Зверь отскочил от огня и скрылся за сугробом. В ту же секунду старший лейтенант сорвался с места и преодолел опасный участок.

Через некоторое время дыхалка начала сдавать, и пришлось сбавить темп, переходя сначала на трусцу, а потом на шаг. Тут же стал слышен скрип снега справа от дороги. На звук немедленно полетел горящий коробок. За ним последовали ещё несколько.

- Вот же тварь неугомонная, – хрипя, орал штурман в темноту. – Мы с тобой одной крови, ты и я! Отстань – будь человеком!!!

Однако зверь не отставал...

Так, мелкими перебежками, отстреливаясь от росомахи горящими коробками, Иван добрался до бригады противолодочных кораблей. Зверь, увидев огни прожекторов и учуяв запах горячего железа, наконец-то отстал, а запыхавшийся и

растрёпанный штурман влетел на корабль.

Но, стоило Беляеву задраить за собой дверь в тамбур, как за спиной прозвучал голос минёра, стоявшего дежурным по кораблю:

- Штурман, спички принёс?

Всё ещё дрожащими руками штурман полез в сумку и выложил на подставленную ладонь «румына»³ последний уцелевший коробок.

- И это всё? – не замечая состояния офицера, занятый явно своими мыслями, произнёс Трубников.

Иван глубоко вздохнул, снова полез в сумку и протянул минёру... рулон туалетной бумаги:

- Держи! Мне, слава Богу, не пригодилась...

---

3. «Румыны» - прозвище военнослужащих минно-торпедной специальности (БЧ-3).

- *Вот за это я и не люблю кошек.*
- *Ты просто не умеешь их готовить.*

Телевизионная реклама Mountain Dew

Мальчики с Персиком

Перед выходом в море у лейтенанта Лёхи Белобровца оставалась одна нерешённая проблема – надо было пристроить кота.

Не мудрствуя лукаво, Лёха решил проблему кардинально – кинул ключи от квартиры служившему на соседнем корабле однокашнику Юре Столярову, и со словами: «Кота покормить не забудьте!», ушёл в море.

Гарнизонные квартиры, да ещё и в «кобелиный сезон»⁴ – понятие особое. А иметь ключи от пустующей хаты товарища – подарок небес. Поэтому Лёхин однокашник не преминул воспользоваться представленной возможностью. Тем более, что своей «норы» в Посёлке у него ещё не было.

Набрав кучу грязного белья, прихватив выпить-закусить, Столяров со товарищи двинул в «свои» хоромы, справедливо рассудив, что сначала надо привести в порядок себя, освоиться на вверенной жилплощади, а потом уже решать, чего и с кем в ней делать дальше.

Загрузив и запустив стиральную машинку, товарищи накрыли «поляну» и стали праздновать.

Через некоторое время Юра вспомнил про кота...

* * *

Вернувшись через три дня из морей, Лёха ночью забрал в каюте у сонного Столярова ключи от квартиры и пошёл до-

---

4. Кобелиный сезон - сезон летних отпусков, когда жены с чадами отбывают к мамам на «югá» (особенность произношения), а, оставшиеся без присмотра любящих глаз, мужья вспоминают юные годы. Т.е., шалят немного. В художественной литературной маринистике 70-х годов встречается как «мужской сезон». Так благоднее звучит, но, по сути, означает то же самое.

мой.

К его удивлению, в квартире царил идеальный порядок. Казалось, что стало даже чище, чем было, чему Белобровец был очень рад. Даже кошачья миска была полна «Вискаса»...

Кошачья миска...

И тут до Лёхи дошло! Кот!!! Его кот – Персик – вопреки многолетней традиции, не вышел встречать хозяина и до сих пор не подал признаков своего присутствия в квартире.

- Персик! Кис-кис... – в ответ тишина.

- Персик, мать твою, если сейчас не отзовёшься – пойдёшь на чебуреки! – теряя надежду найти кота, пригрозил Белобровец.

И тут за окном кухни он услышал душераздирающий кошачий вопль. Выглянув за окно, Лёха увидел висящего в авоське Персика.

* * *

...Вспомнив про своё обещание кормить кота до отвала и только деликатесами, Юра вскрыл пачку «Вискаса» и насыпал его в персиковую миску.

- Кис-кис... Празднуй, котяра! – пошатываясь от возлияний, обратился лейтенант к показавшемуся коту.

- Слышь, Юрец, а чего он такой зашуганный? – оторвавшись от салата, спросил его Сергей Берёза.

- Видимо к пос... посто... посторонним не привык... – справившись с длинным словом, резюмировал Столяров.

- Щас приучим! – и с этими словами Юрин собутыльник сгрёб кота в охапку. – Ё! А несёт-то от него как!!! Его, что Лёха не стирал ни разу?

- А давай постираем?! – осенила Юру гениальная мысль.

Идея понравилась!

Персик всячески старался воспрепятствовать осуществлению данной затеи. Он орал, царапался, пытался отгрызть руку намыливающего его Столярова. И, наконец, он добился своего – Персика отпустили. Но отпустили, как оказалось, ненадолго – Юра, решив, что хватит страдать за чистоту кошачьих рядов, засунул опешившего Персика в авоську и стал полоскать его в ванне.

- И куда его теперь? – глядя на обтекающего кота, спросил Берёза. – Вытирать его не будем – расцарапает, а если так отпустить – намочит всё...

- Всё продумано! – ответил Юра, и, не вынимая кота из авоськи, повесил его за окно кухни. – Пусть просушится. Потом достанем.

Но, как и следовало ожидать, «потом» про кота так и забыли...

*Ах, что за кренделя мы с вами выплетали,
Ах, как витиеват был каждый диалог.
И бедный телефон от таких реалий
Ломался, ибо вытерпеть не мог.*

Иваси. «Кренделя»

О смекалке

До смены с вахты оставалось пятнадцать минут, когда командир стартовой батареи БЧ-3 старший лейтенант Сергей Берёза, в очередной раз определяя координаты по трём радиолокационным ориентирам для контроля места стоявшего на якоре в юго-восточной части Средиземного моря корабля, услышал из динамика «Рейда»⁵ взволнованный голос, вещавший на английском:

- Mayday! Mayday!!!⁶ It is yacht Janet! My position...⁷

Но тут, перебивая бедолагу и заглушая ценную информацию, эфир прорезала привычная в этих местах фраза с итальянским акцентом:

- Green monkey!⁸

- It is Janet! Help me! My position...

- Fuck you!!!

- Stop talking, please! I need help!!! My...⁹

Но итальянские рыбаки плевать хотели на какую-то там терпящую бедствие «Жанетту», продолжая перебранку со своими турецкими коллегами.

Поняв, что это может продолжаться бесконечно долго, Берёза взял трубку «Рейда» и, не утруждая себя переходом на

---

5. «Рейд» - система УКВ радиотелефонной связи для морского флота в открытом канале.

6. MayDay - международный сигнал бедствия.

7. Это – яхта «Джанет»! Мои координаты... – *англ.*

8. Зелёная обезьяна! – *англ.* (Не знаю, как сейчас, но в 90-е это была самая популярная фраза в средиземноморском эфире).

9. Прекратите болтать, пожалуйста! Мне нужна помощь!!! Мои... – *англ.*

английский, нажав на тангенту¹⁰, спокойно произнёс:

- А ну-ка *шат ап* все! Иначе будет как вчера!

После чего, убедившись, что в эфире наступила гробовая тишина, Сергей обратился к кораблекрушенцу:

- Janet! Repeat your site, please!¹¹

Нанеся полученные координаты на карту, вахтенный офицер, включив на пульте трансляции тумблер, соединяющий с каютой командира, доложил:

- Товарищ командир! Получен сигнал бедствия! Яхта «Джанет» в ста двадцати милях к северо-западу просит о помощи.

- Как получен сигнал?

- По шестнадцатому каналу¹², товарищ командир.

---

10. Тангента - клавиша переключения с приёма на передачу на переговорном устройстве, телефонном аппарате или радиостанции.

11. «Джанет»! Повторите Ваше местоположение, пожалуйста! – *англ.*

- Берёза, ты ничего не путаешь? – голос капитана 3 ранга Чернавко выражал сомнение. – Сто двадцать миль для УКВ – это очень много.

- Сам удивился, товарищ командир. Но координаты принял правильно. Даже переспросил, – чуть обиженно ответил Сергей. – Я, конечно, не большой спец в английском, но *фри-сикс* и *дигриз-норд* разобрать могу.

- Ладно, – принял решение командир, – начинай приготовление.

- Есть! – ответил вахтенный офицер и, включив все линии корабельной трансляции, дал команду: – Корабль экстренно к бою и походу приготовить!

- Что стряслось? – задал вопрос старший помощник, через минуту появившийся на ходовом.

- В районе Мальты яхта бедствие терпит, Борис Александрович.

- И что? – во взгляде капитана 3 ранга Тётушкина читалось недоумение. – Ближе нас никого не нашлось?!

- Может, и есть. Но никто не откликнулся. Да и «гринманки» весь эфир забивали...

- Так у тебя же опыт борьбы с ними имеется, – улыбнулся старпом.

- Ага! – кивнул Берёза. – Вот и пригрозил им, что приму меры. Только так координаты заполнить и удалось.

- То-то я слышу, что в эфире опять тишина, – хохотнул Тётушкин и убыл на ГКП¹³, руководить приготовлением к бою и походу.

Сергей же, ничуть не жалея о том, что не удастся во-

---

12. Канал 16 морской УКВ-связи предназначен для передачи сигналов бедствия и установления связи. Он непрерывно прослушивается береговой охраной, службами спасения и т. д.

13. ГКП – главный командный пункт.

время смениться с вахты, так как, на его взгляд предстояла новая и интересная работа по спасению на море, занялся исполнением обязанностей вахтенного офицера. Но, по прошествии десяти минут, на ходовой, напевая «В Валлеттовском порту с пробоиной в борту “Жанетта” поправляла таке-лаж...», вновь зашёл старший помощник.

- Давай отбой! С Мальты к ним уже буксир-спасатель вышел.

С большим сожалением старший лейтенант дал команду на отбой приготовления корабля к бою и походу и вновь стал готовиться к сдаче вахты.

- Вопросы есть? – спросил он у прибывшего с бака старшего лейтенанта Кораблёва, передав ему обстановку.

- Только один, – в глазах Эдуарда были одновременно любопытство и смешинка. – А что было вчера?

- Среда... – не понял вопроса Берёза. – А что?

- Да я не об этом... Когда я, до начала приготовления, на ходовой поднялся, ты туркам с итальянцами чем-то там грозил.

- Ах, вот ты о чём! – врубился Сергей. – Да, понимаешь, поднимаюсь вчера на ходовой принимать вахту, а тут Юрец Сергеев сидит и тихо обалдевает от того, что творится в эфире. Эти папуасы по шестнадцатому каналу целую словесную баталию устроили! Причём, дальше «гринманок» и всевозможных фактов, у них, убогих, фантазия не работает.

- И?

- А я что? Я – ничего! Начеркал на бумажке пару строк и сунул их Юрику. Переводи, говорю. Он долго пыхтел, даже в каюту за словарями сбегал, но через час-полтора мы этим любителям английской словесности в эфир фразу выдали...

- А они что?

- Для них это культурный шок был! Часа три молчали – переваривали, представляя себе, видимо, как это будет вы-

глядеть на самом деле. Даже Тётушкин, поднявшись на ходовой проверить вахту, выдрать меня пытался за то, что я, якобы, «Рейд» выключил – не услышал Саныч привычного трёпа в эфире. Пришлось объяснить...

- А что, хоть, за фраза была? – сгорая от любопытства, спросил Кораблёв.

- Дык, это... – Берёза скромно улыбнулся и почесал бороду. – Малый Петровский Загиб.

* * *

Через неделю сторожевому кораблю «Невесомый», ещё месяц назад носившему на борту гордое имя «Невский комсомолец», была поставлена новая задача – в составе отряда кораблей Балтийского и Северного флота совершить деловой заход в Гибралтар. Чему экипаж был только рад. Особенно радовались те, кто, по какой-то причине, не смог потратить всю заработанную валюту в Стамбуле, и уже думал привезти неистраченные условные единицы домой.

Встретившись в точке randevu с балтийским сторожевиком «Сплочённый», корабли выстроились в кильватерную колонну и взяли курс на выход из Средиземного моря.

На ходовой пост СКРа, запросив разрешение, зашёл экспедитор:

- Товарищ командир, разрешите довести телеграмму?

Чернавко, прочитав напечатанный на бланке текст, хмыкнул:

- Надо же! Коле Шибко второго ранга присвоили!!!

Вячеслав Викторович был рад за командира «Неизменного», но не подколоть коллегу, не «проставившегося» за получение очередного звания, он позволить себе не мог.

- «Бугор»-«Невесомому»! – сняв трубку ВПС¹⁴ и гля-

---

14. ВПС - выносной пульт связи.

дя на идущий в десяти кабельтовых¹⁵ перед ним «Неизменный», вышел на связь командир.

- Есть «Бугор»! – ответил знакомый голос капитана 1 ранга Горелика.

- Товарищ комбриг, разрешите изменить место в строю и идти впереди «Неизменного»?

- Это еще чего ради? – удивился командир бригады.

- Да с подветренной стороны от товарища подполковника идти невозможно – кирзой воняет! – абсолютно серьезным голосом объяснил Чернавко.

- Да уж, ходит тут офицер в не обмытых погонах! – поддержал командира Горелик. – Но это вы уж с Николаем Александровичем сами разбирайтесь. А до Гибралтара придётся потерпеть.

- Не бойся, Слава! – ворвался в эфир голос командира «Неизменного». – За мной не заржавеет. Ошвартуемся, офицюз проведем, и – прошу к столу! Время, место, форма одежды будут объявлены дополнительно.

- Ну-ну...

В роли корабля-хозяина выступал корабль Её Величества с блистательным названием «Бриллиант». К нему «Невесомый» и швартовался.

Берёза, стоя вахтенным офицером, с интересом наблюдал, как трое моряков из швартовой команды фрегата пытались затащить на свой бак невесомовский швартовый конец. Привыкшие к своим тонким и лёгким верёвкам, матросы Royal Navy никак не ожидали встречи с русским двухсотдвадцатимиллиметровым капроновым чудом... Наконец, потратив уйму времени и сил, швартовщикам удалось затащить конец на бак, но тут же перед ними встала другая задача – дотянуть его до кнехта и там закрепить.

---

15. Кабельтов – 1/10 морской мили – 185,2 метра.

За всем этим безобразием, помимо Берёзы, наблюдала и боцман «Бриллианта». Только в её душе, при взгляде на всё,

творившееся в её заведовании и руками её подчинённых, бушевали совсем иные чувства. Подойдя к бедолагам, английская леди, взявшись правой рукой за швартовый конец и отстранив левой своих подчинённых, одним махом накинула огон¹⁶ на кнехт.

- Как говаривали классики: «Природа одарила её щедро. Тут было всё: арбузные груди, краткий, но выразительный нос, расписные щёки, мощный затылок и необозримые зады!» – вспомнив подходящую цитату, заплодировал Сергей. – Знойная женщина, мечта поэта. Я уже влюблён в неё!

Через двадцать минут швартовка была окончена, и экипаж, следуя старинному правилу: «Пришёл с моря – вымой лошадь!», начал наводить порядок на корабле.

* * *

Вечером того же дня хозяева устроили радушный приём российских моряков в местном доме офицеров. Каждой группе офицеров, состоявшей из 5-7 человек, был придан переводчик для того, чтобы гости могли без проблем общаться со своими англоязычными коллегами.

В ходе бесед, сопровождавшихся тостами за дружбу; за любимых; за тех, кто в море и проч., поднимались всевозможные вопросы об условиях службы на кораблях российского и британского флота; о том, кому где удалось побывать; о сроках пребывания в море, без захода в базу...

- Ну, а вообще, какие основные проблемы у вас встречаются? – задал очередной вопрос лейтенант с «Бриллианта».

Сергей, не дожидаясь, пока переведут вопрос, с энтузиазмом ответил:

- А что проблемы? Проблемы у нас у всех одинаковые... Вот, например, – он указал на не в меру разошедшего-

---

16. Огон – петля на конце или в середине троса, образующаяся из самого троса путём пробивки его прядей.

ся от употребления горячительного суб-лейтенанта флота Её Величества в соседней компании, – What shall we do with a drunken sailor?¹⁷

Английские моряки, оценив шутку, зааплодировали, после чего, совместно с Берёзой, привлекая к себе всеобщее внимание, даже исполнили первый куплет (с припевом) этой залихватской песни.

Переводчица Сюзан, представившаяся, как жена одного из офицеров, «совершенно случайно» изучающая русский язык, взяла Сергея за локоть, и, хлопая рыжими ресничками, с лёгким акцентом произнесла:

- Ты же сказал, что не говоришь по-английски!

Старший лейтенант посмотрел на веснушчатое лицо «жены офицера» абсолютно трезвым взглядом, хитро подмигнул и ответил:

- Так это было три рюмки назад! Теперь же языковой барьер успешно преодолён.

Услышавшие этот диалог офицеры «Невесомого», тут же довели до британских коллег случай с малым петровским загибом, в общих чертах (ну не при дамах же, господа!) объяснив им содержание этого самого загиба.

- Малый? – тут же заинтересовалась Сюзан. – Значит, есть ещё и большой?

- Был... Говорят, что русский писатель Юрий Нагибин один раз отпугнул Большим Загибом в Нью-Йорке напавшего на него с ножом негра. Даже перевода не потребовалось. Но, – Сергей развёл руками, – оригинал Большого Загиба, к сожалению, утрачен.

Далее общение протекало в тёплой непринуждённой обстановке...

* * *

---

17. Цитата из одноимённой песни «Что нам делать с пьяным матросом».

На следующий день, после обеда, часть экипажа, свободная от вахт, была отпущена в город.

Берёза, со своей четвёркой матросов, прошёлся по обезьяньему питомнику, где наглые макаки нападали на доверчивых туристок и, практически силой вырывали у них из рук бананы и прочие лакомства, заглянул в музей крепости и, устав таскаться по 40-градусной жаре, спустился со скалы на Майн Стрит, где располагались всевозможные магазинчики с кондиционерами.

Там он встретил Юру Сергеева, который, так же в окружении невесомовской четвёрки, бродил по улице. Объединив обе группы в одну, товарищи продолжили свой путь по главной улице Гибралтара, переходя из одного магазинчика-лавки в другой. В лавках их привлекала, прежде всего, прохлада кондиционеров, а никак не заоблачные цены на буржуйскую продукцию.

- Да уж, – оглядывая очередной прилавок с ценниками, поделился мыслями Сергеев, – цены тут уж больно кусачие. Не то, что в Истанбуле...

- Ага! Зато никто тебя на улице, с воплями: «Коллега, купи!», за руки не хватает и не пытается сбыть откровенное барахло под видом фирменной вещи, – ответил ему Берёза.

- Во-во! За мной один такой, с лотком на шее, около километра бежал: «Коллега! Купи “Ролекс”! Двадцать пять баксов!!!» Спрашиваю его: «А эта штамповка с “Ролексом” рядом, хотя бы, лежала?»

- И чего ответил?

- Ты знаешь, смотрит обиженно и говорит: «Посмотри в эти честные глаза! Они не умеют врать!!!» Достал, хуже горькой редьки. Пока откровенно не послал его строевым шагом, одиночным порядком, в сексуальном направлении – не отцеплялся.

- Да уж, развратили их наши контрактники. Скупают всё, что на глаза попадётся. Когда они в Стамбуле лиры на

руки получили, так мой старшина бегал по городу с бешеными глазами и всё меня донимал: «Таш, на что мне потратить мои восемь миллионов?»

- Так мало того, что скупают, они ещё и не торгуются ни разу! – сокрушался Юрий, вспомнив, как наш контрактник, перехватил понравившуюся ему кожаную куртку, заплатив за неё в два раза больше.

- Ха! Торговаться на востоке – целая наука! Кстати, знаешь, как Тётушкин в Стамбуле турецкий «Ролекс» для сына купил?

- Нет...

- Рассказываю! – довольно прищурился Сергей, заходя в лавку с сувенирами. – Точно так же подбегает на набережной к Санычу «коллега» и предлагает ему «Ролекс» за двадцать пять американских рублей. Ну, старпом, не будь дураком, зная, что на востоке цену надо сбивать раза в два, с ходу предлагает: «Куплю, но за двенадцать!» Лоточник несколько припух от такого поворота событий, но, видя, что клиент начал торговаться, предлагает свою цену – двадцать. Тётушкин покрутил в руках предлагаемую штамповку, и, прикинув что-то в уме, говорит: «Не... Теперь только за десять возьму!» От такой наглости у турка аж глаза из орбит повылазили. «Какой десять? – кричит. – За десять не могу – бизнес нет!» «Ну, на “нет” и суда нет!» – отвечает наш Борис Александрович, разворачивается и уходит.

Метров через десять догоняет его тот же турок: «Эй, бинбаши!¹⁸ Аллах с тобой – забирай за десять!» Саныч ещё раз посмотрел на часы, на продавца и говорит: «Э-э-э! Десять они во-он там стояли! Теперь только восемь!» Обалдевший «коллега» чуть на задницу не сел, вместе с лотком. Но, поняв, что дальнейший торг приведёт к снижению цены до минимума, сдался. «Шайтан! – кричит. – Забирай за восемь!»

---

18. Binbaşı – воинское звание на турецком флоте, соответствующее нашему капитану 3 ранга.

Вот как торговаться надо!

- Да, тут так не поторгуешься, – ещё раз взглянув на цены в лавке, проворчал Сергеев.

- Зато продавцы за руки не хватают и не пытаются впарить всякую фигню, – повторился Сергей.

Зайдя в магазинчик с радиотехникой, товарищи увидели командира «Невесомого», который пытался на пальцах что-то объяснить продавцу.

- О! Сергеев, Берёза, объясните этому басурманину, что мне от него надо! – заметив вошедших, воскликнул капитан 3 ранга Чернавко.

Юрий, как более подкованный в языке, взялся переводить. В результате переговоров был выбран телевизор «Toshiba» с невиданной в российских магазинах диагональю.

- Он говорит, товарищ командир, – Сергеев кивнул в сторону продавца, – что по окончании рабочего дня сможет доставить телевизор прямо к кораблю. Но за это придётся доплатить.

Вячеслав Викторович посмотрел на улыбающееся лицо старого испанца, после чего произнёс:

- Юрий Юрич, переведи этому прощелыге, что это у нас, при социализме, доставка товаров населению – платная услуга. А у них, у буржуев, стоимость доставки входит в стоимость товара, так как полностью в их же интересах.

Продавец, после того, как услышал перевод, поднял ладони, повёрнутые к покупателям на уровень груди, и показал все свои двадцать четыре зуба.

- Что он сказал? – обратился Чернавко к старшему лейтенанту.

- Окей, говорит. Лавку закрывает в 19.00. После этого готов доставить Ваш телек прямо к кораблю.

- Отлично! Вы вдвоём, – командирский перст указал

на двух офицеров, – прибудете сюда к закрытию и покажете дорогу. А заодно и проверите, чтобы этот жук загрузил то, что положено.

- А мат...

- А матросов своих, – перебил Берёзу капитан 3 ранга, – передадите мичману Егоркину. Вот он как раз сюда заходит.

Вошедший в магазин мичман сначала не понял, что происходит, когда с двух сторон к нему подошли офицеры корабля и взяли под локотки.

- Всё, Палыч-Сан, ты попал! – заговорщицким тоном начал Берёза.

- Командир приказал наших бойцов тебе передать, - в тон ему вторил Сергеев.

- А мы – на задание!!! – почти хором воскликнули старшие лейтенанты и вылетели на улицу.

Освобождённые от груза ответственности за личный состав, товарищи решали, что им делать оставшиеся два часа.

Не придумав ничего оригинального, решили продолжить обход магазинов, но уже с определённой целью – купить на оставшиеся деньги подарки жёнам.

Дойдя до перекрёстка Майн Стрит и взлётно-посадочной полосы аэродрома, офицеры, подивившись на то, как автомобили, остановившись на красный сигнал светофора, пропускают приземлившийся самолёт, перешли улицу и упёрлись в стеклянные двери супермаркета. Поднявшись на второй этаж, Сергей с Юрием оказались в шикарном отделе женского нижнего белья и поняли, что попали именно туда, куда надо. Просто глаза разбегались от обилия всевозможных рюшечек, тесёмочек и кружавчиков! Тут было всё – капрон и шёлк, цвета и кружево – отчего у моряков, третий месяц бывших вдали от родных берегов, начала кружиться голова.

- Серёга, берём всё! – прошептал Сергеев, окидывая взглядом стеллажи с товаром.

- Ага! Всё!!! – Берёза ткнул пальцем в ярлык. – А размер как определять будешь?

- Can I help you?¹⁹ – услышали товарищи приятный женский голос за своей спиной.

Обернувшись, Сергей увидел миловидную девушку своего возраста, с бейджиком на груди. Помимо логотипа отдела и супермаркета, на табличке значилось: Julia.

- Конечно, можете! – обрадовался он. – У нас возникли некоторые проблемы с определением размеров. То, что тут написано, отличается от того, к чему мы привыкли.

- Вы что, не можете дюймы в сантиметры перевести? – удивилась девушка.

- Дюймы в сантиметры мы перевести можем, и даже уже перевели, но я не могу понять, соответствует ли 91,44 сантиметра привычному для нас сорок четвёртому размеру, – включился в разговор Юрий.

---

19. Я могу помочь Вам? – *англ.*

- It's problem, – задумалась девушка. – Но я постараюсь Вам помочь.

Она взяла со стеллажа несколько упаковок и положила их на прилавок.

- Вот это, – указала она ладошкой на одну из обёрток, – на стройную, длинноногую девушку. Вот это – на девушку пышных форм. Это...

Сергей, который всё равно не понимал какой размер к кому применить, перехватил тоненькую девичью ручку, и, глядя сверху вниз в серые глаза, проникновенно произнёс:

- Юлечка, You point a finger to us!²⁰

Продавщица скромно улыбнулась, осторожно высвободила свою ладошку из лап моряка и ушла вглубь зала.

- Сейчас нас ещё и в каталажку упекут, – глядя как отошедшая девушка, указывая на российских офицеров, о чём-то перешёптывается с кассиршей, еле слышно произнёс Сергеев. – За домогательства!

И, словно в подтверждение его слов, девушка за кассой, кивнув продавщице, сняла трубку телефона.

- Всё! Приплыли!!! – сделал вывод Юрий. – Быстро снимаемся с якоря и уходим!

Но осуществить задуманное товарищам не удалось, так как, не успели они пройти и пяти метров, двери отдела распахнулись и... вместо мордovorотов-охранников в зал впорхнули ещё четыре девушки.

Сергей даже не успел удивиться, отметив лишь, что все девушки, хоть и его ровесницы, но разной комплекции, как Джулия выстроила прибывших по ранжиру. Взяв с того же прилавка упаковку, она указала рукой на девушку модельной внешности.

- Вот это – на неё!

---

20. Ты нам пальцем покажи! – *англ.*

- Вот это, – в руках продавщицы оказался другой пакет, а ладонь указала на рыжую толстушку, – на неё!

- А вот это – на меня!

Взгляды молодых мужчин задержались на девушке, как будто они увидели её впервые. Более внимательно изучив её фигуру и сопоставляя увиденное с тем, что хранилось в их памяти, офицеры пришли к выводу:

- Ваш размер нам полностью подходит!

Что Гульнара Сергея, что Лёля Юрия были приблизительно одной комплекции.

Отпустив друг друга, Джулия помогла товарищам выбрать подарки для любимых, давая ценные советы, что именно взять, чтобы им угодить.

* * *

Когда, по приходу с боевой службы, Сергей вечером рассыпал перед любимой кучу ярких пакетов, Гуля начала примерять обновки.

- Смотри-ка! Даже с размером угадал! – кружась перед зеркалом в чём-то шёлковом, удивилась она. – Как умудрился?

На что Берёза честно ответил:

- Когда я это выбирал, твоя фигура постоянно была у меня перед глазами!

Есть подозрение, что минные офицеры – это то, к чему приводит безотцовщина.

Александр Покровский. «Пардон»

Отповедь московскому гостю в сопровождении гранатомёта (с оркестром)

- ...А обезжиривать чем будете? – задал проверяющий очередной вопрос торпедистам.

Командир отделения торпедистов старшина 2 статьи Абдуллаев тут же извлёк из-под стола пластиковую бутылку с фреоном, украшенную биркой, на которой Берёза, ещё по лейтенантству, любовно нарисовал череп с костями и вывел красную надпись: «Яд! Жизнеопасно!» Вдобавок ко всему, бирка была заботливо укрыта, дефицитной тогда, самоклеящейся плёнкой и выглядела как новая.

- Хорошо. А это что? – палец офицера Арбатского Военного Округа указал на танкистский шлемофон, подбитый белой овчиной.

- Гарнитура к гранатомёту – прилагался в комплекте к МРГ-1²¹, – пришёл на помощь подчинённым командир БЧ-3 капитан-лейтенант Берёза. – Абдуллаев является командиром расчёта.

- Вот как! – обрадовался капитан 1 ранга, увидев новую тему для опроса. – А доложите-ка мне ТТХ гранаты, товарищ старшина.

- Граната РГ-55М: калибр – 55 миллиметров, дальность полёта – 500 метров, глубина взрыва – 15 и 30 метров, – уверенно начал доклад командир отделения. – Радиус поражения подводного диверсанта...

- Достаточно, – прервал Абдуллаева проверяющий. – А

---

21. МРГ-1 - многоствольный реактивный гранатомёт. Может устанавливаться на надводных кораблях, катерах, вспомогательных судах и береговых объектах.

по берегу ими стрелять можно?

- Так точно!

- И взорвутся?

- Взорвутся.

Взгляд капитана 1 ранга переместился на Берёзу:

- Плохо Вы обучаете своих подчинённых, товарищ капитан-лейтенант!

- Почему? Он же Вам на все вопросы правильно ответил.

- Как же правильно?! – возмутился проверяющий. – Старшина прослужил почти два года, **является командиром расчёта МРГ**, а о том, что во взрывателях гранат стоит гидростат, который замыкает контакт на заданной глубине, не знает! Не могут эти гранаты взрываться на берегу!

- Ещё как могут! – у Сергея, как всегда в таких случаях, «упала планка», и он ринулся на защиту подчинённых. – Даже по телевизору на днях показывали, как его звиадисты²² в подъезд дома затаскивают. Да и опыт «Дозорного» показывает...

- Своё мнение можете оставить при себе! – отрезал проверяющий. – А я Вам говорю...

Спор затянулся до обеда, поэтому осмотреть остальные заведования минёров московский гость не успел.

Наскоро пообедав и прихватив ЖБП²³, в котором высокое начальство уже написало полторы страницы замечаний, Берёза отправился к флагманскому минёру.

За бортом властвовала привычная для Севера погода: небо было затянуто тучами и представляло собой безликую

---

22. Звиади́сты — неофициальное название сторонников грузинского президента Звиада Гамсахурдия.

23. ЖБП – журнал боевой подготовки. Основной документ по планированию и учёту боевой подготовки на корабле и в подразделении.

бледно-серую массу, в которой не за что было зацепиться взглядом. Плюс ко всему морось. Не дождь, не ливень, а именно морось, которую практически не видно, но по лицу и форме начинают скатываться противные капли. Особенно – за шиворот. Бр-р-р!

Сергей бы сейчас, после беседы с проверяющим, с удовольствием залил за воротник чего-нибудь покрепче дистиллята, свергающегося с небес, но... Дело прежде всего! И решать возникшую проблему надо на трезвую голову. Тем более что, вполне возможно, надо будет предстать пред светлы очи самого командира бригады.

Проходя мимо ручья, впадающего в Губу, Берёза поймал себя на мысли, что сейчас, посреди рабочего дня, журчание оного практически не слышно, заглушаемое равномерным гулом, доносившимся с кораблей.

То ли дело ночью. Когда минёр, стоя дежурным, выходил на верхнюю палубу и проверял вахту, он отчётливо слышал, как журчит, огибая отмели и перекатываясь через камни, вода в ручье. И ещё крики всегда голодных чаек, именуемых здесь почему-то «бакланами».

* * *

- Нет, ну ты прикинь! – взволнованно начал Сергей вместо приветствия, что выражало у него крайнюю степень негодования.

*- Гудят натруженные руки,
Хотел похвастаться успехами...
А проверяющие, суки,
Насрали в душу и уехали!*

Флагмин оторвал взгляд от разложенных на столе документов и спросил:

- И как сильно? Куча-то большая?

- Посмотри, **что** это чудо мне тут понаписало!

- Да знаю я про гранаты, – во взгляде капитана 3 ранга

Анатолия Островского была смертная тоска. – Прибегал он тут ко мне – возмущался, что плохо обучаю подчинённый личный состав. Да и не уехал он ещё. У комбрига сейчас сидит.

Как я ни старался ему доказать что там временной взрыватель установлен – не смог. Даже разобрать ту гранату предлагал...

- Ну и?

- Он на меня, как на сумасшедшего посмотрел!

- И правильно сделал. Это ж только такие идиоты, как мы с тобой, могут ножовкой по металлу гранату вдоль пополам распилить, чтобы народу показать, как она устроена...

- Ладно, разберёмся. У меня сейчас не этим голова занята, – флагмин вновь погрузился в тяжёлые думы.

- А чем?

- Комбриг приказал секцию причала взорвать... Ну ту, что зимой оторвало и которая теперь посреди Губы торчит и швартоваться мешает.

*И теперь мне, мил-другу,
Не до плясок на лужку.
Мне комбриг под енто дело
Враз оттяпает бабку.*

- И что? – в глазах минёра «Невесомого» загорелся живой интерес.

- Ты представляешь себе, какой это геморрой?

- У тебя, Толик, голова хоть и большая, – Сергей ещё раз взглянул на голову шестьдесят второго размера, – а забита не тем!

- Обидеть флагмина может каждый... – проворчал Островский, перелистывая очередной том Правил минной службы.

- Никто, батюшка, Кить Китыч, не смѣет васъ оби-

дѣтъ. Вы сами всякаго обидите! – сделав блаженное лицо, проблеял капитан-лейтенант.

- Ты, вместо того, чтобы моего Однофамильца цитировать²⁴, дело говори, – оторвался от ПМСа Анатолий Александрович.

- Могу тебе с ходу предложить три варианта решения этой проблемы, – вдохновенно запел Берёза. – Вариант первый. Взорвать эту секцию в тридцать семь гробов на радость Кракену! Пара кумулятивных зарядов сверху и подрывной патрон под воду. Я, как минёр и офицер-водолаз в одном флаконе, тебе это в два счёта устрою.

Вариант второй. Отправить к причалу (а точнее – к тому, что торчит над водой) шлюпку. В шлюпке – мичман с коловоротом. Достаточно одной дырки диаметром десять миллиметров для того, чтобы выпустить воздушную подушку из плавающей части секции. В этом случае она утонет за пару минут. О том, сколько её будут сверлить – судить не берусь...

- А третий? – предчувствуя, что самое вкусное хитрый минёр оставил на закуску, спросил флагмин.

- Ну, а третий – расстрелять её из того же МРГ. Заодно и проверяле нос утрём!

- А что!? – оптимизм Сергея передался Островскому. – В этом что-то есть. С подрывом мне кучу бумаг согласовать надо. С дрелью – вообще бред. А насчёт гранатомёта – идея хорошая.

А попадёшь?

- Обижаешь, начальник! – шутливо-демонстративно насупился Берёза. – Дуй к комбригу с предложением. Дарю!

Да, кстати, и ЖБП мой захвати – покажешь этот опус комсоеду²⁵. Пусть посмотрит, **как** меня проверяли.

---

24. Сергей цитировал Настасью Панкратьевну из комедии А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье».

25. Комсоед – сокращение от «командир соединения».

В это время, в каюте флагмана на сторожевом корабле «Жгучий», вкусив камчатского краба и прочих прелестей от флотского гостеприимства, московский гость, капитан 1 ранга Тулупов, наслаждался ароматным чаем и неспешной беседой с командиром бригады.

- Хорошо тут у вас. Просто рай! Тишина и покой. А воздух!

А у нас в Белокаменной... На улицах толкотня, воздух загазован... Так ещё и квартиру дали в Бирюлёво, а оттуда пока до нашего Большого Козловского по пробкам доберёшься – часа два пройдёт.

И крабов таких просто так не поешь – только в ресторане и за бешеные бабки. А у вас тут народ избаловался. Если у краба панцирь меньше двадцати сантиметров в диаметре – мелким считают. Да и печень трески трёхлитровыми банками консервируют...

- Да уж... Что есть, то есть, – рассеяно отвечал ему командир бригады противолодочных кораблей капитан 1 ранга Виктор Сергеевич Беляков.

Комбриг был явно погружён в свои думы и разговор поддерживал лишь из вежливости. Однако гость настроения хозяина каюты явно не замечал и продолжал рассуждать:

- А я ведь чуть мимо всей этой красоты не пролетел. Проездные документы Аэрофлот от нашего Министерства не принимает, а в финчасти аванс на билеты выдавать отказались. Сказали, что оплатят по возвращении. Я тогда кулаком по столу стукнул и сказал, что никуда не поеду!

- И что? – опять автоматически спросил комбриг.

- Выдали аванс, как миленькие! – Тулупов всем своим видом излучал самодовольство и благодущие.

Глядя на довольное лицо «арбатского флотоводца» и слушая его болтовню, Виктор Сергеевич, с трудом удерживая

на лице маску вежливости, думал: «Вот ведь спирохета бледная! Аванс ему давать не хотели... У меня тут офицеры пятый месяц зарплату не получают, и семьи их живут только крабами, треской да грибами. Каждый вечер баркас уходит к выходу из Губы, возвращаясь лишь под утро, забитый уловом под планширь. Часть уходит в котёл команде, а часть – в семьи офицеров и мичманов.

А что будет зимой?

Пробки в Нерезиновой ему мешают! Да. У нас пробок нет. Потому как на всю Губу два «именных» подводничьих автобуса, которые возят только своих, «апельсин»²⁶ (тоже подводников), ГАЗ-66 да бригадная хлебовозка. С утра, ежели в «апельсин» или ГАЗон не влез, – будь любезен ножками все девять километров. И не важно, что мороз в двадцать градусов – по морозцу оно даже быстрее шагается. Проверено!

И ведь ходят на службу и в море выходят!

В хлебовозке, конечно, народ ездит очень редко, да и то – по крайней нужде. Лотки из фургона давно убраны, так что внутрь может набиться десятка два человек. Но для всей бригады – это капля в море. Некоторые острословы уже окрестили этот единственный (ГАЗ-66 опять сломан) бригадный транспорт «Чёрной кошкой».

Вот и сейчас ПКСы со всей бригады поехали в Посёлок на какие-то их тыловские сборы».

- Кстати, а почему «Невесомый»? – гость рассматривал в иллюминатор трубу соседнего корабля, на которой была изображена полярная сова, держащая в когтях подводную лодку. В силуэте субмарины явно угадывался «Лось»²⁷, но на рубке, почему-то, красовалась надпись «U-96».

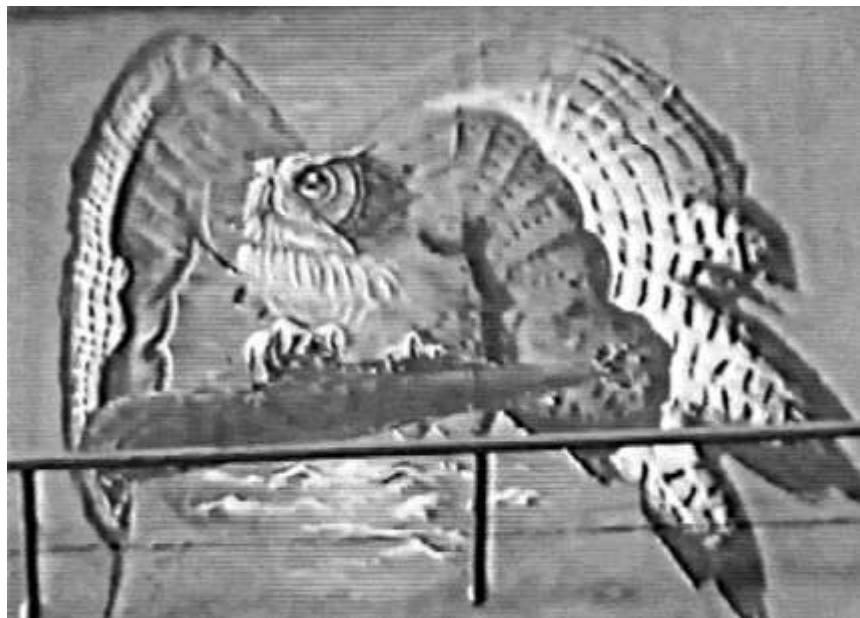
- Ах, это?.. – комбриг, проследив за взглядом Тулупова,

---

26. Вахтовая машина для перевозки людей на базе трехосного «КАМАЗа», кузов которой был окрашен в ядовито-оранжевый цвет – для большей заметности среди снежных полей.

27. «Лось» – многоцелевая атомная подводная лодка ВМС США типа «Лос-Анжелес».

отвлёкся от невесёлых дум. – По этому поводу супружница Главкома нашего, когда они в позапрошлом году в одну из тёплых стран с официальным визитом на «Невесомом» заходили, целую теорию выстроила. Когда ей жёны тамошних *послов и атташей* тот же вопрос задали, она, не моргнув глазом, ответила, что корабль назван так потому, что он летит по волнам невесомый, как птица. Этот ответ всех устроил.

- А на самом деле?

- А на самом деле – был славный корабль, который носил гордое имя «Невский комсомолец». Однако, в период всеобщих перемен и переименований решили, что под такой фамилией корабль будет не в состоянии решать задачи по прямому назначению. А ваши орлы на Козловском, дабы не сильно отвлекаться от мыслей по защите Отечества, состряпали название, которое можно было составить из тех же букв – «Невесомый».

- Разрешите, товарищ комбриг? – в дверях каюты выросла фигура флагмана, полностью заслонив весь дверной проём.

- Заходи! – Беляков был рад смене темы беседы. Не ровен час – сорвётся и наговорит москвичу всё, что в душе накопело. Лишь бы минёр ничего лишнего не ляпнул... – Что там у тебя?

- Я по поводу Вашего приказания о взрыве секции причала... – начал было Островский.

- Ну и что ты мне здесь плачь Ярославны устраиваешь? – уже поняв, что флагмин начнёт рассказывать о «неимоверных трудностях», перебил его Беляков. – Что я сам на кораблях не служил и всех тонкостей не знаю?

- Служили, товарищ комбриг, но...

- Что «но»? С тех пор ничего не изменилось.

- Ну не скажите, Виктор Сергеевич! – минёр хитро взглянул на своего начальника. – Раньше Вы служили с нами, а мы – хрен знает с кем!

От неожиданного оборота московский гость поперхнулся чаем, стукнув о столешницу никелированным подстаканником.

- Вот и воспитывайте своих подчинённых! – заметив жест гостя, завёлся Беляков. – А то из тебя флагмин, как из моего гм... хрена агитатор – тот тоже встанет, покраснеет и молчит!

Вон капитан 1 ранга Тулулов мне тут рассказывал, как ваше румынское стадо подготовлено.

Виктор Сергеевич умышленно назвал «высокое начальство» не по имени-отчеству, а по званию-фамилии, но Тулулов, видимо, даже не догадывался, что его оскорбили²⁸.

- Так минёр и должен быть тупым и решительным, –

---

28. На Флоте, в неофициальной обстановке, традиционно обращались друг к другу не по званию, а по имени-отчеству, за исключением обращения к командиру. А назвать командира (к примеру) «товарищ капитан 2 ранга» вместо «товарищ командир», означало нанести ему скрытое оскорбление – капитанов 2 ранга уйма, а командир один.

развёл ручищами Анатолий Александрович. – Я и ЖБП с «Невесомого» Вам для ознакомления принёс. Чтобы, так сказать, «передастом»²⁹ не быть, а всю информацию – из первоисточника.

С этими словами флагмин положил раскрытый журнал перед командиром бригады.

- Что-то рожа у тебя слишком хитрая и на виноватую не похожа, – заметил Беляков, углубляясь в чтение.

- Что Вы, товарищ комбриг, я полон раскаяния, – Островский встал по стойке смирно и изобразил постную мину.

- Ну-ну, – буркнул командир бригады, не отрываясь от чтения замечаний. – Так! А эт-то что такое?

Начальствующий перст уткнулся в строчку на странице журнала.

Не меняя позы, а лишь скосив глаза в сторону, куда указывал палец, флагмин прочитал вслух: *«Скобы РБУ³⁰ не расхожены, контакты ржавые»*.

- На «Невесомом»?

- Так точно, товарищ комбриг!

- Та-ак! – глаза Белякова начали наливаться кровью. – Что там дальше? Ага, вот: *«Личный состав расчёта МРГ-1 не знает ТТХ оружия»*. Это как понимать?

- Командир отделения торпедистов вместе с командиром БЧ-3 пытались доказать проверяющему, что гранаты от МРГ могут взрываться на берегу.

- И что?

- Не доказали, – вновь развёл руками Островский.

Капитан 1 ранга Тулупов, внимательно следивший за содержанием разговора, заметил, как побагровело лицо ко-

---

29. От слова «передать»;

30. РБУ – реактивная бомбомётная установка.

мандира бригады. В глубине души он даже пожалел незадачливого минёра с «Невесомого» и его флагманского специалиста, живо представив себе, что с ними сделает суровый начальник.

Каково же было удивление москвича, когда всё внимание Белякова переключилось на него:

- Уважаемый товарищ капитан 1 ранга, – вкрадчиво начал Виктор Сергеевич, хотя было видно, что он еле сдерживается от того, чтобы не заорать так, что его услышат на соседнем причале. – Посмотрите, пожалуйста, в окошко.

- Не понял... – начал было Тулупов, взглянув в иллюминатор.

- Скажите мне, пожалуйста, – перебил его комбриг, – видите ли Вы РБУ на соседнем корабле?

Ещё раз взглянув на полубак «Невесомого», проверяющий понял, что изгаляться сейчас будут не над минёрами бригады, а над ним самим. Ведь тогда, на борту «Невесомого» носовое поста торпедистов он так и не прошёл, а в ЖБП записал стандартные замечания для СКР-ов данного проекта, вчистую забыв о том, что в процессе модернизации с «Невесомого» реактивные бомбомёты срезали напрочь. И одно это предложение полностью перечёркивало все результаты проверки. А если об этом узнает руководство?

Видимо, все эти мысли мгновенно отразились на лице Тулупова, и, увидев это, Виктор Сергеевич решил развить успех:

- А теперь, если не возражаете, я прочитаю краткую лекцию по минному делу...

Однако, тут его внимание переключилось на возникшего в проёме двери взволнованного оперативного дежурного:

- Что стряслось?

- Товарищ комбриг, – оперативный покосился на проверяющего и понизил голос, – хлебовозка у пожарки перевер-

нулась!

Беляков, скосив глаза в висевшее на переборке зеркало и поняв, что московский гость не только слушает, но и *слышит* каждое слово, спросил:

- А как... *хлеб*?

Оперативный сначала не понял, о каком «хлебе» идёт речь, но через секунду, врубившись в суть вопроса, ответил:

- Пара *буханок* помялась, а так всё в порядке. Все *годны в употребление*.

- Ну и слава Богу! – выдохнул комбриг. – Но начмеда туда всё же направьте. Пусть *санитарное состояние* проверит. А то ещё потравим народ...

- Уже отправили.

- Ну, вот и ладно, – комбриг, отпустив оперативного, повернулся к флагмину, который так и стоял посреди каюты.

- Так что ты мне там про секцию причала рассказывал? – спросил он Островского, чтобы как-то сменить опасную тему разговора.

- Тут Берёза предлагает причал не взрывать, а расстрелять из гранатомёта.

- А попадёт?

- Обещает, Виктор Сергеевич!

- И когда?

- Когда прикажете. Хоть вот прямо сейчас. Послеобеденное построение закончится, и можем начинать. Заодно и практикой теорию подкрепим, – минёр указал взглядом на проверяющего.

- Чтож, добро! Только учти, что если вы с Берёзой и в этом деле обос... осрамитесь – я вас обоих в кеды обую!

- Есть, товарищ комбриг! – и минёр исчез за дверью каюты флагмана.

Через некоторое время, дождавшись окончания построения, Островский зашёл в каюту минёра «Невесомого».

- Ну что, Серёга, утвердил комбриг твоё предложение! Пойдём к командиру – доведём до него решение комсоеда и в бой. Уж больно хочется проверять нос утереть.

- Никуда ходить не надо, – откликнулся Берёза, убирая возвращённый ЖБП на полку. – Командир отпущен Беляковым семью встречать, и вернётся только завтра. Старпом в отпуске. Так что я, как ВрИО СПК³¹, на борту самый старший. Сейчас команду дадим и – добро пожаловать на бак. Так сказать – в первый ряд партера.

- А гранатомёт наводить собственноручно будешь?

- В первый раз – да. А когда пристреляемся, то с этим уже и матросы справятся. Не велика наука. Тут главное – правильно дистанцию определить.

- И как определять будешь? – поинтересовался флагмин.

- Есть способы... – ответил Сергей, выходя из каюты и прихватив с собой бинокль.

Проходя по полубаку, Берёза взглянул в нос, туда, где на крыше тамбура возились минёры, посмотрел на секундомер хронографа, запущенный в момент подачи команды, и понял, что запаса ещё одним козырем.

- Прошу отметить, Анатолий Александрович, – переходя на официальный тон, обратился он к флагманскому минёру, – гранатомёт установлен с перекрытием всех мыслимых нормативов!

С момента их беседы в кабинете в погоде произошли разительные изменения. Ветер разогнал облака, и выглянуло солнце, заливающее окрестности весёлым светом.

---

31. ВрИО СПК – временно исполняющий обязанности старшего помощника командира корабля.

На поверхности Губы мерно покачивалась злополучная секция причала, а вокруг неё, отражая солнечные лучи, поигрывала водная рябь.

- Наверное, втихаря предупредил своих архаровцев – вот и все дела, – проворчал Островский.

- Ничего подобного! – снова переходя на свою обычную полушутливую манеру речи, парировал Серёга. – О возможности стрельбы из МРГ по причалу я своим лоботрясам, каюсь, намекал. Но о сроках ни словом не обмолвился. Да и не знал я их, сроков-то!

Тут всё дело в психологии.

В любом нормальном мужике подсознательно заложена любовь к оружию. А ежели матрос знает, что он сейчас будет стрелять не «в белый свет, как в копеечку», а по конкретной цели, да ещё и результаты стрельбы увидит «не отходя от кассы», то, поверь мне, сделает всё, чтобы от команды «Расчёту МРГ боевая готовность № 1» до команды «Залп!» времени прошло как можно меньше.

- Ладно, не кажи «гоп!» – попытался остудить берёзовый пыл флагмин. – Вам ещё по этой самой цели попасть надо.

- А уж это нам как пару пальцев об... асфальт! – выпятив грудь, отозвался командир БЧ-3. – Абдуллаев, гранатомёт к стрельбе готов?

- Так точно, тащ! – доложил двухметровый детина, окончивший проверку цепи стрельбы.

- Тогда показываю мастер-класс! – взлетев на крышу тамбура по трапу не касаясь балясин руками, продолжал трёп Берёза. – Во-первых: стрельбу ведём из одного ствола. Нам, в данном случае, все семь ни к чему.

Во-вторых: прицеливаемся и заряжаем центральную трубу. Всего и делов-то – навести её прямой наводкой «через ствол» на торчащий угол причала, а потом установить необходимую дальность стрельбы.

- Кстати, о дальности, – решил напомнить Островский.
– Кто-то хвастался, что дистанцию без проблем определит. Или будешь на «выпуклый военно-морской глаз» пристреливаться?

- Зачем? – деланно удивился Сергей. – Для этой цели у нас есть «в-третьих». А именно – прихваченный мною бинокль. А ещё точнее – шкала ТД³² на его линзе.

На сколько эта «пирамида» над водой возвышается? Примерно на метр?

- Где-то так, – ответил флагмин, до которого начал доходить смысл действий минёра «Невесомого».

- А из этого следует...

Берёза поймал в перекрестие бинокля торчащий над водой угол причала и, произведя нехитрые вычисления, выдал:

- Дистанция около четырёхсот метров. Плюс-минус трамвайная остановка, – на всякий пожарный внёс поправку минёр.

И, уже обращаясь к своим матросам, производя наводку гранатомёта на цель, продолжил:

- А сейчас, карасьня, смотри внимательно – два разá показывать не стану. В следующий раз наводить вам, – вставив гранату в ствол МРГ, закончил Берёза.

- Так чего там сложного, тащ? – отозвался Абдуллаев. – Мы сейчас метки на шкалах поставим и париться не будем!

- Э-э, не скажи, – вернул подчинённого на землю командир БЧ-3. – Во-первых, надо сначала попасть по этому самому причалу...

---

32. ТД – угловая величина – тысячная дистанции. На дистанции 100 метров одна тысячная будет равняться 10 см, на 200 метрах - 20 см, на 300 метрах - 30 см и так далее по возрастающей. Пользуясь ценой угломерного деления в тысячных можно просто и быстро производить необходимые в стрелковой практике вычисления, связанные с отношением угловых (в тысячных) и линейных геометрических (в метрах) величин.

- А во-вторых?

- А во-вторых, на результаты стрельбы оказывает влияние куча условий. Хотя одно из них изменится (например, ветер, влажность пороха в двигателе или ещё какая хрень) – наводить придётся заново.

В этот момент на сигнальном мостике «Жгучего» появились капитаны 1 ранга Беляков и Тулупов.

- Товарищ комбриг, – доложил Берёза, – наведение выполнено, к стрельбе готовы!

- Добро! – коротко отозвался Виктор Сергеевич.

Личный состав вместе с командиром БЧ-3 и флагмином ссыпался с крыши внутрь тамбура. И через минуту гранатомёт с грохотом выплюнул из трубы единственную гранату.

- Перелёт! – резюмировал комбриг, наблюдая за падением гранаты возле секции причала. – Десять метров.

- Гляди-ка, почти попали! – обрадовался Островский.

- Попадём, – пообещал Берёза, вводя корректуру в угол вертикальной наводки. – Вот только о сигнальщике-корректировщике мы с тобой не подумали. Хорошо, что комбриг сам решил нам подсобить.

И, вставив в ствол МРГ очередную гранату, добавил:

- Анатолий Александрович, может быть, сам стрельбу скорректируешь? А то нехорошо как-то комбрига напрягать...

- Ладно, – проворчал флагмин, направляясь к гюйсштоку.³³ – Только очень тебя прошу – голову мне в горячке боя не отстрелите.

- Мы очень постараемся, – обнадёжил его Сергей, скрываясь в тамбуре.

Грохнул второй выстрел, и через некоторое время перед «пирамидкой» причала вырос всплеск от упавшей гранаты.

- Недолёт! – в один голос воскликнули комбриг с флагманским минёром.

- Метров пять, – уточнил Островский.

По корпусу СКРа ударила привычная волна подводного взрыва.

- Вилка! – заорал Берёза, подскочив к гранатомёту. – Сейчас мы её, родимую...

Сергей еле тронул маховик вертикальной наводки и, установив малую глубину взрыва, вогнал гранату в центральный ствол.

- Абдуллаев, давай! – скомандовал минёр, появившись в тамбуре.

Старшина вставил ключ стрельбы и дёрнул рукоятку генератора. Прозвучал третий выстрел.

---

33. Гюйсшток – стойка в носовой части кораблей, на которой поднимается гюйс (флаг, поднимаемый на носу кораблей 1 и 2 ранга во время стоянки).

Уже предвидя результат, Сергей открыл дверь тамбура и услышал перекрывающий все остальные звуки голос комбрига:

- Есть! Попали! Добивай её, паскуду!

Берёза посмотрел в сторону обстреливаемой цели и увидел, что внешне ничего не изменилось. Граната, попав в причал, отскочила в воду и взорвалась уже под ним. По крайней мере, взрыв был подводный...

- Лиха беда – начало! – проговорил минёр и обратился к подчинённым. – Я свою задачу выполнил. Теперь ваша очередь.

И, кивнув на ящик с оставшимися гранатами, пошёл на бак, где у гюйсштока стоял довольный флагмин.

- Поздравляю, Олегыч! С третьего выстрела! Как по учебнику.

- Так я же обещал! Мы тоже не «Шиком» бриты! – хвастливо выпятил грудь минёр, оглаживая короткостриженную бороду. – Теперь пусть мои орлы сами. Для каждого из них ведь очень важно **самому** попасть. А я со стороны наблюдаю.

- Педагог! – хлопнул подчинённого по плечу Анатолий Александрович.

Следующие четыре гранаты легли точно в цель. Наступила пауза.

- Чего замолчали, румыны? – спросил Беляков с соседнего борта.

- Так ящик уже отстреляли, товарищ комбриг, – ответил Островский.

- Давайте ещё один, а после посмотрим на результат, – скомандовал Виктор Сергеевич и, повернувшись к Тулупову, спросил:

- Ну как?

- Отлично! Только вот рвутся гранаты всё-таки под водой, – ответил москвич. – Да, кстати, а что за лекцию по минному делу Вы мне хотели прочитать?

- Ах, это?! – боевой запал комбрига уже прошёл, и сам он, благодаря результатам стрельбы, находился в благодушном настроении. – Как-то, лет семь назад, у нас «Дозорный» отличился...

Далее Виктор Сергеевич поведал московскому гостю историю, которая уже стала легендой.

* * *

В это февральское утро на сторожевом корабле «Дозорный» играли учение по ППДО³⁴. Всё шло по накатанной схеме. На юте вооружили гранатомёт и станцию обнаружения подводных диверсантов; заступила, получившая оружие, вахта; подготовили водолазный пост (на предмет подводного осмотра корпуса в случае прорыва этих самых диверсантов)...

И вот прозвучала очередная вводная: «Подводный диверсант – 135 градусов правого борта. Дистанция 500 метров. Командиру БЧ-3 – принять целеуказание!»

Минёр «Дозорного», уважаемый на бригаде капитан-лейтенант Николай Александрович Шибко, полностью уверенный в подготовке своих подчинённых, репетовал команду расчёту МРГ-1.

И тут его взгляд зацепился за проходившего стажировку курсанта высшего военно-морского училища имени Фрунзе Саню Панкратова, который стоял у него за спиной и впитывал в себя «науку побеждать».

Верный многолетней привычке, что подчинённый не должен слоняться без дела, командир БЧ-3 тут же набросился на курсанта:

---

34. ППДО – противоподводнодиверсионная (честное слово, есть на флоте такой термин) оборона.

- А ты, студент, чего тут торчишь? Заняться нечем? Дуй к гранатомёту и смотри, чтобы там эти оболтусы чего не натворили.

И Саня рванул на ют.

Уже скатившись по трапу на торпедную площадку СКРа, он услышал звук выстрела...

* * *

В это время в строевой части штабного корпуса бригады старые мичмана, попивая чай, вели задушевную беседу.

- Да, что ни говори, а раньше служить было веселее. И кораблей больше было, и зарплату платили вовремя... – философствовал старший мичман Иван Анатольевич Петрюк.

Разместив свои 130 килограммов живого мяса на кушетке, Иван придавался приятным воспоминаниям:

- А как же! Тринадцатого числа каждого месяца – будьте любезны в очередь к финансисту, и в кабак! Недаром тринадцатое число «Днём флота» называли...

Напротив Петрюка, за столом, перебирая бумаги, сидел Пётр Щека – полная противоположность Ивану – щуплый мичман невысокого росточка с полностью седой головой.

- Ага! Тебя послушать, Ваня, так и метр был длиннее, и килограмм тяжелее. Да и сам ты был стройным голубоглазым блондином. А сейчас... – Пётр многозначительно посмотрел на возвышающееся над кушеткой пузо и тёмную шевелюру товарища, на которой только начали пробиваться седые волосы.

- А что «сейчас»? – Анатолич подтянул коротковатые брюки, которые на нём уже еле сходились. – Я, может быть, плохо одет, но я хорошо воспитан! И вот что я тебе скажу...

Но тут словесный поток Петрюка был прерван ошутившим ударом в стену «писарки», от которого с полки на голову Ивана свалилась увесистая папка.

- Да что они там – с ума посходили? – начал подниматься Петрюк, ещё не до конца соображая, кто это «они», но готовый сполна расквитаться с нарушителями спокойствия. – Петро, я им щас...

Договорить он опять не успел потому, что в следующий миг на улице раздался мощный взрыв, выбивая окно и скидывая со стены полку с оставшимися папками. И как эхо, на территории бригады прозвучали ещё пять разрывов.

Оглушённый Щека вскочил из-за стола и бросился к кушетке, готовый прийти на помощь товарищу. Но, развернувшись и бросив взгляд на то место, где секунду назад лежал Иван, Пётр Петрович застыл в недоумении... Петрюка на кушетке не было! На том месте, где он только что находился, лежала разбитая полка и разбросанные папки. Мало того, Анатолича не было и в помещении строевой части, хотя входная дверь оставалась закрытой на замок. Только окошко для выдачи документов открыло взрывной волной...

«Не туда же он вылетел, – сопоставляя размеры *маленькой* «амбразуры» и *большого* Петрюка, подумал Петрович. – Да нет – бред это!»

Щека зажмурился и помотал головой, пытаясь прогнать наваждение и избавиться от последствий контузии. Это помогло. Не открывая глаз, он, совсем рядом, услышал голос Ивана:

- Петро, що це було? Невже війна почалася? Ой, мамоньки мої! – голос доносился откуда-то снизу.

Пётр открыл глаза и опять никого не увидел.

«Здравствуй, белая горячка!» – пронеслось в голове у мичмана, но он, не пожелавший сдаваться на милость этой незваной даме, двинулся в том направлении, откуда доносился голос Петрюка.

И тут уши резанул донёсшийся с улицы истеричный женский вопль:

- Вот ведь ироды! Да они ж мне весь зад разворотили!!!

Всё ещё осознавая нереальность происходящего, Щека вновь открыл глаза и увидел удивлённое лицо Петрюка, лежащего под кушеткой:

- Ти мені можеш пояснити, що відбувається? – Иван от волнения полностью перешёл на ридну мову.

- Разберёмся, – ответил Пётр и выбежал на улицу.

* * *

А произошло следующее:

Для юстировки носовой «Осы»³⁵ «Дозорный», против обыкновения, ошвартовали носом к берегу, в связи с чем гранатомёт на учении установили на юте. Вернее – на надстройке ПОУ КБ³⁶.

Командир отделения минёров старшина 1 статьи Томилов, привыкший к тому, что при отметке «0» на шкале горизонтальной наводки стволы смотрят на *гюйсшток*, установил МРГ, целящийся в белую трубу *флагштока*. И, естественно, при наведении получилась соответствующая рассогласовка. О том, что стволы смотрят не в море, а на берег, Андрей как-то не задумался. Раз скомандовали, значит – так надо! Авось не долетит.

Подбежавший к трапу, ведущему с полубака на ют, Сания Панкратов увидел, куда направлены стволы гранатомёта, но было уже поздно! Всё, что он смог сделать в тот момент, так это считать разрывы на берегу и надеяться, что всё обойдётся.

- Один, два, три... – считал курсант взрывы на плацу бригады и даже успел порадоваться, что гранаты легли именно на пустынный плац, но... Следующий взрыв прогремел в углу бригадного гаража, выворотив из кладки несколько базальтовых глыб и сорвав с петель открытую створку ворот. Затем, прогрохотало под стеной строевой части, высадив

---

35. «Оса-М» - корабельный зенитно-ракетный комплекс.

36. ПОУ КБ - подъёмно-опускное устройство кабель-буксира.

взрывной волной стёкла с обломками рамы...

Очередного взрыва Саня не увидел, так как обзор закрывало строение бани, но явно услышал раскаты и последовавший за ними женский крик. Из-за расстояния слов было не разобрать, но воображение Панкратова рисовало картины одну мрачнее другой...

- Шесть! – не забыв, однако, загнуть палец, он замер в ожидании седьмого взрыва.

Тишина!!!

Звонящая тишина повисла над базой. Даже визг продавщицы военторга, в подсобку которого влетела шестая граната, разметав взрывом ящики с пустой тарой, замолк на полувздохе.

Седьмая граната так и не взорвалась!

* * *

- Вот такая история. А Вы говорите «Не взорвутся!» Взрываются, как миленькие – проверено опытом!!! – резюмировал Виктор Сергеевич.

В этот момент, как будто в подтверждение его слов, одна из гранат, вместо того, чтобы отскочить от секции причала в воду, застряла в арматуре, и, через несколько секунд, прогремел взрыв.

- А вот Вам и практическое подтверждение моих слов! – комбриг победно сверкнул глазами на проверяющего.

- Каюсь, грешен! – поднял руки Тулупов.

* * *

В то же самое время, когда комбриг рассказывал проверяющему о «подвиге» «Дозорного», на баке «Невесомого» Островский с Берёзой говорили на эту же тему – обстановка наводила на общие воспоминания. Стандартизация мышления, так сказать...

- А ты, кстати, продолжение истории с обстрелом писарки знаешь? – спросил Островский, наблюдая, как бойцы распечатывают очередной ящик с гранатами.

- А у неё было продолжение? – удивился Берёза, который знал, что ввиду незначительного ущерба, никого тогда строго не наказали.

- После того, как выяснили, что седьмая граната не взорвалась, Панкратова, как самого молодого и рьяного отправили её искать. Он мне сам рассказывал...

- Ну и что Саня? – переждав очередной выстрел, спросил Берёза. И тут же повернулся к своим матросам:

- Ну что я вам говорил?! Новый ящик, другая партия пороха в двигателе, и недолёт! Цельтесь заново!

- Панкратов обползал на брюхе всю территорию бригады, – продолжил повествование Анатолий Александрович. – Безрезультатно! Потом сел, нарисовал на планшете эллипс рассеивания и пошёл искать уже в наиболее вероятном месте падения гранаты. Когда не нашёл и там, то мысленно прочертил путь её полёта, и посредине траектории обнаружил оборванный провод – граната зацепилась стабилизатором и упала

в сугроб. Оттого и не взорвалась, а лежала себе очень живописно прямо на вершине трёхметрового сугроба на краю плаца.

- И что дальше? – поинтересовался Сергей, предчувствуя, что это ещё не конец истории. Флагмин, как опытный воспитатель каждую свою историю сводил к укреплению теоретической базы подчинённых. – Абдуллаев! Перелёт. Наводи точнее!

- Что-что... Пришёл... Доложил... Нашёл, говорит... А ему в ответ: «Так тащи её сюда!»

Ага! Тащи... Очко, оно ведь не железное! Страшно, однако...

Взял наш Саня на корабле валенок, забил его наполовину ветошью, да пошёл на плац. В сугробе от гранаты к валенку прокопал ложбинку, а сам залёг метрах в двадцати, да и давай в неё, родимую, снежками кидать.

И ведь всё получилось – с третьего снежка попал в гранату, и та по желобу скатилась прямо в валенок.

Так он её в валенке на корабль и припёр, где её после благополучно и ликвидировали.

- А ведь могла и рвануть... – подвёл итог флагмин, видя, как взорвалась граната, застрявшая в арматуре причала.

* * *

После того, как под причалом взорвалась последняя граната, довольный командир бригады сказал не менее довольному Берёзе:

- Ну, минёр, порадовал! Не думал, что ты из этой гладкоствольной хренотени в секцию попадёшь...

- Служу Советскому Союзу! – отчеканил Серёга на старорежимный манер. Союз развалился совсем недавно, и ещё не до конца было понятно, как отвечать в данной ситуации.

- Вот что... – после некоторой паузы произнёс Беляков.

– Стреляй по ней каждый день в любое время на своё усмотрение. Только у оперативного «добро» запроси. А Анатолий Александрович это мероприятие в суточный план вобьёт.

- Есть! – ответил обрадованный минёр «Невесомого», получивший неожиданный «карт-бланш».

* * *

Московский проверяющий убыл с бригады в прекрасном расположении духа и заверениями, что доложит о высочайшем уровне подготовки минно-торпедной службы соединения.

Берёза ежедневно обстреливал секцию причала, отводя себе лишь пассивную роль наблюдателя – всё делали сами матросы.

Лишь однажды он сам взялся за маховики наводки гранатомёта после того, как получил доклад от дежурного по кораблю: «В районе секции подводники наших крабов воруют!»

Выйдя на бак и увидев, как матросы в шлюпке от дивизии подводных лодок беззастенчиво опустошают невесомовские краболовки, ни секунды не задумываясь, Сергей дал команду: «Расчёту МРГ – боевая готовность № 1» и полез на крышу тамбура.

Несмотря на поздний час, солнце висело над Губой, освещая окрестности яркими лучами. В такой обстановке шлюпка с незадачливыми любителями халявы была как на ладони и представляла из себя идеальную мишень.

«Положу гранату метрах в двадцати по корме, – думал он, наводя гранатомёт в намеченную точку. – Урона никакого, а штаны долго отстирывать будут!»

Подводники, видя возню у гранатомёта на баке «Невесомого», разобрав вёсла, дружно исполнили команду «Навались!» и начали уходить в сторону своих причалов.

Виктор Сергеевич Беляков засиделся на службе допоздна и, узнав, что на «Невесомом» опять собираются стрелять

по секции, вышел на сигнальный «Жгучего», дабы понаблюдать за действием. Каково же было его удивление и негодование, когда в зоне обстрела он увидел шлюпку с чужими матросами!..

- Берёза! Дробь!!!³⁷ – заорал комбриг во всю мощь. – Там же люди!

Сергей, уже собиравшийся распечатать ящик в гранатами, вытянулся в струнку и доложил:

- Товарищ комбриг! Это не люди! Это – сволочи! Они **Ваших** крабов воруют!!!

На лице Белякова некоторое время отражалась внутренняя борьба, но рациональное всё же взяло верх над эмоциями:

- Стрельбу отставить! Спустить катер и набить морду! А тебе завтра после подъёма флага – ко мне в каюту.

Матросы, с явным сожалением, зачехлили гранатомёт и убрали ящик с гранатами. Но, ввиду того, что время было упущено, отражать погоню уже не стали...

---

37. «Дробь!» – команда на запрещение стрельбы.

На следующее утро командир БЧ-3 сторожевого корабля «Невесомый» Сергей Берёза прибыл на ковёр к командиру бригады.

- Ты хоть понимаешь, стервец, что мог натворить?! – неистовствовал Виктор Сергеевич.

- Так точно, товарищ комбриг! – сокрушённо отвечал Берёза.

Обдумав всё за ночь, он, конечно, понимал, что спорол горячку. В верности прицела он ни капли не сомневался и гранату бы положил куда надо. Ну, а вдруг?.. Страшно даже представить!

Он, полностью раскаявшийся, стоял перед комбригом и ждал заслуженного «фитиля», готовый понести самое суровое наказание.

- Тебе бы, зелёнке подкильной, НСС³⁸ вклеить, чтобы в следующий раз думал своей бестолковкой, при рождении о бетонный пол ушибленной, но... Главкому виднее. Читай! – и Беляков протянул минёру листок с приказом.

Дрожащей рукой Сергей взял протянутую бумагу, удивляясь, как быстро на его «подвиги» успел отреагировать сам Главком... И откуда только узнал?

Буквы прыгали и никак не хотели складываться в слова...

Наконец, он прочёл шапку приказа: «О результатах инспекции Министерства Обороны РФ на Военно-Морском Флоте и подведении итогов».

- Я там для тебя подчеркнул, – изобразив скромную улыбку профессионального людоеда, произнёс комбриг.

Сергей отыскал указанное место, и глаза его полезли на лоб. Чтобы как-то проверить, не бредит ли он, Берёза перечитал подчёркнутый абзац, но уже вслух:

---

38. НСС – предупреждение о неполном служебном соответствии.

- Определить лучших специалистов по морской подготовке в Военно-Морском Флоте Российской Федерации:

...лучший минёр – капитан-лейтенант Берёза Сергей Олегович...

- Считаю, что в этот раз ты *обделался* лёгким испугом. Но ещё хоть что-то подобное выкинешь – перекушу! – пообещал Виктор Сергеевич, в чём Берёза ни разу не усомнился. – Свободен!

Берёза, не веря своему счастью, торопился на родной корабль. Оркестр в его душе играл любимый с детства «Марш нахимовцев»...

*...Гаврила ж, кровью истекая,
И всё на свете проклиная,
Писал последний свой рапóрт
Про флот, про жертв и про аборт...*

Известный Автор.
«Баллада о Гавриле»

Рапóрт

Корабль восьмой месяц был в отрыве от родного причала. Противолодочную бригаду сокращали, и корабли стали выводить из Губы. «Дозорный» же в этом деле был первопроходцем.

Поначалу капитан 3 ранга Берёза стонал от организации службы в Главной Базе. Зачастую старпом получал диаметрально противоположные команды.

- Чтобы к вечеру артпогреба были разгружены! – требовал комдив.

- Сигнал «Флагман-1». На верхней палубе и причале никому не находиться! – через полчаса после начала работ вещал оперативный.

- Старпом! Чем Вы тут занимаетесь? Почему боезапас не выгружают?! – вопрошал через час прибывший на корабль начальник штаба.

О, сколько тёплых и нежных слов было сказано Сергеем в адрес оперативного дежурного, командования, Главной Базы в частности и всего Северного флота, штаб которого маячил тут же на горе, в целом. Но, естественно, произносились они с таким расчётом, чтобы ненароком не дойти до ушей адресата. Мало ли что!

То ли дело в Губе, где ты сам себе хозяин и, не только штаб флота, но и командира родной дивизии видишь по большим праздникам. Да и то, пока до тебя доберутся, свои люди десять раз предупредят: «Едут!» Так нет же ж! Роди-

лась же в чьей-то мудрой голове идея о переводе корабля под бок к командующему!

Но со временем старший помощник командира «Дозорного» привык к сумасшедшему режиму службы в Базе и даже стал работать «на опережение», предугадывая очередную вводную. Служба налаживалась...

Единственное, к чему не могли привыкнуть – это отрыв от семьи. Офицеры и мичмана корабля ездили в Посёлок раз в неделю – с вечера четверга до обеда субботы или с обеда субботы до утра понедельника. И то, если корабль не заступал в боевое дежурство, не объявляли, ставший уже привычным в это время года, «Ветер-1» или не перекрывали дорогу из-за снежных заносов. Три часа езды от Базы до Посёлка при условии, если удалось сесть в автобус. А желающих было ну о-чень много.

Но и с этим корабельный люд потихоньку смирялся, надеясь, что вскоре состоится-таки приказ командующего о переводе кораблей бывшей бригады в Главную Базу, и им наконец-то дадут квартиры в городе.

И дождались! Приказ, наконец, состоялся.

* * *

Зачитав приказ командующего экипажу и отпустив старпома и сходную смену на долгожданный выходной, командир «Дозорного» капитан 2 ранга Кисляков привычно обошёл корабль.

- Обновить оклетнёвку на трапе, – выдавал он очередное указание сопровождавшему его дежурному, по старой привычке барабания указательным пальцем по источнику замечания.

- Есть! – в который раз с готовностью отвечал лейтенант Виршин, недавно допущенный к самостоятельному дежурству по кораблю.

- А почему Вы ничего не записываете? – прервал поток

замечаний Гаврила Иванович.

- Я запомню, товарищ командир! – клятвенно пообещал дежурный.

- Запомните, Александр Андреевич, – Кисляков настоятельно вознёс к подволоку³⁹ палец, – самый тупой карандаш на порядок лучше и надёжнее самой острой памяти! Вам две минуты, чтобы прибыть сюда с ручкой и записной книжкой!

Решив поднатаскать молодого офицера, командир так увлёкся, что обход затянулся до вечерней поверки.

* * *

В пятнадцать минут четвёртого, проспав всего полтора часа, Гаврила Иванович был разбужен взволнованным Виршиным.

- Товарищ командир! Затопление командного поста носовой «Осы»!

- Аварийная тревога! – на автомате скомандовал Кисляков, вскакивая с койки и торопливо одеваясь.

«Разбираться будем в процессе, а сейчас главное – выполнить первоочередные мероприятия», – подумал Иваныч, поднимаясь на ГКП под перезвон срывающих людей с коек колоколов громкого боя.

Как выяснилось, прорвало пожарную магистраль, и поток воды, бьющий в переборку под давлением 8 кгс/см², за полчаса превратил пост управления носовым зенитно-ракетным комплексом в аквариум. О происшествии стало известно лишь во время очередного обхода корабля дозорным по живучести, который тут же доложил дежурному. А тот, в свою очередь, поднял командира.

Воду перекрыли, «аквариум» осушили, и оставшуюся

---

39. Подволок - зашивка потолка жилых и служебных помещений корабля, т. е. нижней стороны палубного перекрытия;

половину ночи личный состав БЧ-2, под непосредственным руководством командира корабля, наводил порядок в посту. Но это были ещё цветочки – были вполне обоснованные опасения, что вода просочилась внутрь агрегатов, а значит, предстояла огромная работа по их промывке и просушке. Причём, ввести матчасть в строй было необходимо в кратчайшие сроки – на следующей неделе «Дозорный», вместе с другими кораблями Северного флота, должен был принимать участие в учении «Кумжа». Перспектива безрадостная!

* * *

Утром Гаврила Иванович докладывал обстановку командиру дивизии.

- Да уж! – протирая ладонью вмиг вспотевшую лысину, отозвался контр-адмирал Прыжов. – С вами я не только на вышесидящую должность не назначусь, а, чего доброго, ещё и на нары загремлю! Что делать собираешься?

- Матчасть в строй вводить. Что мне ещё остаётся?

- Ты понимаешь, что времени у тебя почти нет?

- Конечно понимаю, товарищ комдив, – нервно дёрнул плечом Кисляков. – Организую круглосуточные работы (домой, естественно, не поеду). Будем промывать кипятком и шилом. После – высушим и проверим сопротивление изоляции. Авось обойдётся...

- У тебя что, спирт есть? – подскочил в кресле Прыжов, зная, что корабли дивизии «шильным удовольствием» не обеспечивались уже три месяца. – Сколько?

- Три литра в сейфе стоит, – поняв, к чему клонит командир дивизии, «честно» признался кавторанг.

Загоревшиеся, было, глаза Прыжова вновь потухли.

- Ну, для того, чтобы на... – Алексей Николаевич прикусил язык, вовремя спохватившись о том, что дал себе слово отвыкать от «палубной» речи, дабы чего не брякнуть на питейском паркете; однако, нашедшись, продолжил, –

...бульбениться с горя, тебе вполне хватит. А «Осу» промыть – вряд ли. Ладно, иди, организовывай работы, а я к тебе флага-рта пришлю.

- Зачем? – вскинулся Гаврила Иванович. – Нам нерво-трёпки и без него хватит.

- Ничего. Пусть побегает, рогатым⁴⁰ твоим хвосты накрутит, – давая понять, что решение принято, и разговор на эту тему окончен, ответил комдив. – К тому же, под лежащего флагманского коньяк не течёт!

С тем командир «Дозорного» и убыл.

* * *

В течение нескольких дней и ночей личный состав ракетно-артиллерийской боевой части, посменно, производил работы по вводу ЗРК №1 в строй. Кисляков, верный своей давнишней привычке всё контролировать самому, принимал доклады о ходе работ каждые четыре часа, периодически самолично спускаясь в пост к ракетчикам. Флагарт тоже «прописался» на корабле и, несмотря на опасения командира, грамотно организовал восстановительные работы, не дёргая никого по пустякам. Вскоре появилась надежда, что личный состав уложится в срок.

И вот, наконец, в четыре утра понедельника в каюту командира поднялись командир БЧ-2 с флагартом и доложили, что работы завершены, сопротивление изоляции в норме. Спустившись вместе с ними в осиный пост, Гаврила Иванович дал добро на запуск. Секунды, тянувшиеся после пуска агрегатов, отняли у Кислякова несколько миллионов нервных клеток.

Наконец, флагарт, лично проверив все параметры комплекса, облегчённо доложил:

- Всё нормально!

- Прекрасно! – выдохнул командир и повернулся к командиру БЧ-2. – Личному составу – отбой. Подъём в семь

---

40. Рогатые – прозвище личного состава ракетно-артиллерийской боевой части на надводном корабле. Возможно, из-за изображённых на «штатах» (нарукавных нашивках) скрещенных стволов орудий.

тридцать. На проворачивании проверить комплекс во всех режимах.

После чего он обратился к флагарту:

- А Вас, Николай Алексеевич, я прошу подняться ко мне для решения организационного вопроса.

Капитан 2 ранга Воронин, зная о привычке Гаврилы Ивановича производить «разбор полётов» непосредственно по окончании мероприятий, лишь пожал плечами. Какая разница, отбиться сейчас или после разбора – лишние полчаса уже никакой рояли не играют...

* * *

- Какой вопрос, Иваныч? – переступая через комингс⁴¹ командирской каюты, поинтересовался флагарт.

- Как какой? Армянский, естественно! – подмигнул ему Кисляков, и, видя недоумённый взгляд офицера, достал из бара бутылку «Васпуракана» и лимон. – Думаю, что можем себе позволить. Заслужили!!!

Он открыл бутылку и по каюте тут же распространился благородный аромат.

- Чтож, я полезных перспектив никогда не супротив! – процитировал Николай Алексеевич, нарезая лимон.

- Ну, за успех нашего безнадёжного дела!

- Будем!!!

Приятное тепло растекалось по пищеводу, снимая напряжение минувших суток.

Памятуя о том, что между «прогревным» и «пристрелочным» должно пройти не более минуты, флагарт налил по второй.

---

41. Комингс - вертикальные стальные листы или деревянные брусья, ограждающие грузовые, световые и сходные люки от попадания воды внутрь помещений. Все двери на корабле также имеют комингс (порог) высотой от 50 до 300 мм;

- За наших любимых! – поднял рюмку Воронин.

Закусили лимончиком.

- Чего вдруг пригорюнился, Иваныч? – заметив изменившееся настроение командира, спросил флагарт.

- Да Маруся мне теперь всю плешь проест. В эти выходные с «Осой» провозились, в следующие – «Кумжа»...

Когда теперь до дома доберусь – не знаю.

- А что по поводу квартиры говорят?

- Да пока ничего...

- А ты рапорт на хату написал?

- Нет ещё.

- Так ты напиши! – посоветовал Алексеевич.

- А что? И напишу! Завтра же!!! – пообещал Гаврила. – Ну, за тех, кто в море!

К началу шестого бутылка опустела и флагарт отклонился.

Командир, дав указание дежурному поднять его в семь утра и уточнив, понимает ли тот разницу между терминами «разбудить» и «поднять», стал готовиться ко сну.

«А чего тянуть? – трезво рассудил Кисляков. – Напишу рапорт сейчас, а утром отдам комдиву».

Сказано – сделано! И, поставив подпись под документом, Гаврила уронил голову на подушку и тут же уснул.

* * *

Однако поспать до намеченного часа ему не удалось. В половину седьмого командир был разбужен звонками корабельного колокола и докладом по КГС⁴²: «Прибывает командир бригады!»

---

42. КГС – корабельная громкоговорящая связь

Пока Гаврила Иванович торопливо натягивал брюки, дверь в каюту отворилась, и он услышал голос капитана 1 ранга Пирогова:

- Спишь, командир? Отдыхай, отдыхай! Мне дежурный уже доложил, что «Осу» в строй ввели.

«Какой там, к чертям... Ни сна, ни отдыха измученной душе!» – мысленно проворчал Кисляков, надевая рубашку. Однако вслух ответил:

- Да я уже встал, товарищ комбриг! Сейчас только в порядок себя приведу.

- Ну-ну...

Открыв дверь спальни, Гаврила увидел, что комбриг, надев очки, читает его неосмотрительно оставленный на столе рапорт.

- Ну, ты даёшь, командир! Долго сочинял?

- Да нет, – ответил Кисляков дрогнувшим голосом. – Это я так, для себя написал...

- Какое там «для себя»? Вон тут русским по белому написано: «Командиру войсковой части...» и подпись стоит. А это уже документ, между прочим, – расплылся в улыбке Пирогов. – Пойду-ка я, отдам сей опус начштаба дивизии – пусть возрадуется.

С этими словами комбриг, сунув рапорт в папку, вышел из каюты.

- Товарищ комбриг! Фёдор Александрович! – пытался остановить его Гаврила, но тщетно – лишь три с половиной звонка были ему ответом⁴³. Пирогова и след простыл.

«Ну, това-арищ комбриг!» – вспомнил командир фразу из любимого фильма, обдумывая последствия от прочтения его рапорта вышестоящим командованием. Тут же в памяти всплыла ещё одна фраза, авторство которой приписывали самому Феликсу Эдмундовичу: «Если думаешь, говоришь, пишешь и подписываешь – не удивляйся!»

* * *

Наспех побрившись, Кисляков прибыл на борт «Адмирала Михайлова» и поднялся в каюту начальника штаба дивизии.

- Разрешите, Виктор Сергеевич?

- А, пришёл! – капитан 1 ранга Беляков находился в прекраснейшем расположении духа. – Ну, заходи, Пушкин ты наш доморощенный!

- Тут это... – начал, было, Гаврила, заходя в каюту. – Комбриг мой рапорт...

- Ага! Прочитал! Получил неопишное удовольствие!!! – перебил его начальник штаба.

- А забрать можно? – с надеждой спросил командир

---

43. Прибытие и убытие на корабль начальников обозначается продолжительными звонками. Командир корабля – три звонка; комбриг – четыре; комдив – пять и т.д. При сходе начальника с корабля последний звонок даётся коротким.

«Дозорного».

- Неа!

- Почему?

- А я его комдиву отдал. К нему и обращайся.

Командир дивизии о чём-то увлечённо беседовал с контр-адмиралом Гореликом, угощая его чаем, заваренным по собственному рецепту. Увидев появившуюся в проёме двери фигуру Кислякова, Алексей Николаевич оживился:

- О! Командир! А ну заходи!!! По поводу «Осы» мне комбриг уже доложил. Молодцы!

И, уже обращаясь к гостю, добавил:

- Вот послушай, Василий Николаевич, какие мне команды рапорта пишут.

И, нацепив на нос очки, стал читать, держа лист на вытянутой руке:

- «Командиру войсковой части...» Слышишь, Вася? Это он! мне!!! пишет. «Рапорт». Тебе, в бытность твою начальником штаба, таких документов не писали. Вот слушай:

«Чтоб службу справную нести, хочу квартиру обрести». Хочет он! Квартиру, Вася! Ни много, ни мало!

«Состав семьи: жена с детьми и бобик с острыми когтями». Да прекрати ты ржать, Николаич, – это ещё не всё. Читаю дальше.

«Жена, хоть баба, но живая – ей комната нужна жилая. Подруга жизни, как-никак! Её не сунешь на чердак»⁴⁴.

Ну, как тебе слог? И ведь не постеснялся, паршивец, подпись поставить!

«Если пишешь – не подписывай!» – донёсся до Гаврилы Ивановича насмешливый голос Железного Феликса. Да причём так явственно, что Кисляков аж замотал головой.

---

44. Дословный текст подлинного документа.

- Что головой мотаешь? Не твоя, что ли, подпись???

- Моя...

- Так ото ж!

- Слушай, Лёша, отдай его мне, – утирая слезы, просто-напросто Горелик, кивнув на рапорт. – Буду слушателей учить, как надо документы оформлять.

- Ага, щас! Вы и так там, в своей академии Генштаба, непонятно чему народ учите, – сварливо ответил ему Прыжов. – Опять будут мои корабли с танками сравнивать. Хоть бы что-нибудь новое за столько лет придумали...

- Зато, хоть теперь про «фляжку» и дырки на тапках не спрашивают! – парировал Василий Николаевич.

- Опять же, не ваша заслуга, а месье Покровского с его «Расстрелятью»... А ты знаешь, Вася, я на его рапорт отвечу, – кивнув в сторону замершего соляным столбом посреди флагманской каюты Гаврилы, комдив достал «Паркер».

Начеркав несколько слов и поставив размашистую подпись, Алексей Николаевич победно взглянул на командира и перевёл взгляд на гостя:

- Вот так-то! Мы тоже кое-что можем!!!

Контр-адмирал Горелик, протерев вспотевшие очки, прочитал резолюцию и начал сползать со стула.

- Ну, Николаич, талант! Даже я так не смог бы!

- На, командир, ознакомься, – Прыжов протянул в сторону Кислякова рапорт, однако, не давая его в руки.

Гаврила был готов к любой резолюции от «ВыХОД» до «ПТНХ»⁴⁵. Но только не к этой! В левом верхнем углу листа по диагонали чётким почерком значилось: «Жена, конечно

---

45. «ВыХОД» - аббревиатура от «Вы Х... (очень плохо) Оформляете Документы; «ПТНХ» - Пошёл Ты На... (хотя есть и другая, более приличная расшифровка, озвученная в одном из военных судов - Пока Тебе Не Ходатайствую).

же, не блядь – квартиру надо выдавать! к/адм Прыжов»⁴⁶.

- Ознакомился? Всё! Иди, готовься к «Кумже». Не хватало мне ещё перед Василием Николаевичем и его подопечными опозориться.

- А рапорт? – в голосе капитана 2 ранга вновь прозвучала надежда.

- Что «рапорт»?

- Отдайте, товарищ комдив.

В этот же миг в нос Кислякову упёрлась адмиральская дуля.

- Вот! Видел? Я его лично в ОМИС⁴⁷ отнесу и проконтролирую, чтобы квартиру тебе в кратчайший срок распределили.

* * *

Рапорт долго кочевал из одного кабинета ОМИСа в другой, где над ним ухохатывались все, от начальника до последнего клерка. Однако через месяц Гаврила, Маруся с «детьми» и бобиком вселялись в новую квартиру в Главной Базе.

---

46. Из песни слов не выкинешь. Текст резолюции тоже подлинный.

47. ОМИС – отдел морской инженерной службы.

*Служил Гаврила на бригаде,
Гаврила командиром был,
И часто, ни на что не глядя,
Гаврила в море уходил.*

Известный Автор.
«Баллада о Гавриле»

Эх, Маруся...

Выходили ночью. Надо было успеть поставить мишенную позицию, по которой в полдень крейсер произведёт ракетный залп. Всё, как обычно.

Приняв доклады о готовности корабля к плаванию в узкости, старпом, капитан 3 ранга Александр Комар, недавно сменивший убывшего на классы Берёзу, прибыл на ходовой:

- Товарищ командир! Корабль к плаванию в узкости подготовлен!

- Добро!

Глядя в ночь, где у гюйсштока виднелась съёжившаяся на ветру фигура вперёдсмотрящего, старпом обратился к командиру:

- Товарищ командир, прошу добро с проходом Тóроса⁴⁸ сменить вахтенного офицера. Пусть минёр идёт своё железо готовить – у нас по плану проверка УДВ-60⁴⁹.

- Кем собираешься заменить?

- А пусть Кармаев заступит...

- Лейтенант?

- А что? Зачёты сдал. Вот пусть в спокойной обстановке опыту набирается. Да и Вы за ним приглядите...

- Ну-ну... Пусть попробует.

---

48. Торос - остров на выходе из Залива;

49. УДВ-60 - взрыватели глубинных бомб;

После поворота на курс 33° к командиру подошли двое:

- Товарищ командир, лейтенант Кармаев вахту принял!

Командир «Дозорного» капитан 2 ранга Гаврила Иванович Кисляков, посмотрев на заспанное лицо лейтенанта, ткнул пальцем в стекло иллюминатора, за которым светили огни Сетьнаволока⁵⁰.

- Доложите-ка мне, товарищ лейтенант, что это там, слева тридцать, зелёное краснеет?

Кармаев устоялся в указанном направлении, увидел три красных проблеска, сменивших их три зелёных, зачем-то пожевал губами, дождался опять красных и бодро доложил:

- Малоразмерная цель, товарищ командир!

- Что-о-о?!

- Идёт зигзагом...⁵¹

Тут командира прорвало:

- Старпом!!!

- Есть! – старпом будто ждал этого.

- Александр Станиславович! Когда я говорил, что основной твоей задачей является – выпихнуть меня, старого дурака, из командирского кресла, я не имел ввиду – загнать в гроб! С такими вахтенными офицерами мы все, подчеркиваю – все, в Сибирь отправимся лобзиками тайгу валить. Но только я и там у вас бригадиром буду.

Лейтенант побледнел и, кажется, окончательно проснулся. Стоявший сзади минёр, привыкший уже к словесным эскападам своего командира, еле сдерживая смех, представлял, как расскажет новую байку в кают-компании.

- Значит так! – подвёл итог Гаврила Иванович, – Карма-

---

50. Маяк Сетьнаволока. Даёт попеременно три красных и три зелёных проблеска;

51. При плавании в строях, военные корабли обозначают свой поворот красными (влево) или зелёными (вправо) проблесками;

ева поставить дублёром, а сюда гони Виршина.

- Командиру зенитно-артиллерийской батареи прибыть на ходовой пост! – тут же среагировал минёр, дав команду по трем линиям корабельной трансляции.

- А Вы, юноша, – обращаясь к лейтенанту, ласково пропел Кисляков, – спуститесь с ходового только тогда, когда доложите мне все огни и знаки от Ворьемы до горла Белого моря.

- Есть! – просипел Кармаев, прикидывая в уме, сколько часов ему понадобится для повторения «любимых» маяков.

- Включая губы и заливы! – сделал «контрольный в голову» командир.

С заступлением артиллерийского комбата на вахту особых проблем не возникло...

На торпедной площадке «Дозорного» возились акустики, привычно надувая уголки отражатели, а на юте – суетились «румыны», собирая тральные вехи, служившие одновременно и якорями, и отражателями будущей мишенной позиции.

С приходом в район, всё было готово.

Штурман ещё раз сверился с координатами и доложил:

- Корабль в точке постановки мишенной позиции!

* * *

Мишень поставили на загляденье красиво: в лучах восходящего солнца, мерно покачиваясь и бликуя, перпендикулярно пеленгу стрельбы растянулась гирлянда шаров НУО с тральными вехами по краям.

Отойдя на 50 кабельтовых от мишени, командир запросил БИП⁵²:

- Как отметка?

---

52. БИП - боевой информационный пост;

- Отметка чёткая, товарищ командир!

И тут появилась она...

- Ходовой – БИПу!

- Есть!

- Пеленг..., дистанция... Обнаружена новая надводная цель. Предположительно – РЗК «Марьята». Элементы движения цели определяются.

- Душу вашу вперехлёт через клюз! Нарисовалась! – не сдержался Гаврила Иванович. – Что тут определять? Я и так скажу, куда она прёт! Такое ощущение, что капитан «Машки» узнаёт о планах БП флота раньше нас...

- «Золотарь»-«Дозорному»! – рявкнул Кисляков, сорвав трубку ВПСа.

«Вот ведь, хватило у кого-то ума на такой позывной! – следя за отметкой от «Марьяты» на индикаторе «Дона»⁵³, подумал Виршин. – С одной стороны «золотарь» – золотых дел мастер. А если верить второму его (слова) значению – ассени-

---

53. «Дон» - радиолокационная станция (очень старая);

затор! Хотя, всё правильно – должность такая – на берегу дерьмо разгребает, а в море – из этого самого... конфетку слепит...»

- Есть «Золотарь»! – отозвался динамик ВПСа голосом капитана 1 ранга Литвинова.

- Мишенную позицию выставили. Но тут наша старая знакомая нарисовалась и чешет прямо в район!

- Выйдите с ней на связь и передайте, что район закрыт для проведения ракетных стрельб! – дал команду ВПС и затих.

- Ага, послушала она нас! – буркнул себе под нос командир. – Да и, к тому же, извещение они получали...

Но тут же, верный дисциплине, отдал команду вахтенному офицеру:

- Вызвать и предупредить!

Саня Виршин, все познания в английском языке которого составляли две-три фразы (причём, большинство из них – неприличные), уверенно снял трубку «Рейда»:

- Марьята! Марьята! Вис из э рашн вор шип колинг ю! Оува!

«Во выдал! Почти без запинки», – восхищаясь собственными успехами, подумал Саня.

Услышав ответ и, кося одним глазом в таблицу МСС⁵⁴ (опыт не пропьёшь!), Виршин продолжал вещать в трубку:

- «Марьята», November-Echo-Kartefour!⁵⁵ – и, взглянув еще раз на экран РЛС, продолжил. – Mike-Golf-Oktoeight.⁵⁶

Получив из динамика вежливое «О`к», вахтенный офицер обернулся к Кислякову:

---

54. МСС - Международный Свод Сигналов;

55. NE4 - Вам следует идти с особой осторожностью; держитесь в стороне от района, где проводятся стрельбы (МСС);

56. MG-8 - Вам следует держать курс на север (МСС);

- Предупредил, товарищ командир! Ответили, что поняли.

- Понять-то они – поняли, а вот сворачивать явно не собираются, – ответил Гаврила Иванович, рассматривая в визир до боли знакомый силуэт разведчика. – Идут прямо к мишени. Ложимся на обратный курс!

В этот момент голосом «Золотаря» вновь ожил динамик ВПСа:

- Время «Ч» минус тридцать.⁵⁷ Доложить о чистоте района!

Уже предчувствуя ответную реакцию, командир взялся за трубку:

- В районе мишенной позиции – РЗК «Марьята». Установили связь. Предупредили. Ответила, что поняла, но сворачивать не собирается, – доложил он и вовремя приглушил громкость динамика. О способности Литвинова мгновенно «взрываться» и пренебрегать всеми канонами «парламентской» речи знали все.

Вот и сейчас в эфире выстраивалось здание, по количеству этажей не уступавшее знаменитому Empire State Building. Причем бóльшая часть высказываний относилась к «Марьяте», её капитану, экипажу и всем их родственникам до седьмого колена. В этот момент Гаврила Иванович жалел лишь о том, что связь закрытая и капитан «Машки» лишён удовольствия выслушать «спич» в его честь. Хотя... Чем чёрт не шутит... Кто знает, что за аппаратура спрятана в недрах норвежского «исследовательского судна»? Спорить на то, что викинги их не слушают, Кисляков точно бы не стал.

Тем временем «Марьята» вошла в район и спокойно встала у мишенной позиции. Точно на пеленге стрельбы!

- Командир, гони её... – и кратко, но ёмко, указав направление движения «Марьяты», «Золотарь» закончил свой

---

⁵⁷. До залпа - 30 минут;

монолог, длящийся без малого минут пять.

- Учебная тревога! – поразмыслив, принял решение командир. – Александр Андреевич, приказание замкомдива слышали? Исполняйте!

Виршин, поняв, что в связи с объявленной тревогой, смена с вахты переносится на неопределённое время «вправо», безо всякого энтузиазма взялся за трубку «Рейда». О чём и как говорить, он не представлял совершенно. То ли дело Кисляков – ему что по-русски, что по-английски говорить – разницы, практически, никакой...

После полуминутного размышления, Саню осенила идея. Да именно так! И сам пар стравит, и от необходимости что-либо объяснять кэпу «Машки» избавит себя на сто процентов! Оставался только риск – лишиться допуска к несению вахты, но... кто не рискует...

Виршин поднёс к уху трубку и, набрав полные лёгкие воздуха, заорал:

- Марьята! Факин щит! Норги, гоу хом! Фак ёсэлф, сан оф э бич!!!

После чего, положив трубку на рычаг «Рейда» спокойно сказал, во мгновение ока оказавшемуся рядом и побледневшему как борт «Машки» Гавриле Ивановичу:

- Ну вот. Вроде бы всё, что знал, рассказал...

- Ты-ы-ы!!! – командир сорвал с горла душивший его галстук, но было видно, что он с удовольствием бы затянул другой – пеньковый – на шее своего вахтенного офицера.

Саня, видя, что перегнул палку, отступил на два шага, упёршись спиной в переборку и подняв руки, быстро (пока не успели убить) воскликнул:

- Товарищ командир! Я на тангенту не нажимал! – и, видя, как расслабилось лицо Кислякова, спокойнее произнес. – Ну, как я им всё это объясню?

Командир, выдохнув, опустил занесённую для расправы

над комбатом, зажатую в кулаке трубку.

- Точно смерти моей захотели! Им же не вирши слагать надо. Хотя, они сейчас и на сагу не откликнутся... По «Соглашению»⁵⁸ сигнал наберите!

- Так оно же для америкосов... – опешил Виршин.

- Ничего. Норги его тоже понимают. Дайте команду сигнальщикам, чтобы подняли на правом ноке сигнал: «Готовлюсь произвести ракетные стрельбы!»

- Есть! Сигнальный правый, «Восьмёрку»-«Второй дополнительный»-«Двойку»⁵⁹ – до места.

Через несколько минут сигнальщик доложил:

- На «Марьяте» подняли сигнал: «Зулу»-«Лима»-«Унауан».

- Ну вот, а Вы боялись, что не поймут, – обратился командир к Виршину. – Что с ЭДЦ «Машки»?

- Без изменений.

- Вот ведь... эпическая дева!⁶⁰ Ну что с ней поделать?

Пришлось опять выходить на связь с «Золотарём», тем более что время уже поджимало.

- Все средства уже испробовали, Сегрей Александрович!.. почти. Что же мне из неё «Йорктаун» в крымских водах делать? Или стрелять прикажете?

- Стреляй! Но чтобы через полчаса этой... (Кисляков опять пожалел, что связь закрытая) в районе не было! – отрезал Литвинов.

Дав отбой, командир от души всадил трубку ВПСа в ры-

---

58. Соглашение между США и СССР о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним от 25 мая 1972 года;

59. Флаги, аналогичные международным UY2 - Я готовлюсь произвести учебные ракетные стрельбы...;

60. В финском эпосе «Калевала» есть такая героиня, проходной персонаж, Марьята, молоденькая девица.

чаги крепления. Аж пластмасса в стороны брызнула!

- Минёра ко мне!

* * *

Пока ждали минёра, Гаврила Иванович подошёл к «Рейду»:

- Marjata! I am going to make educational rocket shooting. To remain on this place it is dangerous. The request not to be in a direction from me of 30-90-160 degrees. You should head 0 degrees. Increase your speed.⁶¹

И, дождавшись ответа:

- Russian war ship! It is Marjata! Your signal is accepted and understood,⁶² – отжал клавишу магнитофона.

- Вот теперь пусть попробуют сказать, что мы их не предупредили.

Оттирая руки от мнимой смазки и делая вид, что его только что оторвали от любимого железа, на ходовой поднялся капитан-лейтенант Аболтинш.

- Зигфрид Иванович! – обратился к нему командир. – У Вас к испытаниям взрывателей всё готово?

- Так точно! – ответил минёр, чувствуя в командирском вопросе явный подвох. В матчасти он не сомневался, но сам тон вопроса и вид командира говорили, о том, что сейчас ему скажут какую-то гадость.

- Вот и прекрасно! Будешь стрелять по «Марьяте». Не всё ж тебе ВОХРушек с рыбаками пугать. Жду доклада о готовности.

Пока минёр пытался переварить услышанное, Кисляков, с азартным блеском в глазах, переключился на вахтенного

---

61. Марьята! Я готовлюсь произвести учебные ракетные стрельбы. Оставаться на этом месте опасно. Просьба не находиться в направлении от меня 30-90-160 градусов. Вам следует держать курс 0 градусов. Увеличьте вашу скорость;

62. Русский военный корабль! Это Марьята! Ваш сигнал принят и разобран;

офицера:

- Запросить у «Марьяты» их курс и скорость.

- Говорит, что идёт курсом ноль, скоростью шесть узлов, – доложил Виршин, с трудом переведя супостатскую тарабарщину.

- БИП! ЭДЦ «Марьяты»?!

- В дрейфе, товарищ командир.

И тут же прозвучал доклад с КП БЧ-3:

- Товарищ командир, РБУ правого-левого борта заряжены!

- Отлично! – потирая руки от предвкушения предстоящего дела, откликнулся Гаврила Иванович. – Атака подводной лодки! Стрельба из РБУ номер один и два залпом из двадцати четырёх! Пеленг залпа... – Кисляков на секунду задумался и, взяв поправку на 10° по корме «Машки», продолжил, – сто градусов, дистанция – пять пятьсот! Выполнить наводку!

Видя, как развернулись и, чуть подрагивая, замерли в направлении на корму «Марьяты» бомбомётные установки, командир, обращаясь к минёру, почти по-отечески, попросил:

- Иваныч, только не как в прошлый раз!

Зигфрид, повернувшись к старпому и изобразив зверский оскал, возвопил:

- Я ещё ни одну бомбу через ствол не выгружал. Все сходили!

- Я помню! – коротко отозвался Комар, у которого, действительно, были свежи воспоминания о событиях месячной давности, когда, на репетиции морского парада перед Днём Флота, бомба «Дозорного» улетела на Шавор, распугивая местных жителей. – Недаром за тобой позывной «Латышский стрелок» навеки закрепили.

- Да ладно, – отбояривался минёр, выдав свою коронную

фразу. – Рассосётся! По крайней мере, это гораздо почётнее, чем прежние «Болт» или «Сигизмунд Лазоревич».

- Товсь! – прервала их трёп команда Кислякова.

- Товсь выполнено!

«Ну, грудь в крестах – это вряд ли, а вот голову в этих куцах сложить – запросто!» – промелькнуло на периферии сознания Гаврилы Ивановича.

Команда «Залп!» вырвалась из уст автоматически, как только сигналы, оценивающие параметры стрельбы, сошлись в одной точке его центральной и очень нервной системы.

С коротким промежутком бомбы срывались из труб РБУ и устремлялись в сторону норвежца.

За кормой «Марьяты» начали вырастать всплески от падения бомб, а через некоторое время по корпусу ударило молотом подводного взрыва.

Меж тем, водяные столбы вырастали всё ближе и ближе к «Машкиной» заднице...

- Девятнадцать, двадцать, двадцать один... – считал «фонтаны» командир, комкая неприкуренную сигарету.

Лишь после того, как двадцать четвёртый столб осел в кабельтове от кормы норвежского разведчика, Гаврила Иванович понял, что всё это время не дышал. Глубоко вздохнув, и сунув раскрошившуюся сигарету в карман куртки, он покинул сигнальный.

- БИП, ЭДЦ «Марьяты»? – зайдя на ходовой, услышал голос вахтенного офицера Кисляков.

- Да какие там, к лешему, ЭДЦ?! Визуально же видно, что ход не дали, – проворчал Виршину Гаврила Иванович. – Хотя, на месте их капитана, после такой свистопляски, я бы тоже с места не тронулся, пока всю ДЗА⁶³ не осмотрел... Старпома на ходовой!

На «Марьяте» по-прежнему не подавали никаких признаков активности, но Кисляков радовался уже тому, что экипаж норвежца не пел песню про майские деньки по 16-му каналу⁶⁴. Значит, пока ничего страшного.

- По приказанию, товарищ командир! – Комар вылетел из двери ГКП, вопрошая взглядом вахтенного: «Что случилось?»

«ХЗ...» – пожал плечами Виршин.

- Значит так, Александр Станиславович! Заступай-ка ты на ходовую вахту, а комбата мы отправим делом заниматься... – И, увидев недоумённые взгляды обоих, продолжил, – Наш лозунг должен быть один – учиться настоящему делу воен-

---

63. ДЗА - донно-забортная арматура;

64. MayDay - международный сигнал бедствия;

ным образом!

- В смысле?

- А в том смысле, Александр Андреевич, что Зигфрид свою задачу выполнил, а теперь – Ваша очередь. Через пять минут жду доклад о готовности к открытию огня из артиллерии.

- Есть! – на лице комбата отобразилась вся гамма переполнявших его чувств.

- Только – практически! – успел крикнуть командир вслед убегающему Сане.

* * *

Боевой дух команды поднялся до невероятной высоты. Команды выполнялись с полуслова. Увидев, что, оказывается, можно сполна оторваться на набившей всем оскомину «Машке», а не просто изображать из себя «передастов», экипаж был готов умереть за своего командира. К счастью, этого сейчас не требовалось.

Выйдя на сигнальный мостик, Кисляков ещё раз посмотрел в пеленгатор. Ему показалось, что в «Машке» что-то неуловимо изменилось... Нет, внешний вид «утюга с яйцами» оставался прежним, но изменилось само настроение. Если раньше можно было сказать, что «Марьята» вальяжно развалилась у мишенной позиции, то теперь в облике её сквозила настороженность, как у загнанной в нору лисицы.

«Или – что нам ближе – песка...» – ухмыльнулся Гаврила Иванович.

На фале уже развевался сигнал «Я готовлюсь произвести учебные артиллерийские стрельбы...», и Кисляков, справедливо полагая, что слово командира российского корабля – не пустое сотрясание воздуха, дублировать его по УКВ не стал. «Довольно, напредупреждались!»

В назначенное время командир БЧ-2 доложил о готовности к стрельбе.

Выдав целеуказание на точку в пятистах метрах по корме «Марьяты» и отправив старпома на сигнальный к пеленгатору, командир дал «добро».

- Пристрелочный! – раздалась команда с ПРЦ⁶⁵ и через секунду четыре ствола содрогнулись, выплёвывая из себя по трехдюймовой болванке.

- Есть всплеск! – доложил с сигнального Комар. – Угловое расстояние – двенадцать градусов.

Командир прикинул дистанцию и удовлетворенно кивнул:

- Шквал!

- Есть – шквал! – радостно донеслось с ПРЦ, и стволы ожили вновь.

Только теперь в сторону «Машки» понеслись уже двадцать стальных чушек.

Старпом, наблюдая в пеленгатор, заметил, как вспенилась вода под кормой у норвежского корабля. По мере приближения всплесков от снарядов к корме, бурун рос, а вместе с ним росла и скорость движения уходящей из района «Марьяты».

- От так! Христофора Колумба и двенадцать апостолов – в гробовую доску! – не сдержал своих эмоций Александр Станиславович. – Абордажный лом вам в задницу!

И, взглянув в озарившееся хитрой улыбкой конопатое лицо командира отделения сигнальщиков, дал команду:

- Сигналы долой!

Уже занося ногу через комингс ходового поста, он, как на стену, натолкнулся на ответ:

- Хорошо!

---

65. ПРЦ - пост распределения целей - командный пункт командира БЧ-2;

Медленно повернувшись и наливаясь краской, буравя старшину взглядом, старпом тихо и с расстановкой произнес:

- «Хорошо» ты подруге своей, на гражданке, в постели говорить будешь...

Закончить мысль ему не удалось, так как боец, резво ответив «Есть!», скрылся за углом надстройки. И тут же флаги поползли вниз.

Зайдя в штурманскую рубку, Комар, взяв измеритель, попытался определить, сколько времени необходимо «Марьяте» для выхода из опасной зоны. Однако, вспомнив улыбку сигнальщика, он отбросил измеритель и пробурчал под нос: «По наглой рыжей морде...»

- Ты это о чём? – спросил штурман, приняв сказанное на свой счёт.

- Да так, к слову пришлось, – ответил Александр Станиславович, рассчитывая в уме время, необходимое для осуществления задуманного и прикидывая что-то к носу. Решив, что пора, он вновь вышел на крыло сигнального.

Предчувствия его не обманули...

Хихикая и высунув языки от усердия, рыжий со вторым сигнальщиком цепляли к набранному уже сигналу «Предполагаемый диагноз – инородное тело в...» еще два флага: «Пятёрку» и «Двойку».⁶⁶

- Та-а-ак! – рявкнул старпом. – Обед отставить, пельмени разлепить, муку сдать на склад! Нам международного конфликта только не хватало!

После чего, повернувшись к замершему в позе гоголевского городничего комоду и явно подражая своему командиру, насмешливо произнес:

- А у Вас, молодой человек, ДМБ в опасности! Не уволишься, пока твои архаровцы МСС назубок не выучат. – И,

---

66. MQL - Предполагаемый диагноз - инородное тело в ... (сигнал «52» указывает, в каком именно месте организма данный предмет находится)

взглянув в вытянувшееся лицо, добавил, – Принимать буду лично!

Восстановив таким образом «статус кво», с чувством выполненного долга, старпом направился на ходовой – сдавать вахту.

«Дозорный», доложив о чистоте района, уходил от мишенной позиции.

*И какая, к дьяволу, стратегия,
И какая тактика, к чертям!
Вот сдалась нейтральная Норвегия
Ордам оловянных египтян.*

Владимир Высоцкий.
«Оловянные солдатики»

Экзамен

- Фух, – ввалившись в курилку возле галюна и вытирая вспотевший лоб, выдохнул Берёза. – Отстрелялся!!!

- Как там? Что спрашивали? Сдал? На сколько??? – засыпали его вопросами ожидающие своей очереди перед экзаменом по тактике флота слушатели Высших специальных офицерских классов ВМФ.

- Сурово! Да практически всё. Боевой устав – наизусть – обязательно, да и по теме билета кучу уточняющих вопросов накидали. Сдал! Не сказали, но думаю, что «четыре», – отвечал сразу на все вопросы Серёга. – Вспомнили ещё, что я на «Океане», воюя на стороне американцев, единственный в истории обучения, сумел десант на побережье Камчатки высадить. Надеюсь, за это ещё балл накинут...

Товарищи тут же, не переставая нервно курить, уткнулись в конспекты...

* * *

А ведь тогда, перед КШУ⁶⁷, никто не хотел брать на себя ношу командира оперативно-тактической группы американского флота, обеспечивающей высадку десанта на восточной окраине нашей необъятной Родины. А Берёза, пришедший на классы с должности старпома «Дозорного», взял да согласился. Зачем, спрашивается? А так интереснее!

Замысел решения разрабатывали вместе с «начальником штаба» Игорем Пожаровым, с которым вместе служили в Гу-

---

67. КШУ - командно-штабное учение;

бе. После разделили обязанности – Серёга рисует графическую часть, а Игорь пишет пояснительную записку. «Штаб», естественно, помогает с расчётами.

Ко дню доклада решения начальнику кафедры тактики у Берёзы всё было готово. Синие стрелы устремились к побережью Камчатки, и, казалось, ничто не сможет спасти «красных» от неминуемого поражения. Про взаимодействующие силы Сергей тоже не забыл, изобразив стройный ордер кораблей десанта при поддержке авиации. Над самим полуостровом распустили свой шёлк купола парашютов... Всё в соответствии с НСШ⁶⁸ и заботливо «поднято» цветными карандашами.

- Ну, ты, прям, Пикассо! – увидев развёрнутую карту, восхитился балтиец Серёга Пищак. – За такую красоту надо, не спрашивая, пятёрку ставить!

- Вот и надеюсь на то, что «не спрашивая», – задумчиво ответил Берёза. – Защита через десять минут, а Пожарова с поясnilовкой до сих пор где-то черти несут.

И, достав трубку мобильного телефона, Сергей вышел из аудитории, чтобы попытаться дозвониться до незадачливого товарища.

- Пикассо!!! – ещё раз восхитился Пищак и вытащил из пенала синий карандаш...

- Не дозвонился, – вернулся в аудиторию расстроенный Берёза. – Придётся докладывать как есть...

С этими словами он свернул карту и уселся на своё место...

Минут через десять Сергей уже докладывал своё решение начальнику кафедры тактики.

- ...мероприятия по маскировке и обману противника будем проводить, используя вертолёт с угловыми отражателями, станции активных помех и...

---

68. НСШ - Наставление по службе штабов;

- Хорошо, – прервал словесный поток контр-адмирал. – А как Вы собираетесь обеспечивать безопасность ваших подводных лодок?

Сергей взглянул на висящую карту, и, на секунду задумавшись, ответил:

- Согласно выданному Вами боевому распоряжению, своих подводных лодок в ближней зоне быть не должно. Ближайший «Лос-Анжелес» будет находиться впереди по курсу в двухстах милях от моей тактической группы... – указка ткнула в синий значок пла⁶⁹.

- И???

- Соответственно, все обнаруженные подводные лодки буду считать лодками противника и топить!

- Так... Хорошо-о... – протянул по старой привычке начальник кафедры и, нацепив на нос очки, подошёл к карте с решением. – Что Вы там ещё нарисовали?

И тут глаза адмирала начали вылезать из орбит, а лицо покрываться дурным багрянцем:

- Товарищ капитан 3 ранга! Вы что, сюда в игрушки играть пришли, или перепутали мою кафедру с кружком рисования?!!

Берёза, абсолютно не понимая, что могло вызвать подобную реакцию, проследил за адмиральским взглядом и упёрся в пририсованную к значку парашюта фигурку десантника в галифе, немецкой каске и с висящим на шее автоматом, в контурах которого угадывался знаменитый МР-38...

Указка выпала из руки и гулко ударила по паркету. Нокаут!

- Забирайте свою мазню, и вон отсюда! – прогрехотал адмирал. – Я посмотрю, что Вы мне на «Океане» покажете, Леонардо Вы наш, Недовинченный!

---

69. пла - атомная подводная лодка;

Серёга, «красный как огурец», вылетел за дверь, зажав в руках злополучную карту.

* * *

Электронный комплекс тренажёров «Океан», размещавшийся в здании Военно-морской академии имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова будил в душе воспоминания о годах, проведённых в училище... Нет, там, конечно не было всей этой аппаратуры, но и тогда курсантов учили командовать кораблями и соединениями, атакующими условного противника.

Разойдясь по кабинетам, слушатели приготовились к командно-штабному учению.

- Тёзка, ну извини, – гремел над ухом Берёзы бас Пищак. – Ну пошутить захотелось... Какой же флот без дружеской подколки?! Не думал я, что адмирал на это дело так отреагирует. Да и потом, когда тебя выставили, я ему объяснил, что ты тут совершенно не при чём.

- И что он?

- Знаю, говорит. У Берёзы ума бы не хватило, такую хрень мне подсунуть...

- Ладно, проехали, – отозвался Серёга, прислушиваясь к возне в соседнем кабинете, где разместились десантные силы. Из двери напротив выглянул Дима Колесов – «командир» того самого «Лося» – заговорщицки подмигнул и захлопнул дверь.

- Начало учения, – донеслось из динамиков. – Оперативное время – ноль часов ноль минут.

«Понеслась душа по кочкам!», – подумал Сергей и задал курс и скорость кораблям своей тактической группы, с таким расчётом, чтобы в нужное время занять заданную позицию относительно десантных кораблей. Дальнее противолодочное охранение, понимаешь...

Следующие полчаса протекали обыденно-скучно. Ко-

рабли, заняв свои позиции, на скорости 18 узлов «вспенивали воды» Тихого океана, с каждым оборотом винта приближаясь к русскому полуострову. Постоянно звучали доклады о воздушной и подводной обстановке, выдавались целеуказания корабельным вертолётам.

- «Си Хок» с «Эллиота» докладывает, что обнаружил подводную лодку. Пеленг – 285°, дистанция – 357 кабельтовых. ЭДЦ определяет... – выбился из общей какофонии доклад из БИЦа.

«Попалась, голубушка!» – обрадовался Берёза.

- Вертолёту – атаковать цель двумя торпедами Mk-46! – скомандовал командир тактической группы, не отходя от доложенной доктрины: «Обнаружил – утоплю!» – После применения оружия, вертолёту отойти в безопасную зону, чтобы обеспечить применение оружия кораблями группы.

Но применять оружие двум «Спрюенсам» и двум «Орли Бёркам» не пришлось. Сразу после доклада вертолёта о том,

что цель атакована, в кабинете напротив началась нездоровая возня.

- Пузырь в нос! – услышал Сергей приглушённый голос Колесова. – Машины вперёд самый полный!!!

«Оп-паньки!!! Интересный коленкор получается... – призадумался капитан 3 ранга. – Уж не от наших ли торпед они спасаются?»

Тут дверь подводнического кабинета с грохотом распахнулась, и оттуда вывалился взопревший командир «Лос-Анжелеса».

- Ты!!! – сжимая кулаки и не находя слов, двинулся он на Берёзу. – Какого хрена! Да я...

- Сам виноват, – спокойно ответил Сергей с улыбкой глядя на товарища. – Ты по плану где должен быть? То-то! А ведь я предупреждал: «Топил, топлю и топить буду!» Противолодочник потому как я...

Видя такую реакцию на своё праведное негодование, Дмитрий несколько поостыл:

- Да, понимаешь, хотел их противолодочные силы стороной обойти, да увлёкся – забыл, что вы сзади подпираете...

- Ничего. Зато нам ещё пахать и пахать, а ты уже на заслуженном отдыхе!

Их трёп прервал очередной доклад БИЦа:

- Пеленг – 220°, дистанция – 45 километров. Цель воздушная групповая из двух, курсом на корабль. На запрос не отвечает.

Сергей хитро посмотрел на подводника:

- Вот зуб даю за то, что это – очередные тупые янкесы, забывшие включить ответчик «свой-чужой». Однако, – он подмигнул Колесову, – безопасность кораблей и вверенного мне личного состава превыше всего.

И повернувшись в сторону оператора, сидящего за пуль-

том управления оружием на тренажёре, скомандовал:

- С приходом в зону поражения – уничтожить!

Как и следовало ожидать, через несколько минут из соседней аудитории, где располагались десантники, раздался крик раненого бегемота.

- Что и требовалось доказать! – хлопнул себя по коленке Сергей, и, выглянув за дверь, поинтересовался, – А что это было?

- Два «Харриера»! С разведки возвращались... Сука ты, Серёга, а не матрос!

- Во-первых, ответчики включать надо, – парировал Берёза, – а во-вторых, предупреждать, что самолёты подняли. Я же вас, олухов, охраняю!

Дальше «войнушка» проходила без эксцессов. Только через некоторое время Сергей заметил у себя на столике бланк телеграммы ЗАС, на котором размашистым почерком было написано: *«Поздравляем награждением орденом Боевого Красного Знамени! Так держать!!! Алекс».*

В течение последующих двух часов учения корабли Берёзы выпустили около двадцати «Томагавков» по предполагаемому месту нахождения русских ракетных катеров, утопили одну подводную лодку (на этот раз – чужую) и пытались отбить налёт вражеской авиации.

Сергей же лишился трёх кораблей из четырех. Один утопила русская субмарина, а два пали под ракетным ударом. Но «Бэрри», его «Бэрри», который Берёза выделил из остальной массы эсминцев и «загрузил» только лишь «Томагавками», оставался цел!

Справедливо полагая, что единственным эсминцем в противолодочном охранении делать нечего, командир группы (хотя, от группы осталось одно название, напоминавшее о двадцатой девушке Бонда) велел дать ход 32 узла, устремился к побережью Камчатки.

Стороной пролетали русские ракеты, нацеленные на главную цель – десантный отряд, где-то в глубинах шарили подводные лодки, абсолютно не обращавшие внимания на одиночную цель, несущуюся по морю самым полным ходом с выключенной акустикой и РЛС. А, скорее всего, и не замечали вовсе.

И вот когда по счислению до русского берега оставалось около двухсот семидесяти миль, DDG-52 «Бэрри» дал стоп, включил локацию и начал стрельбу ракетами по заранее назначенным целям на побережье Камчатки. После того, как сошёл последний «Томагавк», Сергей спокойно взял микрофон и доложил:

- Пост руководства – третьему! Произвёл залп девяноста «Томагавками» по целям на побережье Камчатки...

- Третий, сообщите Ваши координаты!

Сергей сообщил... Оказалось, что его потеряли не только красные, но и свои.

- Конец учения! – раздалось в динамиках. – Задача выполнена, оборона красных сломлена.

После, еле слышно, из динамика донёсся голос начальника кафедр тактики: «Впервые за мою практику...»

* * *

Да уж, хотелось Сергею, чтобы на этом, выпускном, экзамене по тактике его маленькая победа на тренажёре пошла в общий зачёт. Мелочь, а приятно.

- Савелич, а ты чего спокоен, как слон на похоронах магараджи? - обратился Берёза к седому капитану 3 ранга с командирским значком на тужурке. – Никак, всё знаешь?

- А чего беспокоиться? – затягиваясь беломориной, так как другого курева он не признавал в принципе, ответил Савельев. – Дальше ТОФа не пошлют, а там для меня всё родное. Да и несолидно, как-то, суетиться в мои лета... В нашем деле главное – оценить обстановку и принять решение. Про-

рвёмся!

И, кинув «бычок» в обрез с водой, Савелич направился к двери аудитории – было уже пора...

Дождавшись, когда из аудитории выпадет тело очередного слушателя, капитан 3 ранга Савельев открыл дверь и чётким строевым шагом направился к столу экзаменационной комиссии:

- Товарищ контр-адмирал! – уверенным командным голосом произнёс он. – Капитан 3 ранга Савельев для сдачи экзамена по тактике Военно-Морского Флота прибыл!

- Хорошо-о... – вновь по привычке протянул начальник кафедры.

Он уже хотел продолжить: «Тяните билет!», но не тут-то было.

- Есть «хорошо»! – бодро ответил Савельев, развернулся кругом и, тем же чётким шагом вышел из аудитории.

В классе наступила немая сцена... Народ у досок пытался не корчиться от смеха, а те, что сидели за столами, уткнулись лбом в столешницу, сотрясаемые беззвучными рыданиями.

Старший преподаватель недоумённо посмотрел на начальника кафедры и, разведя руками, спросил:

- И чего с ним делать будем?

- Как что? – последовал ответ мудрого адмирала. – Тактика, как дисциплина учит нас правильно оценивать обстановку и принимать грамотные решения... Он! Решение! Принял! Да и слово адмирала – это вам не крик попугая на ветке! Вписывайте в ведомость озвученную мной оценку.

*Не хватает малости -
Совести да жалости.
Только что ему а-ха!?
Падший ангел — сын греха.*

Группа «Пикник»

Сын греха

Август. Хорошее время для Севера. Крабы и рыба ещё не отошли, грибов и ягод – море, да и тепло... пока...

На душе старшего помощника командира большого противолодочного корабля «Адмирал Михайлов» капитана 3 ранга Сергея Берёзы тоже было легко и радостно. Совсем недавно, по окончании классов, Сергей был назначен на эту должность и в полной мере старался проявить себя на новом месте с наилучшей стороны. И чего не радоваться? Задачи с контрольными их проверками сданы, корабль выкрашен и приведён в порядок, День Флота прошли с минимальными потерями (обошлось даже без фитиля со стороны командования).

Воскресным утром старпом сидел в каюте и просматривал журнал замечаний смены обеспечения, очень надеясь, что его вчерашние слова и действия дошли до умов и сердец подчинённых, и к обходу корабля в ночное время они подошли с бóльшим энтузиазмом и творчеством, чем прежде...

* * *

В субботу, проверяя организацию проведения большой приборки на корабле, привлечённый звуками включенного магнитофона, Берёза толкнул дверь в каюту румынских комбатов⁷⁰ и, не переступая комингс, встал в проёме двери, цепким взглядом осматривая, всё ли в ней в порядке. Матросу Позёмину, производившему приборку в каюте и попытавшие-

---

70. Точнее – командиров стартовой батареи и группы управления минно-торпедной боевой части.

муся, перекрикивая хриплое «...Но разве выскажешь всё это в несколько слов, когда снятся в кильватере чайки?...», доложить, Олегыч просто махнул рукой – не отвлекайся!

В каюте царил почти идеальный порядок (конечно, с поправкой на сам процесс проведения приборки). Барашки иллюминатора сияли начищенной медью, койки были идеально заправлены, не было никакого намёка на пыль и даже книги и журналы на полке с документацией были выстроены строго по ранжиру. Подо всем этим радующим старпомовский взгляд изяществом, копошился Олег Позёмин, деловито стягивая белую пену мыльного раствора с линолеума палубы. Красота!

Старпом, не понимая, что же ему не так, ещё раз окинул взглядом каюту... Что-то ведь тревожит сознание, вызывая ощущение постороннего присутствия. И это вовсе не магнитофон с записью Розенбаума, ибо, как он успел заметить, на проводе питания «Panasonic'a» висела бирка с учётным номером и записью о проверке сопротивления изоляции. А музыка во время большой приборки – одна из древнейших традиций на флоте. Тогда что же? Ещё раз, пробежавшись взглядом по переборкам, капитан 3 ранга внимательно осмотрел развешенные в аккуратных рамках недельный распорядок дня, схему обхода заведений, фотографию корабля, вспенивающего волны Баренцева моря, и, перейдя к следующей рамке, ничем внешне не отличавшейся от остальных, понял, что нашёл!

- Вот что, Олег Николаевич, – верный давней привычке, называть наиболее толковых подчинённых по имени-отчеству, обратился Берёза к матросу, – пригласи-ка мне сюда замполита.

После того как Позёмин убежал, Сергей более внимательно посмотрел на плакатик с изображением последнего Генерального секретаря КПСС и его незабвенным лозунгом, и усмехнулся: «Откуда только откопали, оболтусы?»

Когда в каюте, с вопросом в глазах, появился оставший-

ся за «большого зама» заместитель командира БЧ-7 по «борьбе с личным составом» капитан 3 ранга Кузнецов, старпом начал издалека:

- Володя, я тут вчера вечером Лузгина зацепил за то, что он после ужина в спортивном костюме вздумал по кораблю пройтись, отдыхая... Он начал оправдываться, что находится на сходе, и может себе позволить «отдохнуть от формы». Пришлось напомнить ему требования Устава и сказать, что «отдыхать» от формы он может вне корабля.

- И? – в вопросе зама читалось нетерпение.

- Что «и»? Вот он результат! – и Берёза, кивнув себе за левое плечо, сделал шаг в сторону.

Взору Кузнецова предстал плакат: «Каждой советской семье – отдельную квартиру к 2000 году».

- Ух ты! – удивился замполит, – Где взяли???

- Надо у Анатолича спросить, где у него такие раритеты сохранились, – улыбнулся Сергей. – Кстати, есть, чем это безобразие заменить, пока я народ развлекать буду?

- Найдём!

- Ну, добро! Я перед обедом офицеров построю, а ты в это время займись.

На том и порешили.

По окончании большой приборки, перед обедом, старший помощник построил офицеров в коридоре большой кают-компания:

- Товарищи офицеры! Попрошу вас обратить внимание на вот эту толпу обезумевших лейтенантов!

Молодые офицеры, совсем недавно получившие на свои погоны третью звезду, но не переставшие, до прибытия новых выпускников, именоваться «лейтенантами», ещё не понимая, в чём провинились, начали жаться к переборке под взглядами повернувшихся к ним «старожилов». Большинство

офицеров тоже не могли понять, к чему клонит начальник. После назначения Берёзы старпомом «Михайлова» прошло не так много времени, и народ ещё не успел изучить его нрав и повадки. Штурман, служивший с новым старпомом ранее в Губе, говорил, что товарищ он вполне адекватный и спокойный, но можно ли верить самому штурману – «мужики сумлеваются!»

Тем временем, хорошо поставленным голосом с театральными интонациями, старпом продолжал:

- Чем занимается лейтенант в течение суток я, как старший помощник командира, вам доложить не могу... Не знаю! Но, не успела прозвучать команда обедать, так это стадо молодых лейтенантов, как стадо голодных бегемотов, опережая собственный визг, наступая друг другу на уши, с глазами, как у мёртвого ишака, рвутся к кормушке!

А там, как удавы, не пережёвывая, забакланивают и, безо всякого разрешения старшего в кают-компании, выбегают из-за стола, и по принципу «если хочешь спать в уюте...» забегают в чужую каюту и зарываются рогами в подушку. Мало того, он эти рога с другой стороны ещё и загнёт, что его потом ни за ноги, ни за другой предмет вытащить и поставить в строй практически невозможно!

Берёза обвёл взглядом строй офицеров и, поняв, что его монолог, произнесённый исключительно для того, чтобы создать определённый настрой и дать время Кузнецову для осуществления задуманного, вызывает у стоящих в строю некоторое недоумение, перешёл к делу:

- Прочитал сегодня, в очередной раз, журнал замечаний смены обеспечения... Если командиры боевых частей и наиболее заслуженные мичмана, основываясь на опыте службы, пишут дело, то корабельная молодёжь, в разделе замечаний пишет всевозможный бред, который можно свести к одной фразе: «Весь корабль обошёл – замечаний не нашёл!» Как ещё можно, например, воспринять запись товарища Боч-

карёва: «Проверил состояние ДВС⁷¹, внутренний порядок. Замечания: кубрик №1-№13 – замечаний нет; арсенал – замечаний нет; дозор – замечаний нет; тамбур № 10 – окурки на палубе»?! Я такие, с позволения сказать, «замечания» могу написать, не выходя их каюты. А как нас учит давно ставший классиком Виктор Викторович, по одной только пожарной лопате можно, не напрягаясь, написать двадцать два замечания⁷². Вот он профессионализм! Вот к чему и надо стремиться!

Старпом посмотрел на часы, продемонстрировав наличие на руке хронографа «Breitling», и резюмировал:

- Надеюсь, что меня все поняли, и дважды повторять не придётся! Через пять минут жду всех на обед в кают-компании.

Офицеры, готовясь к обеду, разошлись по каютам.

- Вот докопался! – жаловался вполголоса Лузгину Бочкарёв. – А что делать, если я, действительно, замечаний не нашёл? Привык он, понимаешь, что на СКРе замечаний полно, а тут-то что? Ну ладно, будут ему замечания!

Открыв дверь каюты, лейтенанты замерли на пороге. Вместо лысого анфаса первого и последнего Президента Советского Союза, перед ними предстал плакат с мужественным профилем краснофлотца на фоне военно-морского флага СССР, слева от которого красовалась надпись: «Служи по уставу – завоюешь честь и славу!»

* * *

Вот сейчас, просматривая перед подъёмом флага замечания в журнале, Берёза видел, что его слова затронули определённые струны в душах подчинённых.

Захлопнув журнал, старший помощник направился на

---

71. ДВС – дежурно-вахтенная служба.

72. Имеется ввиду рассказ Виктора Конецкого «Как я первый раз командовал кораблём».

построение.

- Товарищ капитан 3 ранга! – встретил его перед строем стоящий дежурным штурман. – Экипаж большого противолодочного корабля «Адмирал Михайлов» по большому сбору для подъёма военно-морского флага построен! Дежурный по кораблю капитан 3 ранга Окунев.

Поздоровавшись с экипажем, Берёза занял место во главе строя, глядя на стоящих у флагштока сигнальщиков. Всё замерло, и лишь крик чаек, парящих над кораблями, нарушал торжественную тишину, повисшую над базой перед подъёмом флага.

Сопровождая взглядом полёт одного из «бакланов», Сергей увидел, как на ют ошвартованного с другой стороны причала госпитального судна «Двина» вылез не стриженный товарищ в камуфляже. Поглядев со своего борта на стоящий в строю экипаж и привязав флаг вспомогательного флота к фалу, это лохматое чудо посмотрело на часы, на стоящих у флагштока «Михайлова» сигнальщиков... Явно не видя причин ждать какие-то там лишние две минуты, вахтенный с «Двины» недоумённо пожал плечами и не спеша поднял флаг. Синее полотнище с ободранными краями и прямоугольником андреевского флага в верхнем углу у шкаторины заколыхалось на ветру...

- На флаг и гюйс смирно! – прозвучала команда на «Михайлове».

Камуфляжный товарищ вновь посмотрел на застывших в строю военморов и, почёсывая задницу, скрылся в надстройке судна.

Берёзе, стоявшему в строю и видящему то, что творится на судне с противоположной стороны причала, вдруг отчётливо вспомнился эпизод из нахимовского детства. Перед мысленным взором старпома, как кадры кинохроники, сменяя друг друга, замелькали картинки...

* * *

Около двадцати нахимовцев столовыми ножами чистят картошку. В углу стоят две старые ванны, наполненные водой. Задача – наполнить их обечищенным картофелем. Все сосредоточенно скребут тупыми лезвиями, зная, что чем быстрее они закончат, тем быстрее пойдут спать. Не чистит картошку только один – Вадим Круглов. Опершись спиной на неработающую картофелечистную машину, он вслух читает «Капитальный ремонт» Леонида Соболева:

- Российский императорский флот каждое утро погружается в благоговейную тишину. Слышно, как журчит стекающая с палуб в шпигаты вода только что законченной или прерванной приборки, – такая тишина стоит над кораблями. Шлюпки на рейдах, увидев сигнал, сушат весла, неподвижно распластывая их над водой, напоминая странных больших птиц; серебряные крупные капли падают с белых, стеклом скобленных лопастей в гладкую утреннюю воду, звук капель слышен – такая тишина стоит над рейдами. Корабли, идущие в море, где их никто не видит, тоже погружаются в безмолвие, и слышно, как рокочут в воде их винты – такая тишина стоит над Балтийским морем.

Нахимовцы сосредоточенно чистят картошку, вслушиваясь в голос товарища. Среди них пятнадцатилетний Сергей Берёза. С каждым движением ножа он от усердия сжимает челюсти, так, что на скулах играют желваки.

- ...Двести лет этот флаг почитается, как знамя в полку, и все служащие на корабле должны охранять его до последней капли крови, – продолжает читать Круглов. – На якоре его охраняет особый часовой, а на ходу, во время боя, когда флаг поднимается не только на гафеле, но и на мачтах даже ночью, охранение его поручается надёжному унтер-офицеру, который не допускает никого до него дотрагиваться без личного приказа командира. Если флаг будет сбит, он немедленно должен быть заменён другим, дабы неприятель ни на мгновение не мог предположить, что флаг перед ним был спущен. Как же можно поднимать по утрам этот флаг без особой торжественности, как же можно не

прекратить все работы, все громкие команды, всё движение на корабле, когда двухсотлетний флаг готовится осенить своим косым крестом корабли императорского флота?

Берёза, набивший мозоль тупым ножом, пытается хоть как-то подточить его о шершавый кафель палубы. Поняв тщетность своих усилий, он берёт из мешка очередную картофелину и начинает чистить вновь, слушая товарища.

- Юрий знал, что на флоте нет бессмысленных традиций, всё оправдано и прекрасно. Двести лет тому назад установлено это минутное молчание перед началом флотского дня, и в нём – глубокий смысл. Когда корабль в дальнем плавании; когда не видать даже чужих берегов; когда день встаёт из-за океана неизвестным, враждебным и коварным; когда океан так велик, что родные сёла, именья и города со всем, что в них осталось самого дорогого, заслонены выпуклостью земного шара, – тогда эта минута отдаётся полно и благоговейно самому себе, богу и семьям. Безмолвная тишина раскрывает простые морские сердца, люди вспоминают своих близких, люди без слов и молитв (даже слегка стыдясь) обращаются к всевышнему, – ибо беды, которые таит в себе море, неисчерпаемы... Кто в море не бывал, тот богу не маливался!.. Люди, очищенные и просветлённые этой минутой сосредоточения и примирённые ею друг с другом, вступают в новый морской день, готовые к вечной борьбе со стихией... – доносится до мальчишек охрипший от долгого чтения вслух голос Вадима.

Сергей, закончив чистить, обернувшись и увидев, что ванна уже наполнена до краёв, вскочил с места и, подражая персонажу фильма «Как закалялась сталь», заорал:

- Есть первая ванна, ребята!

Очищенный клубень летит через голову и, поднимая брызги, смачно шлёпается в ванну, занимая своё место среди «собратьев».

* * *

«Эх, нет у гражданских благоговения перед ритуалом подъёма флага на корабле...» – мелькнула в голове у старпома «Адмирала Михайлова» невесёлая мысль, от которой его отвлекли раздавшиеся над палубой позывные радиостанции

«Маяк». Эхом они отзывались и с других кораблей. Над всей базой, разорвав тишину, зазвучали «Подмосковные вечера» и сигналы точного времени.

С шестым сигналом дежурный, повернувшись в Берёзе, доложил:

- Время вышло!

- Флаг поднять!

- Фла-аг и гю-уйс поднять! – нараспев, опять же в соответствии с традицией флота, скомандовал Окунев.

Под звуки горна белоснежное полотнище флага, переchёркнутое синим диагональным крестом, медленно поднимается на флагштоке и, подхваченное лёгким бризом, гордо расправляется перед взглядами всего экипажа.

После подъёма флага, произведя развод личного состава на «Час матросского письма» – мероприятие, на котором матросы и старшины **обязаны** написать письма родным и близким, чтобы избавить командование от материнских писем типа «Срочно сообщите, что случилось с сыном. На протяжении трёх месяцев от него нет вестей!!!»⁷³ – старпом, оставив в строю офицеров и мичманов, вышел на середину вертолётной площадки.

- Я вижу, что многие правильно истолковали мои вчерашние слова, – раскрывая прихваченный на построение журнал замечаний, начал речь капитан 3 ранга. – Некоторые даже восприняли их слишком уж буквально. Вот, в качестве примера, зачитаю замечания одного офицера по одному только кубрику:

«Кубрик № 8:

1. Расход личного состава не откорректирован;

---

73. Такое зачастую случалось даже в период, когда мобильные телефоны перестали быть редкостью. Не понимали некоторые великовозрастные дитятки, что родители волнуются и, при отсутствии какой-либо информации, рисуют себе картинку одну страшнее другой.

2. Отсутствует на месте дневальный по кубрику матрос Минаков А.В.;

3. При обнаружении дневального он, в нарушение требований п. «к» ст. 774 КУ ВМФ⁷⁴ напрямую начальнику не представился;

4. В нарушение требований п. «е» ст. 459 КУ ВМФ, матрос Минаков А.В. лежал на койке, не снимая одежду и обувь (а также – повязку дневального). Дневальный спит;

5. Попытки разбудить дневального, используя устную речь (обращение) и тактильное общение (похлопывание ладонью по плечу) к успеху не привели; матрос Минаков А.В. залит водой из питьевого бачка;

6. В нарушение требований ст. 324 КУ ВМФ, обнаружив поступление воды, матрос Минаков А.В. аварийную тревогу голосом не объявил, дежурному по кораблю о месте и характере аварии не доложил;

7. Дневальный по кубрику № 8, в нарушение требований п. «н» ст. 774 за наличием кипячёной воды в питьевом бачке не следит – бачок пуст;

8. Внешний вид дневального неудовлетворительный – форма мокрая, мятая;

9. В кубрике № 8 беспорядок – одна из коек мокрая, посреди кубрика лужа...»

И всё остальное в том же духе на три страницы текста. Сразу видно, что офицер действительно обходил корабль и отнёсся к этому процессу творчески, что позволит командованию принять должные меры для повышения организации службы и внутреннего порядка. Что? Нет, фамилия этого офицера не секрет, тем более что любой сможет взять в рубке дежурного данный журнал и ознакомиться с произведением в полном объёме. Так что, фамилия... Ну вот, штурман уже проговорился! Да, Вадим Алексеевич, действительно, «Боч-

---

74. КУ ВМФ – Корабельный Устав Военно-Морского Флота.

карёв – правильное пиво!» Вам ли не знать! Хотя, лично мне больше по душе «Поморское».

Берите пример, товарищи! Разойдись!

* * *

Спустившись к себе в каюту и достав из сейфа журнал боевой подготовки, старший помощник командира большого противолодочного корабля «Адмирал Михайлов» капитан 3 ранга Сергей Берёза направился в каюту замполита, чтобы вместе с Кузнецовым откорректировать план боевой подготовки и культурно-массовых мероприятий на следующую неделю. К тому же, было время написать анализ за неделю прошедшую.

Разместившись за столом и попивая чай, офицеры погрузились в работу.

- «Брейтлинг»-то настоящий? – кивнув во время перерыва на старпомовские часы, поинтересовался Кузнецов.

- Ага, – коротко отозвался Берёза и, увидев интерес во взгляде товарища, расстегнул ремень и протянул Владимиру хронограф. – Испытываю некоторую слабость к хорошим часам и перьевым авторучкам...

- Вещь хорошая, – рассматривая швейцарский механизм, ответил Кузнецов, – но жена меня, буде я сподоблюсь приобрести нечто подобное за такую цену, из дома выгонит...

- Меня б тоже выгнала, – хитро прищурился Сергей, – но на наше счастье, есть китайские аналоги с мизерными ценами.

- Ты хочешь сказать, что это у тебя – китайская реплика?

- Нет, конечно, – ещё более развеселился Берёза. – Но жена моя так считает. Год «экономил на мороженом», и после – в честь дня рождения – всю заначку одним махом...

Их разговор был прерван докладом дежурного по ко-

раблю.

- Каюта – рубочке!

Берёза уже хотел было взять «банан»⁷⁵ и рассказать штурману, что он думает о «рубочке» и «офицериках в коротких штанишках», но Кузнецов, будучи ближе к пульту «Лиственницы», взял микрофон и ответил:

- Есть, рубка.

- Владимир Садыкович, старпом у Вас в каюте?

- Здесь.

- Сергей Олегович, для дальнейшего прохождения службы прибыли два лейтенанта. Лейтенант медицинской службы Ульянов и командир зенитно-ракетной батареи, – произнёс динамик голосом Окунева.

Старпом хотел ещё, забрав микрофон у Кузнецова, объяснить дежурному порядок пользования корабельной связью, но вновь отвлёкся, уловив в голосе штурмана знакомые нотки. Ему даже показалось, что из динамика появилась улыбка Чеширского кота.

- Слушай, – обратился Сергей к Кузнецову, – а почему Окунев тебя Садыковичем кличет? Может, я, ввиду малости пребывания в должности, чего не понимаю?

- Да нет... Отца при рождении назвали в честь былинного певца – Садко. Но штурманец наш упорно продолжает именовать меня Садыковичем. Сначала пытался его править, но потом бросил, ибо про таких, как наш Окунев, Пётр Алексеевич давно высказался: «Штурмана – отродье хамское, до вина и баб охочее...» Вот только в одном великий государь в отношении Вадима нашего Алексеича ошибся...

- В чём же?

- Как говорит наш дорогой зам, Олег Анатольевич: «Рождённый пить, куда ты лезешь?»

---

75. «Банан» - микрофон корабельной громкоговорящей связи.

В это время в проёме двери появились пышные усы предмета беседы, в сопровождении двух лейтенантов в парадной форме. Лицо дежурного просто светилось от предвкушения чего-то интересного, и Берёза снова вспомнил о воспетом английским учителем математики кошаке. За Окуновым следовали низенький, похожий на колобка, лейтенант-медик с розовыми щеками и бойким взглядом и худенький долговязый лейтенант – будущий командир ЗРБ, как догадался старпом.

- Ну, – вставая из-за стола, поднял бровь Сергей Олегович. – Чем порадуете, лейтенанты?

- Товарищ капитан 3 ранга, – вскинул к козырьку ладонь медик, – лейтенант медицинской службы Ульянов прибыл для дальнейшего прохождения службы в должности начальника... (лейтенант на миг запнулся, предчувствуя тавтологию, однако, продолжил) медслужбы БПК «Адмирал Михайлов»!

- Добро! – старпом перевёл взгляд на комбата.

- Товарищ капитан 3 ранга! Лейтенант Пастухов прибыл для дальнейшего прохождения службы в должности командира зенитно-ракетной батареи!

- Пастухов? – вдруг встрепенулся зам БЧ-7. – А имя-отчество Ваши как?

- Борис Олегович, – недоумённо ответил лейтенант, удивлённый таким интересом к своей скромной персоне.

Ковалёв перевёл взгляд на готового взорваться от смеха дежурного и, незаметно для лейтенанта, показал ему кулак.

- Ладно! – общее настроение передалось и Берёзе. – Провожу краткий первичный инструктаж. Основная ваша задача – как можно скорее принять дела и сдать зачёты на самостоятельное управление подразделением. Ну, если у доктора всё просто, ему только со складными гробами разобратся (произнося это, Сергей был уверен, что каждый флотский офицер знаком с творчеством Покровского), то

Вам, комбат, ещё и зачёты на допуск к дежурству по кораблю и к самостоятельному несению ходовой вахты сдавать.

- Какие гробы? – встрепенулся Ульянов.

- Видите ли, Евгений Александрович, – заглянув в предписание для того, чтобы уточнить имя и отчество будущего начмеда, принял у старпома вахту по травле⁷⁶ Кузнецов. – Об этом подробно описано у Александра Михайловича в его методических рекомендациях по приёму должности начмедом. Не читали? Зря! Вот и доктор наш, думаю, уверен, что Вы этой методички не читали, и будет вешать Вам макаронные изделия на сложной формы хрящевые образования, предназначенные для улавливания звуковых колебаний. Но Вы ему не верьте! Три складных гроба должны быть где-то в кладовой.

И, выглянув в коридор, зам громко позвал:

- Товарищ Плотников! Подойдите, пожалуйста!

Дверь одной из кают распахнулась и выпустила клубы табачного дыма. В сизом облаке стала проступать поджарая фигура майора медслужбы с седоватой бородкой а-ля «Энрико Педалес».

- Есть! Кому вдруг врач понадобился?

- Александр Николаевич! Вы бы курить бросали, медик, как-никак, – поморщился Кузнецов.

- Воздух должен быть виден! – резюмировал начмед.

- Ладно, чёрт с Вами... Вот Евгений Александрович прибыл на Ваше место – постарайтесь как можно быстрее передать ему дела. Это, кстати, в Ваших же интересах...

- Ух ты! Лейтенант!!! – обрадованно взревел Плотни-

---

76. Травля - 1) трёп, болтовня, враньё. Выражение: «трави до жвака-галса!», т.е. - «ври до конца!» Это когда, может быть и выдумка, но интересная... 2) заполнение вынужденно-свободного времени разговорами, рассказами о былом, как реальными, так и вымышленными. Говорят, что это чисто флотская психотехника, старая и проверенная.

ков. – Ну, пойдём, любезный, я тебе всю правду расскажу!

С этими словами, обняв Ульянова за плечи, здоровенный майор увлёк пухленького лейтенанта в амбулаторию...

Наблюдавший эту картину Владимир Садкович, вспомнив, что основной его целью является командир ЗРБ, вернулся к себе в каюту. А там уже разворачивалось действие в лучших традициях военно-морской травли.

- Так вот, по поводу сдачи зачётов, – продолжал свою речь Берёза. – Сами понимаете, что настоящим офицером Вы сможете назвать себя только тогда, когда закроете все зачётные листы. И наиболее трудной, но самой почётной, среди перечисленного мною списка, является сдача зачётов на самостоятельное несение ходовой вахты.

- Кстати, как у Вас в училище с кораблевождением было? – задал Сергей очередной вопрос Пастухову, заметив, что слушатели начинают терять интерес к беседе.

- Нормально... – лейтенант от обилия свалившейся на него информации был уже малость ошарашен, чего старпом, в принципе, и добивался.

- Ну, раз «нормально», то я Вам задам только один контрольный вопрос, и если Вы ответите на него хотя бы «на троечку», Вадим Алексеевич автоматом поставит Вам зачёт по вопросам кораблевождения. А это – месяц сдачи зачётов, как минимум, – подначивал лейтенанта старший помощник, и, повернувшись к штурману, спросил, – Вы ведь не против, штурман?

- Конечно нет, Сергей Олегович! – поддержал игру Окунев.

- Ну, а Вы, Борис Олегович, готовы?

- Д-да... – запинаясь, произнёс лейтенант, пытаюсь вспомнить всё, что ему когда-то преподавали на кафедре кораблевождения.

- Итак, – старпом поднял глаза к подволоку, как будто

вспоминая условия трудной задачи, и медленно, чётко проговаривая каждое слово, начал диктовать. – Большой противолодочный корабль «Адмирал Михайлов» летит по морю со скоростью 18 узлов⁷⁷... Запомнили?

- Так точно!

- Так вот... Требуется узнать, сколько миль корабль пройдёт за час. – И, добивая ошарашенного лейтенанта, Сергей предложил, – Калькулятор дать?

- Суров, ты, Ваше благородие, – отозвался из своего угла Кузнецов. – Для решения этой задачи одного калькулятора мало. Тут, как минимум, маневренный планшет и протрактор⁷⁸ нужны!!!

«Старпом ещё на самое интересное, ввиду малого пребывания на корабле, внимания не обратил», – внутренне улыбаясь и подмигнув стоящему рядом штурману, подумал зам.

- Ну что, готовы отвечать? – навис Берёза над покрасневшим комбатом.

- Щас-щас, – бормотал Пастухов, истекая потом. – Точно помню, что тут надо на шесть разделить... или умножить...

Окунев, прислонившись к дверному косяку и икая от подавляемого смеха, начал сползать вниз.

- Довольно! – хлопнул по столу ладонью старпом. – Придётся Вам зачёты с нуля сдавать, а то мы так сейчас нашего кораблеводителя потеряем! Видите, как он тяжело переживает Вашу неудовлетворительную подготовку. Сейчас сердечный приступ у человека случится... Так что, давайте, Борис Олегович, устраивайтесь и приступайте к приёму дел и сдаче зачётов.

---

77. Узел – единица измерения скорости, равная одной морской миле в час.

78. Протрактор – прибор для нанесения на морскую карту местоположения корабля, определенного по измерению углов между тремя видимыми с корабля точечными географическими объектами. Назван Кузнецовым с одной лишь целью – проверить глубину знаний лейтенанта.

Пастухов повернулся кругом и понуро направился к выходу из каюты.

- Да вот ещё что! – как будто вспомнив о чём-то важ-

ном, остановил его Кузнецов. – Вы сюда с женой приехали?

- Так точно!

- А квартирой, естественно, не обеспечены?

- Н-нет...

- Тогда вот что... – Владимир Садкович на мгновение задумался. – Сейчас пойдёте с предписанием домой к заместителю командира корабля. Он, хоть и в отпуске, но по таким делам принимает и дома, так как решает этот вопрос только он. Олег Анатольевич поможет с решением квартирного вопроса. Ясно?

- Так точно!!! – глаза лейтенанта светились от внезапно свалившегося на него счастья.

- Да, и ещё... – как будто только что вспомнив, произнёс Кузнецов. – Дверь, скорее всего, откроет его жена – женщина во всех отношениях добрая, но сильно радеющая за успехи мужа. Так вот, представьтесь сначала ей по полной форме: «Лейтенант Пастухов Борис Олегович, прибыл к Олегу Анатольевичу по личному вопросу!» Возможно, она, прежде чем позвать мужа, задаст Вам ещё один контрольный вопрос – а кем Олег Анатольевич Вам приходится...

Штурман в очередной раз издал трагичный всхлип...

- Вот видите, до чего Вы Вадима Алексеевича довели – до сих пор в себя прийти не может... Продолжаю. Тут главное не ударить в грязь лицом и показать, как у нас в экипаже относятся к замполиту. Поэтому, правильным ответом будет: «Олег Анатольевич для меня – отец родной!» Если Вы всё сделаете правильно, то квартира в ближайшее время вам обеспечена! Ясно?

- Так точно! – переминаясь от нетерпения, ответил Пастухов.

- Ну, тогда кладите свои вещи в каюту и марш к замполиту!

- Есть! – радостно ответил лейтенант и выскочил из ка-

юты.

Штурман, утирая слёзы и взглянув на Кузнецова, смог только простонать: «Ну, ты, Садыкович, и садист!» – и направился в рубку дежурного.

Уже из коридора донёсся его мурлыкающий голос: «Скользнула по лицу любимой тень, и вспыхнул взгляд, такой обычно кроткий... Последнее, что видел в этот день, был чёрный диск чугунной сковородки...»

- О чём это он? – Берёза недоумённо уставился на «Садыковича».

- Ты просто внимания не обратил на то, что Борис Олегович и Олег Анатольевич у нас однофамильцы, – скался во все тридцать два зуба, ответил Кузнецов. – Да и отчество у комбата подходящее. У зама, правда, только две дочери, а тут вот и сын нарисовался... Ну разве не радость?

- Да уж... - ухмыльнулся Сергей. – Пастухов – фамилия не шибко распространённая. Чувствую, будут у зама дома баальшие неприятности. Прав штурман – садист Вы, вашбродь!

* * *

До Пастухова-старшего Пастухов-младший так и не дошёл. Его в самый последний момент остановил на трапе штурман, решивший, что лучшего замполита на корабль вряд ли найдут, поэтому надо сделать всё возможное, чтобы предотвратить знакомство Бориса Олеговича с супругой Олега Анатольевича. Хотя, сама мысль о том, что каюткомпанию корабля может украсить барельеф замполита на чугунной сковороде, веселила Окунева.

Когда, по выходу из отпуска, Олегу Анатольевичу рассказали эту историю, он только развёл руками:

- Что поделаешь? Сын греха!

Этот позывной так и прилип к комбату...

*Настоящую морскую культуру
на корабле можно внедрить только
совершенно варварскими методами.*

Старый Филин.
Мерфинизмы по-флотски

Фонтан

- Ответьте-ка мне, дорогие мои сослуживцы, какие вы знаете знаменитые фонтаны? – меряя шагами вертолётную площадку большого противолодочного корабля «Адмирал Михайлов», спросил старпом у притихшего строя.

Народ, поднятый с коек в первом часу ночи и построенный, не понятно по какой причине, по «Большому сбору», недоумённо вытаращился на кавторанга. «Он что, с дубу рухнул? Поднять нас среди ночи, чтобы фонтанами интересоваться!»

- Ну, этот... Самсон! – раздался из строя чей-то сонный голос.

Лучше уж ответить, пусть даже на самый дурацкий вопрос, чем провести остаток ночи в строю – ведь всё равно, ирод, не отцепится.

- Самсон! – обрадовано подхватил капитан 2 ранга Берёза. – Где находится?

«Эх, мамо, купи поросё, назови его Старпомом... Он что, всю ночь решил с нами культурно-просветительскую работу проводить? Вроде бы трезвый, да и не замечали за ним...»

- В Петродворце! – ответил за всех Никола Питерский. Он знает – не раз с родителями ездил...

- Ай, молодец! – похвалил старпом старшину. – А ещё, какие фонтаны знаете?

- Писающий мальчик! – заметив мнущегося за спиной старшего помощника, одетого в одни трусы, матроса, подал

голос командир БЧ-1.

- Гениально, Вадим Алексеевич! – подбодрил штурмана Берёза. – Вы у нас, как эстет, самую суть ухватили! Где сей фонтан журчит?

- Оригинал – в Брюсселе, а копию, Сергей Олегович, я так полагаю, вы где-то в недрах корабля сыскали, – щурясь от полуночного солнца и кивнув на облачённого в «семейники» воина, ответил Окунев.

- Именно! – ещё более обрадовался капитан 2 ранга. – Обхожу себе тихо корабль, захожу в кормовое бытоустройство, а там это, с позволения сказать, тело, стоит посреди умывальника (ко мне спиной) и справляет свою ничтожно-малую нужду прямо на кафель палубы. До гальюна три шага!!! Но туда этот прототип Маннекен Писа не пошёл потому, что темноты боится. А какая-то сволочь (командир БЧ-5, возьмите на заметку!) свинтила «клювик» с пакетника освещения, и в гальюне темно, как у меня на душе, после того, как я увидел это непотребство.

Подхожу тихонечко, беру этого потомка Готфрида Третьего нежно за... Нет, штурман, не угадали! Выше!!! За шею его беру и спрашиваю проникновенно: «А боеприпасы где?» Вздрогнул Петит Жульен, шланг из руки выпустил, да так неудачно, что собственные тапки оросил. «Какие боеприпасы?» - спрашивает. «Как какие? – говорю. – Неприятельские, вестимо!» Он аж совсем растерялся, думал, что у старпома крыша съехала. Поворачивается ко мне (благо, что поток уже иссяк) и, заглядывая в глаза, доверительно шепчет: «Нетути...» «Ну, раз нету, – отвечаю, – то и подвиг твой не засчитывается!»

По глазам стоящих в строю матросов Берёза видел, что задел их за живое, и сказанное им надолго отложится в памяти. Хотя, для большинства его обороты речи были тёмным лесом... Какой-такой Жульен? При чём тут боеприпасы? Эх, надо будет замполиту сказать, пусть лекцию в воскресенье спланирует...⁷⁹

- Вот и решил я, мои дорогие коллеги, построить вас здесь, для того, чтобы вы лично лицезрели рождение новой скульптурной композиции: «Самсон, разрывающий пасть Писающему мальчику»! Боцман! – старпом повернулся в сторону боцкоманды. – Выдать этому оболтусу приборочный инвентарь, а дежурному по низам лично проследить, чтобы причал к утру был вымыт с мылом! И непременно в том виде, в котором есть! Эти труселя в цветочек ему очень идут. Ну, а с наведением порядка в кормовом умывальнике, будем после подъёма разбираться... Разойдись!

Матросы вмиг рассыпались по вертолётке, скатываясь по трапам вниз.

Утром о «Писающем мальчике» вся база говорила стихами...

---

79. *Petit Julien* - французское название фонтана «Писающий мальчик». По одной из легенд, статуя была изначально призвана напоминать горожанам о том мальчике, который своей струёй потушил разложенные неприятелем под городскими стенами боеприпасы.

*Раз-два-три-четыре,
Есть ведь кто-то в этом мире,
Кто-то рядом, кто поймёт,
Разберётся и придёт,
Сотня, двести, миллион...
Это кто-то - где же он?
Он не врач и не герой,
Важно быть самим собой,
Девять десять, раз, два,
Лечат вовсе не слова,
Лечит кто-то, кто не ждёт,
Кто идёт и кровь сдаёт,
Три-четыре-пять-шесть...
Этот кто-то точно есть,
Кто не зря живёт свой век,
Это кто-то - Человек...*

Проект «Может только Человек»

День донора

Столы в кают-компании были устелены не привычными накрахмаленными скатертями, а медицинскими клеёнками. Промеж столов сновали медицинские сёстры, а в коридоре кают-компании стояла очередь жаждущих «пролить кровушку» за благое дело.

Старшая из медперсонала заглянула в список и охнула:

- Куда ж вас столько? У нас норма тридцать-пятьдесят человек с корабля, а здесь – все сто двадцать!

- Сто двадцать четыре, – поправил её командир большого противолодочного корабля «Адмирал Михайлов» капитан 1 ранга Панкратов. – Причём, учтите, что это только с одного корабля. Сейчас остальные подойдут.

Девушка схватилась за голову:

- Да где ж я столько ёмкостей для крови наберу?

* * *

Неделю назад, узнав, что на дивизии планируется проведение Дня донора, Александр Владимирович обратился к экипажу:

- Несмотря на то, – меряя шагами вертолётную площадку, говорил Панкратов, – что нам определён лимит в пятьдесят человек с корабля, я настоятельно советую каждому, кого допустит начмед, сдать кровь.

Отметив про себя, что его слова не затронули душу стоящих в строю подчинённых, командир продолжил:

- Я не собираюсь рассказывать вам, что сданная кровь может спасти кому-нибудь жизнь. Об этом вы знаете не хуже меня... Скажу о другом: смена крови очень полезна для мужского организма. Обновившаяся кровь, подобно молодому матросу, стремится как можно быстрее ознакомиться с новой обстановкой и точно так же лезет куда ни попадая... В том числе и в пещеристое тело, – и, видя улыбки на лицах впереди стоящих, Александр Владимирович понял, что его слова задели за живое. – Но и это ещё не всё! Нигде и никогда вам не сделают подробных анализов абсолютно бесплатно, а, догадываясь, где и как вы проводите свои увольнения, для вас это будет не лишним.

Естественно, что после такой речи не было отбоя от желающих.

* * *

В кают-компанию заглянул командир сторожевого корабля «Невесомый» Сергей Берёза.

- Это здесь кровопролитие происходит? – и, увидев Панкратова, расплылся в улыбке. – А! Ты уже здесь! А моих сейчас старпом приведёт. Мы, как всегда, в первых рядах?

- Естественно! – ответил Саня, и, повернувшись к сестре, спросил – Уже можно?

Девушка в белом халате лишь вздохнула:

- Куда от вас денешься... Раздевайтесь.

Скинув рубашки, товарищи устроились на столе – голова к голове.

- Доктор! – обратился Берёза к колдовавшей возле Панкратова медсестре. – А Вы можете у него литра три скачать? Там же чистый коньяк!

Сестричка зарделась от «доктора» и кокетливо ответила, что, к сожалению, отбор крови осуществляется только по 400 граммов.

- Жаль! А какой бы коньяк был... Хотя всего три звёздочки, – Сергей кивнул на погоны Панкратова, – но зато «Командирский»!!!

- Моя-то кровь хоть на что-то годна, – парировал командир «Михайлова». – А твою, кроме анализов, и применить некуда! Да и те – хреновые...

Так, привычно переругиваясь и подкалывая друг друга, товарищи лежали на столе и наблюдали как медсёстры начинают отбор крови у других членов экипажа БПК.

Когда пластиковые мешки наполнились бурой кровью и были выдернуты иглы из вен, командиры почти синхронно соскочили со стола. Но если командир «Невесомого» сразу направился к аккуратно повешенной рубашке, то Панкратова при соприкосновении с палубой мотануло влево и он оказался почти в объятиях симпатичной медсестрички, успевшей подхватить его под руки.

- Вы хорошо себя чувствуете? – участливо спросила девушка.

Саня поднял на неё полные страдания глаза:

- А Вы меня до каюты доведёте?

- Нет!!! – сестричка отпрянула от капитана 1 ранга.

- Жаль! – во внешнем облике командира произошли ра-

зительные перемены, и взгляд приобрёл привычную твёрдость. – Придётся самому.

И Александр Владимирович направился к Берёзе, уже застегнувшему рубашку.

- Недолёт? – Сергей указал глазами на ошарашенную медсестру.

- Пристрелочный, – усмехнулся Панкратов, задумавшись.

Через секунду он обращался к старшей медгруппы:

- Когда всё это, – он обвёл рукой лежащих на столах матросов, – закончится, я прошу весь медперсонал подняться ко мне в каюту – надо решить один организационный вопрос.

С этими словами командир вышел из кают-компании.

* * *

Часа через два в тамбуре перед командирской каютой весело щебетали все шесть медсестёр. Старшая, гадая, какой это вдруг вопрос потребовал разрешения, постучав, открыла дверь.

- Заходите! – раздался радушный голос хозяина.

Девушки переступили порог и обомлели – стол, за которым обычно сидели командиры боевых частей во время совещаний, был уставлен всевозможными деликатесами от фруктов до икры, а венчали всё это великолепие несколько бутылок красного вина.

Командир «Невесомого» сидел тут же – куда ж без него...

- Что?.. Зачем?! – вскинулась было старшая, но Панкратов не дал ей закончить.

- Говорят, что «Каберне» очень способствует восстановлению крови.

- А мы тут причём?

- Ну не можем же мы тут вдвоём злоупотреблять – это уже пьянка получится, – встрял в разговор Сергей. – А в вашем присутствии и при непосредственном участии – уже медицинское мероприятие. «Praesente medico, – так сказать, – nihil nocet»⁸⁰, как говорили древние латиняне... – блеснул он скрытым запасом эрудиции.

- Ага! In vino veritas!⁸¹ – поддержал товарища хозяин каюты и победно глянул на Берёзу. «Мы тоже не ботфортом консомэ хлебаем!» – читалось в его глазах.

- Да, но in aqua sanitas,⁸² – пыталась возразить старшая группы, хотя было видно, что, никак не ожидавшая от моряков таких познаний в латыни, делает она это по инерции и без энтузиазма, мобилизовав в памяти подготовку к зачёту по древне-медицинскому на втором курсе.

- Ну, воды вокруг нас всегда предостаточно, – сходу перевел Панкратов. Подумаешь – «аква» – она кругом аква, да и санита в каждом, пардон, туалете в бутылочке стоит!

- Поэтому, наверное, и такие здоровые, – подытожил Александр. – Не будем терять время на препирательства. Прощу к столу!

* * *

Убывая через некоторое время с борта большого противолодочного корабля «Адмирал Михайлов», сестрички клялись в искренней любви ко всем представителям Военно-Морского Флота и, в особенности, к командиру лучшего БПК.

---

80. В присутствии врача ничто не вредно - лат.

81. Истина в вине - лат.

82. Здоровье в воде - лат.

При подаче бросательных концов во время швартовки корабля, с его борта подающие ведут прицельный «огонь» лёгостями по тем, кто на берегу. Если бы не целились, то могли бы в кого-нибудь попасть.

Ф. Илин

Лёгость – небольшой парусиновый мешочек, наполненный песком, оплетённый каболкой и прикреплённый к бросательному концу для облегчения забрасывания последнего на причал, др. судно.

Военно-морской словарь для юношества.
М.: ДОСААФ, 1985. стр.212

Лучше один раз увидеть...

- Ваша задача на этой швартовке – смотреть во все глаза и никуда не лезть. Да, и самое главное, моряки, – смотрите, чтобы лёгость не стала вам в тягость... Всё ясно? – закончил капитан 2 ранга Сергей Берёза, недавно назначенный командиром «Дозорного», инструктаж матросов молодого пополнения, которых решил вывести на швартовку (принимали пришедший из морей большой противолодочный корабль, который швартовался к соседнему причалу).

- Так точно! – дружно ответили бойцы.

- Ну, тогда – вперёд и с песней!

«Дозорновцы» бодро повернулись налево и, подхватив швартовое имущество, пошагали на соседний причал, выделяясь на фоне заснеженных сопok ярко-оранжевыми спасательными нагрудниками. Впереди шли «годки» штатных швартовых команд, а на шкентеле – молодёжь, которым предстояло принять (хотя и пассивное) участие в первой в их жизни швартовке корабля.

И вот моряки на штатных местах: носовая швартовая

команда на торце причала, кормовая – на корне, а молодёжь, чтобы было лучше видно и не мешать работе, – посредине, примерно напротив того места, где должен будет остановиться сигнальный мостик корабля, со стоящим на нём командиром и прочим начальством, вернувшимися с выполнения задач боевой подготовки.

Красавец БПК вышел в точку прицеливания, развернулся и, вздымая буруны под кормой, начал движение к причалу. Все замерли на своих местах. Тишину морозного утра нарушали лишь вой корабельных турбин, да команды, подаваемые на корабле. Корма пересекла срез причала и неудержимо двигалась к берегу. Казалось, ещё чуть-чуть, и все услышат, как винты скребут по камням осушки. Но...

- Обе машины – вперёд малый! – прозвучал голос командира.

Огромная махина в восемь тысяч тонн водоизмещения задрожала от проснувшихся в её недрах сотен табунов...

БПК стал быстро замедлять своё продвижение в сторону осушки, гася инерцию.

- Стоп машины!

Корабль продолжал своё движение назад, но уже лениво, и было видно, что остановится он там, где и положено.

На сигнальный мостик вышел адмирал – старший на борту, – и Берёза, стоя во главе строя молодых бойцов (дабы чего не учудили!), вскинул правую ладонь к козырьку, приветствуя высокое начальство.

- На юте – подать бросательный! – услышал Сергей Олегович очередную команду, и в тот же момент с вертолётной площадки корабля вспорхнула лёгость с привязанным к ней бросательным концом и птицей устремилась к причалу.

Берёза успел лишь подать команду «Внимание!» и проследить взглядом движение лёгости по маршруту «корабль-причал».

Но до причала оклетнёванная свинчатка весом в триста граммов добралась не сразу... Помехой в достижении ею

этой светлой цели послужил лоб молодого матроса Васи, который, забыв про инструктаж, «думал и молчал о чём-то о своём». При соприкосновении со лбом лёгость не думала ни останавливаться, ни отскакивать, а продолжала поступательное движение к металлическому настилу причала, но уже вместе с головой, на месте которой тут же оказались мелькнувшие в воздухе Васины пятки.

В голове Сергея почему-то тут же всплыл анекдот про то, как Штирлиц искал свой браунинг в кармане брюк... Вернее – ключевая фраза анекдота.

Хорошая всё-таки вещь – старые (надувные) спасательные нагрудники! Защищают не только в воде, но и при падении с высоты. Вместо того чтобы шмякнуться о причал, голова матроса попала на подушку нагрудника, что и позволило ей остаться в относительной целости.

Подбежав к лежащему на причале матросу, Олегыч с облегчением вздохнул: лоб цел, глаза открыты, зрачки сошлись к переносице и пытаются закатиться вверх, веки мелко подрагивают – классический нокаут. Самое главное – жив.

Подняв глаза, Берёза увидел, что с крыла сигнального мостика, который остановился как раз напротив них, свесилась голова адмирала.

- Жив! – ответил Сергей на немой вопрос в адмиральных глазах.

- Несите на корабль. – Это уже своим отличникам...

Четверо дюжих воинов подхватили недвижимое тело и, подняв Васю на плечи, бегом двинулись в сторону корабля. Но благополучно донести Василия до амбулатории не удалось...

Где-то в районе корня причала поверженный матрос пришёл в сознание, а так как последней его мыслью перед нокаутом, вероятно, было: «Убежать!», то осуществлять её он начал прямо на руках несущих его товарищей. Представьте себе картину – бегущий в горизонтальном положении детина,

находящийся на высоте почти человеческого роста. Естественно, товарищи не смогли его остановить в этом безудержном порыве, и Вася вновь оказался лежащим на причале. Снова спас нагрудник...

В результате – всё закончилось благополучно: корабль ошвартовался без замечаний, начмед, позвонивший Берёзе прямо на причал, сообщил, что у Васи только шишка и нет даже подозрения на сотрясение мозга, а Сергея даже не наказали.

Зато потом весь инструктаж перед швартовкой сводился к одной фразе: «Все помнят Васю?»

Воистину, лучше один раз увидеть...

*- Был у нас в экипаже минёр.
Звали его... а впрочем, не важно,
как его звали. Одно слово – минёр!*

Художественный фильм «72 метра»

Убийца авианосцев

Волна, одна из тех, про которые говорят «чуть выше сельсовета», прокатилась по баку и гулко ударилась о надстройку. Всем, кто в этот момент находился на ходовом «Дозорного», показалось, что они попали в океанариум и через стекло наблюдают за жизнью морских обитателей – в иллюминаторы была видна лишь толща воды, пробиваемая насквозь лучами яркого летнего солнца.

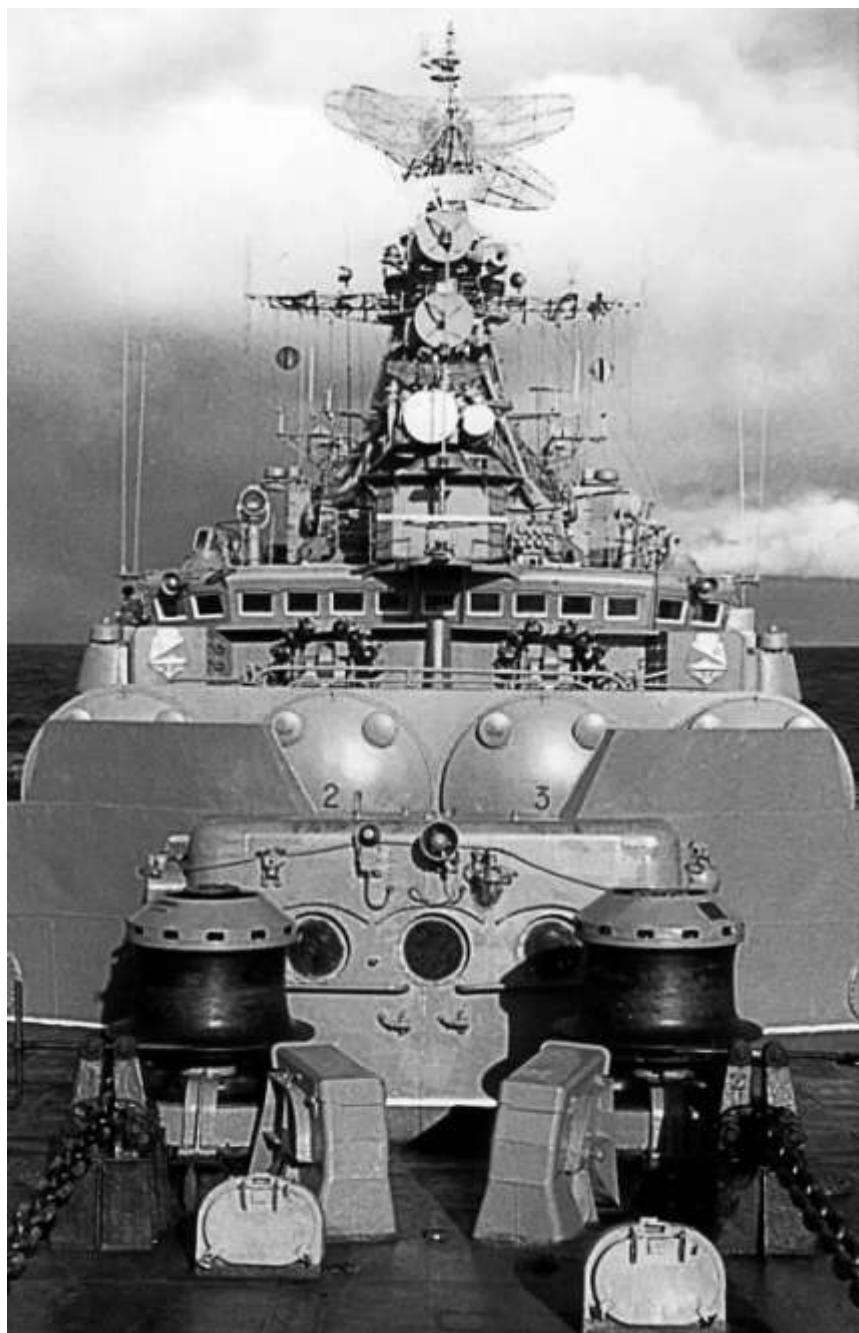
Вынырнув, как поплавков, из волны, сторожевик начал вскарабкиваться на очередной гребень. Стихия, сделав вид, что взяла передышку, изменила тактику и начала долбить корпус снизу. Корабль задрожал от слеминга.⁸³

- Штурман, диаграмму качки на ходовой! – командир «Дозорного», капитан 2 ранга Берёза с красными от недосыпа глазами, третьи сутки не сходил с ходового поста. Всё это время корабль штормовал, выбирая оптимальные курс и скорость, чтобы зря не насиловать ни корпус, ни машины, ни экипаж... Хотя, об экипаже уже не думалось – на удивление командира, с начала шторма укачалось всего трое, но и те уже «прикачались».

Разобравшись со штурманом в переплетении кривых диаграммы, командир дал команду на изменение скорости, но в этот момент очередной «девятый вал» прокатился по баку, сорвав с креплений, на глазах у Берёзы, пусковую установку с крылатыми ракетами и смыв её за борт...

---

83. Слеминг – явление удара днищевой части носовой оконечности корпуса о воду в процессе продольной качки судна при его движении на встречных волнах. Удар сопровождается содроганием корпуса вследствие внезапного нарастания нагрузки на днище и медленно затухающей вибрации.

- Минёр! – взревел кавторанг, перекрикивая ураган. –

Какого хрена «чемодан»⁸⁴ по-штормовому не закреплён?!!

И только сейчас, понимая, что несёт полнейший бред, Сергей проснулся.

«Пригрезится же такое! – подумал Берёза. – Ещё понятно, если подобное снится в начале отпуска, когда сознание не успевает перестроиться с одного режима на другой, но под конец! Надо будет утром на корабль позвонить...»

Рядом мирно посапывала жена – любимая Гульнара.

«Вот ведь, спит, и ничего её не тревожит! Не снится ей, что в детском саду Саша Бугаёв Саше Карпушкину фингал поставил, или Поля Бикулова у Рогатиной Маши куклу отобрала», – с завистью подумал Сергей.

Он перевернулся на другой бок и попытался уснуть. Какое там! Эмоциональное потрясение от увиденного в ночном кошмаре было таким сильным, что о сне не могло быть и речи. Поворочавшись с полчаса, Олеги́ч ласково тронул плечо жены:

- Гуля! А, Гуль!!!

- А... Что такое? – спросонья Гульнара не могла сообразить, чего от неё хотят.

- Ты ничего не слышишь? – встревоженно спросил у неё Берёза.

- Н-нет... – прислушавшись к тишине, через некоторое время ответила любимая. – А что? Что ты слышишь?

- Слышу, – Сергей сделал серьёзное лицо и придал трагизма голосу, – как на Западе снова оружием бряцают!

- Полено, я тебя убью!!! – Гульнара с размаху саданула мужа подушкой. – Три часа ночи, а ты со своими шуточками!

---

84. Чемодан – сленговое название пусковой установки КТ-106, состоящей из четырёх ракетных контейнеров, расположенных в горизонтальной плоскости.

- Спи-спи, Цветочек мой Аденький!⁸⁵ – Сергей обнял жену и, с чувством исполненного долга и полного удовлетворения, вскорости заснул.

* * *

Утром, как и планировал, Берёза позвонил старпому:

- Сергей Палыч! Как обстановка на корабле? – вспоминая ночной кошмар, поинтересовался командир.

- Всё нормально, товарищ командир! На корабле без происшествий. Готовимся ко Дню Флота.

- В морском параде корабль участвует?

- Нет.

- Ну и отлично! – Сергей чуть расслабился. – Несмотря на то, что отпуск у меня заканчивается через две недели, в пятницу, перед Днём Флота, я буду на Севере.

На том и порешили.

Садясь через два дня в поезд, командир «Дозорного» ещё раз позвонил старпому.

- У нас всё без изменений?

- Так точно, товарищ командир!

- Ну, добро! Телефон в поезде отключаю, чтобы батарея не села. Приезжаю завтра в 12.26. На подъезде включу.

- Вас встречать, Сергей Олегович?

- Нет. Сам доберусь.

- Счастливого пути!

- Спасибо. Отбой!

Сев в вагон, Сергей отключил трубку и погрузился в

---

85. Гульнара – женский вариант тюркского имени Гульнар – цветок граната. Однако говорят, что с приставкой окончания «а» к мужскому имени, слово поменяло смысл на «огненный цветок в аду».

чтение подаренной товарищем книжки с автографом: «С. Берёзе. Одному из главных героев этой правдивой книги от автора». Путешествуя в одиночку, Олегыч не любил есть в дороге, заменяя это занятие душевным чтивом и здоровым сном. Сказка для взрослых друзей с незамысловатым названием «По ту сторону гор»⁸⁶ в полной мере соответствовала эстетическим запросам моряка. Тем более что одним из главных героев действительно был прописан военный моряк – командир линейного корабля бэттлшип-коммандер, с созвучными Берёзе именем и фамилией – отважно боровшийся с режимом величественной Империи.

Как ни пытался Сергей найти нестыковки и ляпы в описании морских сцен, ему этого не удалось. Славка, хоть и был далёк от флота, трудясь на ниве здравоохранения, но в материал вник досконально и готов был отвечать за каждое написанное слово.

«Молодец доктор! – отметил для себя Берёза, читая об операции по блокированию выхода из морского канала Зе-еборга. – При всём желании не докопаешься. Даже с флагами сигнала бедствия не наврал! Правда, вместо обычных “N” и “C”, я прописал бы “November” и “Charlie”, но это уже придирки!»

Так, перемежая сон с чтением, командир «Дозорного» с каждым часом приближался к своему кораблю. И всё бы прошло по намеченному плану, если бы, перевернув очередную страницу, Сергей не прочитал: *«Надо взять по фунту куриных сердец, печени и желудков. По фунту, и не менее, ибо иначе вы не сможете в полной мере распробовать это замечательное лакомство. И телячьи языки. Без телячьих языков тоже, конечно, можно готовить, но можно ведь две-три недели сидеть только на хлебе и воде или есть одну пшеничку, и ничего – с голоду не помрёте. Нет, если вы действительно хотите почувствовать наслаждение от еды, то телячьи языки следует взять непременно...»* И далее шло

---

86. Из издательства книга вышла уже под названием «Потерянный шпион».

несколько страниц описания приготовления и пробы любимого блюда Старого Гризли, настолько подробно и вкусно изложенного, что у Берёзы заурчало в животе.

Поборовшись с искушением около часа, Сергей полностью согласился и изречением Оскара Уальда и, решив при встрече высказать докторишке всё, что о нём думает, направился в вагон-ресторан.

* * *

На подъезде к Мурманску, Берёза включил мобильник, и телефон буквально взорвался от потока сообщений, среди которых были непринятые звонки от старпома, начальника штаба и командира дивизии. Возникло даже ощущение, что трубка поменяла цвет с синего на красный.

Предчувствуя самое плохое, что может себе представить командир в отношении вверенного ему корабля, Сергей набрал номер старпома:

- Сергей Павлович! Что случилось???

- Товарищ командир, «Магнитогорск» заломался, и мы вместо него в морском параде участвуем...

- Старпом!!! – перебив офицера, заорал в трубу командир. – Ну, неужели нельзя было СМС-ку мне на трубу кинуть? Мол, изменения в планах, тащ командир, – в параде участвуем. Я уже чёрт знает что себе напридумывал!!!

Произнеся это, Берёза облегчённо выдохнул и осмотрелся по сторонам. Благо, в тамбуре вагона, откуда он звонил, никого не было.

- Виноват, товарищ командир! – голос старпома был полон раскаяния. – Просто комдив Вас срочно к себе вызывает...

- Ты сказал, что я ещё в поезде еду?

- Сказал...

- И что он ответил???

- Товарищ командир, можно я не буду это повторять?

- Понятно... Сейчас я ему сам позвоню.

Дав отбой, командир «Дозорного» набрал номер контр-адмирала Литвинова.

- Здравия желаю, товарищ комдив! Капитан второго ранга Бе... – начал было Сергей.

- Командир! – донёсся из трубки рык адмирала. – Где тебя черти носят?

- В поезде... на подъезде к Мурманску.

- Как только приедешь – пулей на корабль! Через полтора часа генеральная репетиция морского парада, а корабль без командира! Уже приготовление к бою и походу всю идёт.

- Сергей Александрович, так у меня ключи от квартиры у соседки...

- Какая, к лешему, соседка?! – вновь перебил Берёзу Литвинов. – Я же сказал – прямо с паровоза! с баулами! не переодеваясь! – на борт!!! С соседкой своей позже разберёшься!

- Есть! – поняв, что возражать бесполезно, ответил Сергей и услышал отбой.

* * *

Выйдя из здания мурманского вокзала, Сергей осмотрелся в поисках такси и увидел знакомую девичью фигуру, облачённую в военно-морскую форму. Окликнуть девушку он не успел, так как высокую красавицу, вслед которой оборачивались практически все проходящие мужчины, также заметил и начальник гарнизонного патруля, остановившийся на перекур возле колонн.

- Девушка!

Цоканье каблучков по асфальту даже не замедлилось.

Сергей, зная нрав своей знакомой и заинтригованный дальнейшим развитием событий, остановился в сторонке, ожидая развязки.

- Товарищ младший сержант! – решил сменить тактику начальник патруля.

- Я? – девушка обернулась на звук голоса и увидела перед собой артиллерийского капитана в сопровождении двух патрульных.

- Конечно же, Вы! – начпатр даже не соизволил вытащить изо рта сигарету «Кэптн Блэка». – Почему честь не отдаёте?

«Товарищ младший сержант» ещё раз смерила взглядом фигуру офицера с засунутыми в карманы руками и, глядя в улыбающиеся глаза, с расстановкой произнесла:

- Вы себе льстите, товарищ капитан. Даже очень! – и, видя как вспыхнули уши артиллериста, добавила – А Вы меня арестуйте, товарищ капитан, хоть в этом первом будете!

Улыбка вмиг сползла с лица незадачливого офицера, и он, совершенно обескураженный такой неожиданной эскападой, вынув сигарету изо рта, только и смог спросить:

- А это ещё за что?

- Как за что? – искренне удивилась девушка, хлопнув ресничками и тряхнув роскошной гривой чёрных волос. – За неуставную причёску, за короткую юбку и, наконец, за то, что нельзя быть на свете красивой такой!

- Юбка-то тут причём? – промямлил смутившийся офицер, ибо таких наглых ответов от младших по званию ему не приходилось слышать за всю свою службу, и, в то же время, он понимал, что «выхватывать шашку» и ставить зарвавшуюся девчонку на место просто глупо – сам опростоволохился.

- А при том, что воспитанные люди смотрят собеседнице в глаза, а не пялятся нагло на её ноги! Честь имею! –

подвела черту молодая нахалка и, вскинув руку в воинском приветствии, развернулась и пошла прочь с гордо поднятой головой.

И только сейчас она увидела улыбающегося Берёзу.

- Наглеешь! – Сергей указал взглядом на лыбящихся патрульных и застывшего капитана, на каждом ухе которого

был вывешен сигнал «гружу боеприпасы»⁸⁷.

- Да ну его! Как спросил, так и ответила. Хоть бы чего-нибудь нового придумали, а то всем, понимаешь, чести девичьей подавай!

- Может быть, капитан просто познакомиться хотел, – подколот знакомую Берёза. – А ты его так немилосердно отшила.

- Для начала вынул бы бычок изо рта, да спросил что-нибудь оригинальное. А то все они – молодые да рьяные – считают, что самые остроумные и неотразимые...

- Молодые? Да уж капитан-то не моложе тебя будет! – удивился Сергей.

- Зато у меня опыта по этой части гораздо больше!

- По части знакомств?

- Нет! По части отшивания!!!

- Что поделать... Красота требует жертв!

- Это она жертв от других требует, а от меня – стойкости и терпения!

- Да уж, – засмеялся Берёза, – мало того, что красивая и умная, так ещё и очень скромная! Одно могу сказать, что родители тебя правильно нарекли.

- Это почему? Типа – королева Марго??? – скривилась Рита от набившего оскомину штампа.

- Нет. Маргаритка – цветок Северного флота! – скаламбурил Олегыч. – Тебе в Базу?

- Нет, у меня здесь в тылу дела.

- Ну чтож, успехов!

Простившись с девушкой, Сергей пошёл на стоянку

---

87. Флаг «Н» («Наш») военно-морского свода сигналов, означающий «Веду огонь», «Гружу боеприпасы», представляет собой полотнище красного цвета.

такси.

* * *

На причалах Главной Базы вовсю кипела работа. Командование, обрадовавшись тому, что после двух недель обложных дождей, наконец-то установилась солнечная погода, организовало авральные покрасочные работы – надо было успеть за оставшееся время подготовить корабли к празднику. Повсюду виднелись матросы с кистями и валиками, свешиваясь с бортов на беседках, копошась в пришвартованных к бортам шлюпках и плотиках, облепив надстройки кораблей. И красили, красили, красили... Причём, было заметно, что делают они это не из-под палки, а с большим энтузиазмом.

«Матрос любит пожрать, поспать и красить», – вспомнилась Сергею фраза боцмана из любимой «Долгой навигации».

На подходе к причалу, командир внимательно осмотрел свой корабль.

Сверкая в солнечном свете свежей эмалью, «Дозорный» радовал глаз. Как можно было не влюбиться в этот стремительный профиль СКРа, мерно покачивающегося на воде и готового в любой час сорваться с места и выйти в море? Шаровые⁸⁸ борта были отделены от чернеющего сажей переменного пояса ослепительно-белой ватерлинией, под которой, словно лаская любимую игрушку в ладонях, плескалась зелёная волна.

Взойдя по обтянутой новым белым обвесом сходне, предварительно махнув рукой старпому «не командуй!», Берёза принял доклад:

- Товарищ командир! Во время Вашего отсутствия происшествий не случилось! На корабле идёт сотая минута приготовления к бою и походу. Съёмка в 14.00. Старший по-

---

88. Шара у маляров: дикая краска, мел с сажей. Дикий цвет - сероватый, серый, пепельный, подседный; не бурсерый, а голубосерый (В. Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка»).

мощник командира капитан 3 ранга Санченко.

- Есть! От дивизии кто старший?

- Капитан 1 ранга Кисляков.

- Понятно... Передай, что я сейчас переоденусь и поднимусь на ходовой. Не в гражданке же кораблём управлять, – улыбнулся Сергей, избегая по трапу на шкафут левого борта...

Вернее – пытаюсь взбежать, так как на первой же ступени он был остановлен пеньковым шкертом, преграждающим путь наверх.

- Товарищ командир, – раздалось за спиной запоздалое предупреждение старпома, – здесь проход закрыт – трап окрашен.

- Ясно! Самое страшное на флоте – матрос с кисточкой и лейтенант с отвёрткой. Ночью не могли? – проворчал Берёза, скорее по привычке, ибо сам прекрасно понимал, что в отведённый лимит времени нужно использовать любую возможность, чтобы в срок подготовить корабль ко Дню Флота.

Пройдя мимо артустановки к трапу правого борта и поднявшись на шкафут, командир ещё раз, как бы оправдываясь перед собой за собственную невнимательность (расслабился в отпуске), оглядел корабль. Висящие на надстройках спасательные круги с белой надписью «Дозорный» алели свежей киноварью, на дверях и люках синела соответствующая маркировка, под ногами чернела сталь палубы, без малейшего намёка на ржавчину. Все дельные вещи на своих местах, всё, что не окрашено – смазано или надраено. Красота!!!

Миновав торпедную площадку и подойдя к двери тамбура, командир остановился и повернулся к сопровождающему его старпому:

- Спасибо, Сергей Палыч! – Берёза крепко пожал капитри руку. – Огромную работу проделали!!!

Через пять минут командир сторожевого корабля «Дозорный» капитан 2 ранга Сергей Берёза, одетый по форме, поднялся на ходовой.

- Командир! – встретил его Кисляков. – Ну, сколько можно ждать? Принимай управление. Я за тебя свою работу делать не собираюсь!!!

- Здравия желаю, Гаврила Иванович! – Сергей вскинул руку к козырьку, после чего пожал протянутую ладонь. – Я тоже очень рад Вас видеть! А по поводу управления – это мы всегда-пожалуйста. Только старпом решение на отход принимал, он пусть и рулит. А я проконтролирую и, в случае чего, за всё отвечу.

- Типун тебе на язык, командир, – капитан 1 ранга постучал по дереву автопрокладчика. – Случись что, – все ответим! Ладно, давай сюда штурмана, минёра и седьмого⁸⁹ – я вас инструктировать буду. Специально тебя дожидался, чтобы два раза не повторять.

После того, как означенные офицеры прибыли на ходовой, Кисляков приступил к инструктажу:

- Внезапно (что, в общем-то, перестало быть оригинальным) нам кинули вводную – принять участие в морском параде вместо сдвувшегося «Магнитогорска». В принципе, ничего нового и неожиданного в этой задаче нет, ибо «Дозорный» не раз и не два её выполнял и всегда успешно, – Гаврила Иванович обвёл взглядом слушателей. – Действуем по старой схеме: вслед за прохождением лодки, два вертолёт с опускаемыми станциями имитируют поиск, а мы «атакуем» её бомбами. Попутно производим торпедную атаку и выставляем пассивную помеху из ПК-10.⁹⁰

Сегодня стреляем одной бомбой, имитируем стрельбу торпедо-болванкой с левого борта сигнальной ракетой, и

---

89. Седьмой – командир БЧ-7 – радиотехнической боевой части.

90. ПК-10 «Смелый» — корабельный комплекс радиоэлектронного подавления и постановки пассивных помех (дипольных отражателей и ложных тепловых целей).

выпускаем по одному оптическому снаряду в начале и в конце «забора».⁹¹ Расход боезапаса на праздник – двадцать четыре бомбы, один торпедо-болван и десять снарядов ПК-10.

Штурман, рассчитать курсы так, чтобы мы безопасно прошли относительно лодки и стоящего на рейде «Кузнецова». Командир БЧ-7 – определиться с временным интервалом залпов из ПК-10, чтобы дистанция между ними на скорости 14 узлов была 25 метров. Минёр, обеспечить соблюдение мер безопасности при выполнении стрельб. И очень Вас прошу, Виктор Сергеевич, не повторите подвиг Зигфрида!

- Есть! – ответил капитан-лейтенант Анашенко, к которому Кисляков обратился последним, и все трое покинули ходовой пост.

В назначенное время «Дозорный» снялся со швартовых и начал циркуляцию для выхода на курс выполнения стрельб. Пара Ка-27, выбрав станции, отходила на безопасное расстояние, уступая место на сцене сторожевому кораблю.

Убедившись, что стрельба безопасна, старший на борту дал добро на выполнение боевых упражнений.

После того, как выпущенная практическая бомба плюхнулась в расчётном месте, и отгремели залпы ПК-10, корабль начал описывать циркуляцию вправо, снижая ход до девяти узлов, чтобы подойти к точке якорной стоянки, в которой предстояло дожидаться окончания репетиции.

- Прекрасно! – резюмировал Кисляков. – На этот раз обошлись без тренировки ВОХРа по гражданской обороне.

- Кстати, Гаврила Иванович, – ухватился за тему Берёза, – много раз слышал об этой истории от посторонних людей. Не знаю уже, где там правда, а где вымысел. А вот от участника событий ни разу не довелось... Расскажите, а?

- Чтож, время пока есть, – оценив обстановку произ-

---

91. Во время праздника корабль с определённым интервалом выпускает оптические снаряды из установленных вертикально пусковых установок, так, что картинка в конечном итоге напоминает своеобразный огненный забор.

нёс капитан 1 ранга и начал рассказ.

* * *

История произошла в то время, когда Гаврила Иванович Кисляков (в то время ещё капитан 2 ранга) сам командовал сторожевым кораблём «Дозорный», а Берёза заканчивал обучение на шестых офицерских классах.

На праздновании Дня Флота корабль точно так же принимал участие в морском параде с выполнением стандартного комплекса боевых упражнений. Та же стрельба предварительно заряженной болванкой с последующим красивым взрывом «цели», который устраивали сапёры инженерного батальона; двадцать четыре бомбы, да постановка «забора» из ПК-10. Схема, отработанная годами. Да и участвовал СКР не вдруг, а запланировано – с составлением плана-графика, разработкой и принятием решения, утверждением планов и решения всеми инстанциями, начиная с командира дивизии, заканчивая командующим флотом, и прочими «приятностями» службы.

Соответственная работа проводилась и с командирами боевых частей, а те, в свою очередь, настропалили подчинённых. Все были заинструктированы до посинения и готовы в любую минуту выполнить поставленную задачу.

В пятницу, предшествующую Дню ВМФ, «Дозорный», под командованием Гаврилы, вышел на генеральную репетицию.

Пустив в небо красную сигнальную ракету, обозначающую залп торпедой, Кисляков дал команду на залп из РБУ.

- Есть «Залп»! – ответил ему командир БЧ-3 капитан-лейтенант Зигфрид Аболтинш и нажал на кнопку.

Услышав звук выстрела и приняв доклад от подчинённых, минёр бодро отрапортовал на ходовой:

- Бомба сошла, замечаний нет!

Не успел он отключить тумблер и повесить микрофон, как из-за переборки донёлся командирский рык, не нуждающийся в усилении динамиками корабельной трансляции:

- Минё-о-о-р-р-р!!! Дробь!!!

«Чего “Дробь”-то? Бомба и так всего одна и больше на сегодня не предвидится!» – успел удивиться Зигфрид, однако, ощутив всем своим существом, что стряслось что-то экстраординарное, он разомкнул цепь стрельбы и во мгновение ока предстал перед Кисляковым.

- Зигфрид Иванович, – худое лицо Гаврилы выражало застывшую маску языческого божка с выпученными глазами, – Вы куда стреляли?

- Курсовой ноль, дистанция пятьсот пятьдесят! – без запинки ответил командир БЧ-3 вбитые в сознание кучей инструктажей цифры.

- А почему бомба туда улетела?!!

Аболтинш проследил за застывшим командирским

взглядом и увидел, как на мысе Шавор медленно оседает столб пыли. Сквозь пыль угадывались очертания завалившейся сторожевой вышки, и какое-то шевеление на берегу.

«Приплыли!» – подумалось минёру, и воображение живо нарисовало в сознании Зигфрида его портрет в телогрейке и с пилой за плечом.

В ту же секунду ожил динамик ВПСа:

- «Дозорный»! Шо вы там творите?! – до боли знакомое оканье вице-адмирала Благобытенко мигом вывело командира из ступора.

- Разбираемся, товарищ адмирал!

- «Разбираемся»! Опасно маневрируете, товарищ командир! Швартуйтесь к своему причалу, – дал команду заместитель командующего. – К моему прибытию на борт, чтобы вся информация об инциденте была уже в полном объёме.

- Есть! – ответил Кисляков и дал команду на завершение манёвра.

Делегацию на Шавор, состоящую из офицеров штаба дивизии, возглавлял сам Гаврила Иванович, обладающий феноменальным даром не только направить энергию экипажа в соответствующее русло, но и разрулить возникающие спорные вопросы вне корабля.

- Ты только себе представь, – обратился Кисляков к Сергею, – приезжаем на Шавор, а там мужик, весь в пыли, по берегу носится, и бабка с наганом под заваленной вышкой сидит, трясущимися руками никак ствол в кобуру спрятать не может...

А произошло вот что:

Мужичок из числа аборигенов решил, в ознаменование пятницы и погожего дня, сходить на рыбалку. Приволок на берег резиновую лодку, и, попутно наблюдая за демонстрацией мощи Северного флота в период генеральной репетиции, стал её надувать...

На вышке неподалёку, охраняя от злоумышленников склады горюче-смазочных материалов, бабуля-божий одуванчик также любовалась разворачивающимся действием.

Устав прыгать на старой «лягушке», мужик отошёл от лодки и, примостившись в тени сторожевой вышки, достал сигареты:

- А чё, мать, как тебе праздник? – кивнув в сторону погружающейся подводной лодки, спросил он у бабули.

- Праздник, как праздник, – сварливо ответила «мать». – Я, милок, за свою жизнь их столько парадов-то энтих насмотрелась, с вышки-то с этой... Да и лодки... Я ещё помню, как лунинская лодка в море ходила, да и самого Лунина-то девчонкой видела!

- Да ты что?

- А ты думал! А что корабли? Вот раньше крейсера на рейде стояли – любо-дорого поглядеть! А сейчас? Вон, живопырка выскочил, – женщина указала рукой на идущий вслед за лодкой СКР, – так, гляди ж ты, – океанический корабель! Тьфу!..

И в этот миг «Дозорный», словно обидевшись на эдакое сравнение, тоже «плюнул»... одной-единственной практической бомбой, что была заряжена в РБУ правого борта.

Наблюдавшая за этим парочка увидела, как бомба, описав пологую дугу, неумолимо несётся в их сторону, не оставляя ни малейших сомнений по поводу того, что до берега она-таки долетит. В самый последний момент рыбак, отслуживший в своё время срочную морпехом, повинуясь отработанным рефлексам, успел рыбкой нырнуть в ближайшую канаву и услышал, как в береговую черту врезалась stodвaдцaтикилогpaммoвaя болванка, разметав веером прибрежные камни, градом застучавшие по оставленной лодке, основанию вышки и близлежащим валунам. Через секунду послышался скрип падающей вышки и испуганный вскрик пожилой женщины. Сама вышка, одну из опор которой, как бритвой, срезало оторвавшимся при ударе стабилизатором бомбы, рухну-

ла в пяти метрах от головы бывшего морпеха.

- Мать, ты жива? – подняв голову и пытаясь хоть что-то разглядеть в облаке пыли, оседающей у останков смотровой площадки, спросил рыбак.

- Жива! – раздался голос из-за его спины. – Как увидела, что вышка заваливается, так, прямо с верхотуры, в кусты и сиганула.

Женщина сидела у основания лежащих опор и с удивлением рассматривала зажатый в кулаке револьвер.

- Надо же! Когда только наган достать успела? Да и зачем? Видать, войну вспомнила...

В таком виде их и застала делегация прибывших на мыс офицеров.

Для начала Гаврила Иванович дал вволю выговориться мужику (бабуля только поддакивала), никак не пытаясь остановить его словоизлияния. Было видно, что, рыбак с удовольствием бы взял за грудки щуплую фигуру Кислякова и показал ему, чему научился в морской пехоте. Однако, видя численный перевес со стороны военных, он, находясь на почтенном расстоянии от командира «Дозорного», лишь высказывал тому, что он несколько обескуражен тем фактом, что таких идиотов допускают к командованию кораблями, крайне шокирован уровнем боевой подготовки на современном флоте, и до глубины души возмущён причинённым ему моральным и (пинок останков резиновой лодки) материальным ущербом. И естественно, как и следовало ожидать, выяснилось, что товарищ успел уже достаточно близко познакомиться со всеми дураками-вояками от матроса в посту наводки РБУ до командующего флотом, их ближайшими родственниками, кораблями на которых они служат, торпедами с этих кораблей и этой самой злосчастной бомбой.

Слушая эту пламенную речь, Гаврила понял, что, несмотря на немалый срок службы на флоте, у него имеются огромные пробелы в словарном запасе, которые вот прямо сейчас восполнялись новыми терминами и выражениями. Ви-

димо, об этом же подумали и остальные офицеры, так как стоявший позади командира капитан 2 ранга Удальцов, чуть наклонившись вперёд, еле слышно произнёс:

- Когда успокоится, надо будет попросить, чтобы он всё это записал. Такой материал пропадает!

- Да уж! Только без эвфемизмов, думаю, даже нам не обойтись будет, – кивнул Кисляков и поднял руку.

- Спасибо, достаточно! Я Вас внимательно выслушал, но так и не понял, чего именно Вы хотите, – обратился командир к начинающему выдыхаться оппоненту.

После чего пошла конструктивная беседа, в ходе которой Высокие Договаривающиеся Стороны, воодушевлённые желанием урегулировать разногласия по вопросу о причинении морального и материального ущерба в целом на основе соблюдения взаимных интересов Сторон, пришли к Соглашению об урегулировании инцидента со злополучной РГБ, изрядно пощипав дозорновские провизионки и уменьшив вполовину месячную норму спирта, выданного на корабль.

- А что Сигизмунд Лазоревич? – вспомнив, как шутиливо звали минёра, когда они, будучи румынскими комбатами, проживали в одной каюте, поинтересовался Берёза.

- А что Зигфрид... – пожал плечами Гаврила Иванович, – пока мы устаканивали вопрос на Шаворе, полез разбираться в пост к минёрам. Но там оказалось всё просто, как труба торпедного аппарата – командир отделения минёров старшина 2 статьи с оригинальной русской фамилией Иванов был настолько заинструктирован нашим румынским латышом («Бомба не сойдёт – ДМБ в опасности!»), что решил подстраховаться и, одновременно с моей командой, нажал в посту кнопку аварийного залпа. Бомба, конечно же, сошла. Только вместо одного двигателя, который должен был запуститься при данных установках стрельбы, у неё запустились оба (залп-то аварийный), и она, по второй баллистике, радостно улетела в два раза дальше.

- А Благобытенко какие-нибудь организационные выводы сделал? – наблюдая за тем, как старший помощник выводит корабль в точку якорной стоянки, вновь спросил Сергей.

- Да нет... – улыбнулся Кисляков. – Когда Бык прибыл на корабль, ему доложили, что проблема на Шаворе решена, показали нетронутые с момента залпа данные стрельбы, которые полностью совпадали с утверждённым планом, и честно признались, что всё дело в бракованной бомбе, у которой, скорее всего, сработала вторая баллистика. Офицеры МТУ,⁹² произведя нехитрые расчёты, эту версию подтвердили. Ни у кого просто и мысли не возникло о кнопке аварийного залпа, а Серёга Иванов по поводу этого молчал как партизан на допросе. В общем, отделались лёгким испугом, разобравшись «в узком кругу ограниченных людей».

* * *

Уже с самого начала морской парад начался с дерготни...

Сначала «Дозорный» получил приказание сниматься раньше времени, чтобы загодя выйти на курс выполнения демонстрационных стрельб. Убрали сходню, отдали носовой и, отведя нос корабля от причала, отдали кормовой швартов...

Стоя на правом крыле сигнального мостика, Берёза привычно скомандовал:

- Право руля, правая машина – вперёд самый малый!

И видя, что корма отошла причала, командир хотел уже дать команду «Обе – малый вперёд!», как даже не услышал, а, скорее, почувствовал среди общей какофонии докладов голос Кислякова, находившегося на противоположном борту:

- Командир, стоп!!!

---

92. МТУ – минно-торпедное управление флота.

Ни секунды не задумываясь, Сергей проорал в банан:

- Стоп обе!!!

- Есть, обе стоп! – одновременно со звуком сигнализации машинного телеграфа, переключенного на «Стоп», услышал Берёза голос вахтенного офицера.

Не успел Сергей уточнить у старшего на борту, чем вызвана данная команда, как прямо из-под форштевня СКРа выскочил белый катер командующего флотом, решивший срезать угол.

- Бабушку вашу – с перевёртом в перехлёст из поворота в перекося, и через гвоздями забитый клюз обратно в загробные рыдания! – вырвалось у командира, причём так эмоционально, что, кажется, это услышали и на самом катере командующего. После чего Берёза, взяв микрофон, поинтересовался, – Гаврила Иванович, как там слева?

- Чисто. Можно ехать, – на манер Берёзы ответил Кисляков. – Давай, командир, а то уже опаздываем!

Отойдя от причала и выйдя на заданный курс, командир «Дозорного», памятуя случай с Шавором, решил ещё раз проинструктировать минёра.

- Виктор Сергеевич, – включив линию трансляции, соединяющую его с командиром БЧ-3 произнёс в микрофон Берёза, – выполняем всё так же, как и на репетиции. Сперва, по моей команде, стреляем торпедой, а потом бомбами. Чтобы ты ориентировался, между торпедным и бомбовым залпом будет примерно десять секунд. Понятно?

- Так точно! – ответил Анащенко, и Сергей полностью переключил внимание на управление кораблём.

- Смотри, командир, «Кузнецов» ветром развернуло, и теперь корма его точно на пеленге стрельбы, – обратил Кисляков внимание Берёзы на изменение в обстановке.

- Вижу, Гаврила Иванович! Только, если сейчас поворачивать, то мы слишком близко к причалам пройдем. Вот

пульнём болваном и подвернём.

- Ну, добро!

На подходе к точке торпедного залпа, командир снова взял микрофон:

- Торпедный аппарат левого борта – товсь!

- Товсь выполнено!

- Залп!!! – скомандовал Берёза и, дождавшись доклада «Залп произведён, торпеда вышла!», дал команду рулевому:

- Лево руля, курс 265!

Нос корабля начал плавно скатываться влево, но в тот момент, когда гюйсшток визуально уже почти достиг среза кормы стоявшего в трёх кабельтовых авианосца, ожили бомбомётные установки, выплёвывая из своих стволов практические бомбы.

Реакция Кислякова оказалась молниеносной! За считанные мгновения он успел отдать две самые необходимые в этот момент команды:

- Руль – лево на борт! Минёр – дробь!

Но корабль в три тысячи тонн водоизмещением – это не автомобиль и даже не катер. Его невозможно заставить резко изменить направление движения одним поворотом руля... И командир с Гаврилой, затаив дыхание, с ужасом наблюдали, как по пологой дуге приближаются к корме «Кузнецова» всплески от падающих бомб. РБУ замерли, но бомбы, выпущенные ими за несколько секунд, ещё продолжали падать, и расстояние между «султанами» и флагманом флота неумолимо сокращалось.

Увидев очередной фонтан в десяти-пятнадцати метрах от кормы авианосца, Сергей осознал, что следующая бомба обязательно впечатается либо в борт, либо в палубу корабля. Он до боли в глазах всматривался в освещённый солнцем профиль «Адмирала Флота Советского Союза Куз-

нецова» и ожидал развязки, отчётливо понимая, что это конец не только его командирской карьеры, но и, скорее всего, жизни на свободе...

Однако прошла секунда... вторая... третья! А ни очередного всплеска, ни разрушений на борту авианосца не было!!!

Из оцепенения его вывел голос руководившего морской частью праздника контр-адмирала Литвинова, раздавшийся из динамика ВПС:

- «Дозорный» - «Оливе»!

- Есть «Дозорный»! – схватил трубку стоявший ближе к ВПСу Кисляков.

Берёза посмотрел на Гаврилу и увидел побледневшее и покрытое испариной лицо старшего товарища.

«У меня, наверное, рожа ничем не лучше... Однако, голос у Иваныча абсолютно спокойный. Я бы так не смог...» – подумал Сергей.

- «Дозорный»! Что вы там творите?! – слово в слово повторил Литвинов фразу Благобытенко, произнесённую не-

сколько лет назад.

- Всё в порядке, товарищ комдив! Действуем согласно утверждённому плану! – придав к спокойствию в голосе нотку удивления, ответил капитан 1 ранга.

- Какой там, к чертям собачьим, план, когда у вас бомбы под корму «Кузнецова» ложатся?!!

- Да нет, Сергей Александрович, с нашей стороны всё нормально, – ещё более «удивился» Кисляков. – У Вас, видимо, ракурс такой!

- Да? Ну ладно! – сделав вид, что поверил, отозвался Литвинов, которому с вышки поста наблюдения вся бухта видна была как на ладони. – Продолжайте!

- Есть! – ответил Гаврила и кивнул командиру.

- Командиру БЧ-7 поставить ложную уводящую цель из ПК-10! – правильно истолковав кивок начальника, скомандовал Берёза.

После того, как окончилась постановка «забора» и корабль лёг на курс в точку якорной стоянки, Сергей Олегович перестал сдерживать рвущиеся наружу эмоции.

- Минё-ор! – рявкнул командир с такой силой, что стоявший рядом рулевой подпрыгнул и схватился за ухо.

- Есть, товарищ командир! – в проёме двери ГКП показалось взволнованное лицо Анащенко.

- Гашиш Марихуаныч! – не замечая, что от волнения он величает командира БЧ-3 так, как в шутку (чаще за глаза), имея ввиду созвучность фамилии и некоторую флегматичность характера, именовали Виктора Сергеевича офицеры-сослуживцы, обратился к минёру Берёза. – Какого хрена?!! Какого-такого корнеплода, я Вас внимательно спрашиваю, бомбы сошли без какой бы то ни было команды с моей стороны? Или же я для мебели сюда поставлен лишь с той целью, чтобы только ленивый начальник не ткнул внутрь нежного командирского тельца сучковатым черенком от сов-

ковой лопаты за все ваши косяки?

- Товарищ командир, Вы же сами сказали...

- Что я сказал? Когда?! – перебил офицера капитан 2 ранга. – Да у меня волосы на всём теле поседели, пока я наблюдал, как Ваши бомбы к заднице «Кузнецова» подкрадываются! Не веришь? Хочешь, покажу???

- Вы же сказали, товарищ командир, что залп бомбами через десять секунд после торпедного... Вот я и...

- Фуххх! – с шумом выдохнул Сергей Олегович. – Вы меня точно, если не в могилу, то на нары отправите! Ключевым тогда было слово «примерно»! И сказано это было лишь для того, чтобы ты мог ориентироваться во времени, а не прыгать как мартышка на кнопке «Залп» без команды. Верно говорят, что человек, хоть раз в жизни побывавший в минёрской шкуре, уже никогда нормальным не станет – по себе знаю!

И, уже более спокойно посмотрев на командира БЧ-3, Берёза продолжил:

- Осмотреть РБУ, доложить расход боезапаса! Разбираться со всем этим после будем!

Через некоторое время Анащенко, вновь прибыв на ходовой пост, доложил:

- Товарищ командир, расход боезапаса – двадцать РГБ-60 из двадцати четырёх.

Сергей внимательно посмотрел на Кислякова, но Гаврила Иванович лишь чуть кивнул и отвернулся к иллюминатору, будто его это не касалось вовсе.

- Ты хоть понимаешь, **что** это значит? – обратился Берёза к капитан-лейтенанту.

- Нет. А что?

- А то, что если бы не Гаврила Иванович с его командой «Дробь!», – Сергей вновь взглянул на Кислякова, – то на

причале нас бы уже ждал «воронок», и после люди с очень добрыми и очень внимательными глазами задавали бы нам оч-чень неприятные вопросы. А потом, дорогой ты мой Виктор свет Сергеевич, – по тундре, по железной дороге в телогрейке и треухе... Так что теперь твоя прямая обязанность – поить уважаемого Гаврилу Иваныча отборным армянским коньяком до самой пенсии!

Когда командир отпустил Анашенку и подошёл со словами благодарности к Кислякову, тот, всё так же глядя в иллюминатор, тихо произнёс:

- Правильно говорят, что у каждого корабля своя судьба и характер. «Дозорный» как будто специально проверяет своих командиров на прочность. Я, командуя им, по «Марьяте» стрелял, ты – по «Кузнецову». У меня на Дне ВМФ косяк с бомбой вышел, у тебя он (хоть и в другой интерпретации) повторился. Всё развивается по спирали...

- Да уж... Только вот развивается всё как-то по прогрессии... – поддержал тему Берёза. – У нас, Гаврила Иванович, даже минёры теперь именные. Ваш – «Латышский Стрелок», а мой – «Убийца Авианосцев»!

- Ну, будем считать, что этот экзамен ты выдержал, и подобных ляпов больше не повторится.

Празднование Дня Военно-Морского Флота продолжалось...

Следует помнить, что больные вообще, за редчайшим исключением, находятся в угнетённом настроении духа. Для самого успеха лечения врач должен ободрять больного...

Г.А.Захарьин

Ролевые игры

Сергей изображал из себя пациента, она была доктором...

- Шире рот открой! И не дёргайся так – хуже будет... Чувствуешь?

- Ага...

- Спиртное вчера употреблял?

- Угу...

- Сколько?

- Не помню. Товарищ орден получил, ну и...

- Чтож, тебе же хуже...

После, глядя на него, абсолютно разбитого и морально подавленного, склонилась к самому уху и, придавив грудью, еле слышно спросила:

- Что, жалко себя – любимого?

- Ещё как!

- Терпи! Такой женщине, как я, отказывать нельзя!

В это Берёза, почему-то, сразу поверил. Сидел и ждал, что будет дальше.

- Ну, приступим. Люба, держи ему голову. А ты если будешь дёргаться, – это уже к нему, – шею жгутом зафиксирую!

- Так больно?

- А-а-а!

- Сам виноват!..

- О-о-о!

Если бы не погоны капитана первого ранга на плечах, Сергей бы давно уже смылся, но приходилось держать марку. Теперь он понял, почему ему сказали прийти в форме.

Боль, конечно, не адская, но Берёза честно пытался оторвать подлокотники кресла, в котором сидел, однако кресло было сделано на совесть. Голову его держали крепкие руки, и Олегыч сразу вспомнил расхожую шутку знакомых врачей: «Хорошо зафиксированный больной в наркозе не нуждается!»

- Вот и всё! – Сергей медленно открыл глаза и увидел у себя перед носом вырванный зуб. – Итак: два часа не есть, спиртное сегодня не употреблять... (рухнула последняя надежда на общедоступную анестезию) ...иначе откроется кровотечение, привезут в госпиталь, позвонят мне. Я не поленись, приеду. И тогда...

Дальше Берёза уже не слышал. Ему было хорошо...

*Кто из детей не мечтал о собаке,
О красивом и ласковом псе,
Который встречал бы тебя у порога
И лаял (пел на своём языке).
Он от врагов меня защищал бы
И вещи мои сторожил,
А я бы в долгу не остался –
И жизнь бы свою с ним прожил.*

Андрей Кутько

Бизон

Как и когда он появился на борту корабля, уже и забыли. Тот, кто приволок из города этого игривого щенка – помесь немецкой овчарки и двор-терьера – уже давно уволился в запас и изредка вспоминает о своей службе на краснознамённом Северном флоте...

Просто, как-то в один из дней, на глаза старпому попался катящийся по палубе пушистый чёрный комок с сине-белосиней повязкой «Рцы»⁹³ вместо ошейника.

- Чей зверь? – спросил старпом, оглядывая замерших матросов.

Народ на баке притих, не зная, что ответить и чего ожидать от грозного начальника. Все знали, что в служебном плане старпом суров и непреклонен, но в житейских вопросах он – человек настроения. Может случиться так, что и прикроет глаза на незначительное нарушение Устава⁹⁴, не отражающееся непосредственно на боевой подготовке корабля. Пауза затягивалась...

- Ну? – поднял бровь начинающий терять терпение старший помощник.

- Наш... – тихо произнёс старший марсовый Хидиров,

---

93. Наручная повязка дежурной службы;

94. Держать на корабле животных личному составу разрешается лишь с разрешения командира корабля - ст. 456 Корабельного устава ВМФ;

служить которому оставалось чуть более месяца.

- Чей «наш»? – голос старпома стал ещё более грозным.

- Боцманский, – уже более уверенно ответил Хидиров. Семь бед – один ответ.

- И как зовут?

Матросы молчали как партизаны...

- Понятно! «Мамо, купи на базаре кутёночка, назови Старпомом. Приеду – утоплю заразу!», – процитировал он известное матросское письмо.

По понурым физиономиям подчинённых капитан 2 ранга понял, что угадал.

- Значит так! Поскольку самое прозвание «Старпом» не гарантирует зверюге положенный статус и, к тому же, создаёт предпосылки к дурному с ним обращению, данную кличку не утверждаю! Будет зваться... – капдва посмотрел на лобастую голову и мощные лапы, присел и почесал щенка за ухом. – БИЗОН!

Матросы, уже успевшие мысленно попрощаться с полубившимся щенком, облегчённо выдохнули.

- Да, кстати, – продолжил поднявшийся от Бизона старший помощник, – на повязку «Буки» нашейте, чтобы Уставу соответствовало.⁹⁵ А командиру я сам доложу.

Вот так Бизон стал полноправным членом экипажа большого противолодочного корабля «Маршал Рокосовский».

* * *

---

95. Для лиц, несущих специальные наряды в боевых частях и службах, на повязках нашиваются отличительные цифры (буквы) черного цвета, присвоенные соответствующим боевым частям (службам) - ст. 732 Корабельного устава ВМФ.

«Б» (Буки), нашитая на повязку «Рцы» означает - дежурный боцман. В данном же случае нашитая литера ещё и совпадала с начальной буквой клички Бизона, зачисленного в боцкоманду;

Увольнялись в запас матросы, менялись командиры, а Бизон так и нёс службу на ставшем для него родным корабле. Это был уже не игривый щенок, а матёрый пёс, пользующийся любовью и заслуженным авторитетом у команды.

Каким-то непостижимым образом он умел безошибочно отличать членов экипажа «Рокосовского» от чужих. Каждый «чужой», пытавшийся пройти по кораблю мимо лежавшего у рубки дежурного Бизона без сопровождения из «своих», подвергался яростному облаиванию. Зато членов экипажа Бизон защищал, как умел.

Однажды, во время ежегодного учения «Кумжа», когда слушатели академии Генерального Штаба ознакамливаются с флотом, один из слушателей, возвращаясь вечером навеселе, кинул в лежащего на причале Бизона камнем. Пёс вскочил и яростно залаял, выказывая своё отношение к этакому афронту. Однако, обидчик успел скрыться. Утром же, во время построения слушателей, Бизон узнал давешнего «хулигана» и молча цапнул его за ногу – знай наших!

Бизон тут же получил по шее от отца-командира. Но было уже поздно – дело сделано!

Узнав о случившемся, командира «Рокосовского» вызвал к себе командир эскадры. Зная, что от этой беседы ничего хорошего ожидать не приходится, капитан 1 ранга Георгий Артамонов ещё раз заглянул в устав, прихватил кое-какие документы и направил свои стопы к начальнику.

Взойдя по трапу на борт крейсера, Георгий Андреевич задержался у двери флагманской каюты, поправляя форму.

- Разрешите, товарищ командир эскадры?

Вице-адмирал Раевский оторвался от бумаг:

- А! Командир! Проходите, дорогой товарищ! – проговорил Антон Геннадиевич с ехидной улыбкой, и Артамонов понял, что худшие его опасения подтвердились.

- Прибыл по Вашему приказанию, товарищ адмирал, – произнёс капитан 1 ранга, переступив через комингс.

- Плохо! – насмешливый взгляд командира эскадры изучал Георгия Андреевича так, как будто Раевский узнал о командире «Маршала Рокосовского» что-то новое и не вполне лицеприятное. – Плохо, что Вы, после всего случившегося, прибываете ко мне по приказанию, а не по велению совести! Чтож, поведайте мне, как Вы дошли до жизни такой.

Артамонов изобразил на лице полнейшее раскаяние:

- Виноват, товарищ комэск! Не уследил. В оправдание могу лишь сказать, что Бизон раньше никогда клыки в ход не пускал – всё ограничивалось банальным лаем. Но тут он сам подвергся нападению и затаил обиду. – Произнеся это, Георгий Андреевич всё же не удержался от каламбура, – За что Бизон уже получил по рогам.

- Высокая воинская дисциплина основывается на неотвратимости наказания и соответствия суровости взыскания совершённой проступку, – назидательно произнёс Антон Геннадиевич, вознеся к подволоку указующий перст. – Поэтому ваш Бизон должен за козла ответить и быть немедленно удалён с корабля. А то, глядя на это дело, скоро матросы, в надежде укусить, на меня бросаться начнут.

- Согласно Корабельным Правилам, животные должны быть немедленно удалены с корабля, если есть подозрение, что у них появилась болезнь, опасная для здоровья людей, а также, если замечены недостаточно хороший присмотр за животными и дурное обращение с ними личного состава, – пытался отстоять пса командир. – Однако ж, Бизон здоров, под должным присмотром личного состава, а уж о «дурном обращении» никто и не помышляет, поскольку он является общепризнанным годком и любимцем команды...

- Мне, конечно, приятно открывать Вам глаза на мир, рассказывать о чем-то новом и увлекательном, будоража при этом Ваш пытливый флотский ум, но я – не заезжий лектор общества «Знания», я – заметный представитель великой инквизиции и могу сделать больно сразу всем,⁹⁶ – взорвался командир эскадры, возмущённый пререканиями подчинённого. – Ваш зверь уже почувствовал вкус человечины и представляет серьёзную опасность для экипажа корабля и командования эскадры! Поэтому этого Вашего кобеля не только удалить с корабля, но и усыпить, как людоеда!

- Но...

- Никаких «но»! Справку об усыплении представите мне завтра к семнадцати ноль-ноль!

Все увещевания Георгия Андреевича и попытки пробудить в начальнике человеко-, а вернее – собаколюбие, успехом не увенчались – Раевский был непреклонен!

Прибыв к себе на борт, капитан 1 ранга Артамонов устроил разнос дежурному по кораблю, которому досталось и за бакланов, орущих на причале, и за недостаточную расторопность и служебное рвение вахтенного у трапа, и много ещё за что...

- Начмеда ко мне! – закончил разнос командир и поднялся в каюту.

---

96. Здесь и далее использованы подлинные цитаты из высказываний широко известного в узких кругах флотоводца, с которым автору довелось служить.

На следующий день, к назначенному времени, командир большого противолодочного корабля «Маршал Рокосовский» вновь предстал перед открытой дверью флагманской каюты, из которой доносился до боли знакомый голос командира эскадры, распекавшего флагманского ракетчика:

- Я не устану повторять, что отсутствие гениальности с лихвой компенсируется частотой повторений! Не можете сделать с первого раза – забирайте свои документы и переделывайте.

Ф-РО, что-то бормоча себе под нос, начал собирать со стола бумаги. Это не укрылось от острого слуха Раевского, который тут же огорошил подчинённого неожиданным вопросом:

- Тонких, а какие у меня глаза?

- Серые, товарищ командир эскадры... – неуверенно выдал капитан 2 ранга Тонких, надеясь, что угадал.

Тут внимание Антона Геннадиевича переключилось на Артамонова, видневшегося в проёме двери:

- А Вы что скажете, Георгий Андреевич?

- Маленькие и злопамятные, товарищ вице-адмирал, – заходя в каюту, произнёс командир «Рокосовского», умышленно величая начальника полным воинским званием.

Командир эскадры сделал вид, что не заметил эскапады подчинённого, и повернулся к флагманскому специалисту:

- Слышали? Поэтому не надо тут бубнить себе под нос всё, что Вы обо мне думаете – всё равно нового для меня ничего не скажете – а лучше идите и устраняйте сделанные замечания, чтобы потом не было мучительно больно... А то привыкли, понимаешь, что наш козёл с первого раза не бодает...

После того, как флагманский ракетчик, испросив разрешение, вышел из каюты, на стол комэску легла справка. В

документе было указано, что ветеринарной клиникой номер такой-то была проведена эвтаназия (усыпление) беспородного кобеля по кличке Бизон (вес 34 кг) с последующей утилизацией (кремацией) тела. Что подписью и печатью удостоверялось.

Надев очки и безглаголиво подцепив листок бумаги кончиком мизинца, вице-адмирал Раевский внимательно ознакомился с его содержанием.

- Надеюсь, Вы этот документ не на корабельном «кукуляторе» состряпали? – спросил он, внимательно глядя в глаза Артамонову.

- В угловом штампе указаны все реквизиты клиники – можете проверить! – дёрнув щекой, с вызовом ответил Георгий Андреевич, уверенный на все сто процентов, что так оно и будет. – На могилку Вас, к сожалению, свозить не смогу – прах животных на руки не выдаётся.

- Хорошо, можете быть свободны! – видя состояние командира, резюмировал Антон Геннадиевич.

* * *

Подходя к своему причалу, капитан 1 ранга Артамонов зацепился взглядом за стенд с надписью «Лучшие парни России служат на Полярной эскадре!» и эмблемой, количеством звёзд, изображённых на ней, напоминавшей коньячную этикетку. Эта картина стала последней каплей, прорвавшей плотину его терпения, и командир «Маршала Рокоссовского» дал волю эмоциям, помяная тихим незлобивым словом и командование этой самой эскадры, и её лучших парней, и корабельных собак, вместе с кошками, крысами и тараканами, и, почему-то, сам не зная почему, комитет солдатских матерей.

Дежурный по кораблю, видя состояние командира, уже приготовился получить очередной «фитиль», и, может быть, сняться с дежурства. Однако Георгий Андреевич медленно взошёл на борт и молча поднялся в каюту.

Закрыв за собой дверь, он достал из бара бутылку водки

и наполнил до краёв тонкостенный стакан.

- Ну, Бизон, пусть земля тебе... – не договорив, Артамонов залпом выпил водку и закурил беломорину.

Глядя в угол командирской спальни влажными, помутневшими глазами, Георгий Андреевич продолжил:

- Ты сам, дурак, виноват! Ну кто тебя, собаку дикую, просил эту зелень подкильную за ногу кусать? Вот оно всё как обернулось. Эх, ты...

В углу спальни Бизон поднял голову и посмотрел на хозяина долгим всепонимающим взглядом.

- Ну теперь, дружок, у тебя месяц домашнего ареста. Это – как минимум! – каперанг подмигнул любимцу команды. – Надеюсь, что к тому времени о тебе подзабудут.

* * *

Снова сменялись командиры и матросы, а Бизон продолжал жить на корабле. Шумиха вокруг него улеглась, а сам факт того, что пёс «пережил собственную смерть», ещё добавил веса к его авторитету.

Бизон заметил, что на корабле стало гораздо тише – всё реже беспокоил его гул запускаемых агрегатов и свист турбин. Да и народу на борту поубавилось... И вот в один из дней оставшаяся часть экипажа построилась на причале, а на корабль взойшли какие-то мужики в засаленных ватниках. Пёс пытался не пускать чужих, встав у трапа и зайдясь громким лаем, но был тут же одёрнут и поставлен в строй.

К борту «Маршала Рокосовского» подошли буксиры и слух стоящих на причале резанула непривычная команда:

- Вася, скидывай концы!

БПК отвели от причала и повели в последний поход к месту утилизации.

Тишину ноябрьского дня разорвали гудки тифонов кораблей, прощающихся с уходящим собратом, а стоявшие на

причале офицеры взяли под козырёк, отдавая честь своему верному товарищу – большому противолодочному кораблю «Маршал Рокосовский».

Когда БПК вывели на внешний рейд, к ничего не понимающему Бизону подошёл кто-то из офицеров, потрепал по холке и произнёс:

- Вот и всё... Пошли. Теперь у тебя новый дом – БПК «Адмирал Михайлов».

Бизон, вслед за матросами, потрусил к нужному причалу, однако на борт подниматься не стал, а проследовал мимо. Его часто видели у береговой черты – исхудавшего и с воспалёнными глазами. Те, кто это видел, были готовы поклясться, что в собачьих глазах стояли человеческие слёзы.

Прошло несколько месяцев, прежде чем почётный член экипажа «Маршала Рокосовского» поднялся на борт нового для себя дома. Освоился он на борту довольно быстро - корабли однотипные – и даже не изменил привычных мест своего нахождения, но экипаж «Михайлова» заметил одну странную особенность...

Бизон подолгу теперь стоял на торце причала и смотрел в море – туда, куда увели его первый в жизни корабль.

Сборник рассказов

Мустафин Ренат Рафикович

Заметки на полях вахтенного журнала

Фотографии автора

Технический редактор В. В. Васильев
Компьютерная вёрстка В. Врублевская

Подписано в печать 09.08.2011 г. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 10,0
Тираж 100 экз. Заказ № 119.

Отпечатано в типографии «Кронверк»
197046, Санкт-Петербург, Кронверкская ул., 21
Тел.: 8-812-972-26-51